

*А.Зубов
Л.Леров*

ВНЕ ИГРЫ

А.Зубов
Л.Леров

ВНЕ ИГРЫ

Издательство
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
Москва — 1975

Алексей Николаевич Зубов
Леонид Моисеевич Леров

ВНЕ ИГРЫ

Редактор *И. В. Стабникова*
Художник *И. А. Чураков*
Художественный редактор *В. В. Шукина*
Технический редактор *И. И. Капитонова*
Корректор *Н. Д. Бучарова*

Сдано в набор 20/III-74 г. Подписано к печати 30/I-75 г. Формат бум. 84×108¹/₃₂. Физ. печ. л. 7,5. Усл. печ. л. 12,6. Уч.-изд. л. 13,29. Изд. инд. ХД-384. А09234. Тираж 75.000 экз. Цена 54 коп. в переплете. Бум. № 2.

Издательство «Советская Россия», Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25. Заказ № 2159.

Зубов А. Н., Леров Л. М.

3-91 **Вне игры. М., «Сов. Россия», 1975.**

240 с.

Эта повесть о работе советских контрразведчиков, о борьбе с умным, сильным и опытным противником. События, начавшиеся в годы войны, развертываются в наше время, обостряются весной 1968 года, переплетаются с тогдашними событиями в Чехословакии, когда резко активизировались вражеские разведки.

Битва с вражескими разведчиками ведется как битва идеологическая, битва за души колеблющихся, неустойчивых. В этой битве наши контрразведчики находят опору среди советских патриотов,

З 10604—082
М—105(03)75 **91—75**

P2

ТЕЛЕГРАММА

В полночь Бутову позвонил дежурный по управлению.

— Прощу прощения за поздний звонок, Виктор Павлович. Только что передали от Михеева, что ее наконец нашли... В больнице... Попала в аварию... Врачи говорят, что опасности для жизни нет, даже операции не требуется, но побеседовать не удалось: медицина возражает.

Бутов поблагодарил дежурного, сказал, что в комитет приедет пораньше, и попросил поддерживать связь с больницей и областным управлением.

Итак, она никуда не сбежала. И что за авария? И авария ли? А таинственные игрушки? Бутов долго ворочался с боку на бок, пока не уснул. Но спать не пришлось. Рано утром снова позвонил дежурный. Михеев сообщил некоторые подробности, выявил ряд настораживающих обстоятельств, о которых доложит лично.

— Какие будут указания, товарищ полковник?

— Передайте Михееву, что я часа через полтора буду в комитете и жду подробного доклада. И еще одна просьба. Кто из оперативных сотрудников сейчас дежурит? Покровский? Отлично. Он в курсе дела. Познакомьте его с последними сообщениями Михеева.

Бутов принял душ, наспех позавтракал и вышел на улицу, тихую, влажную и еще немногочисленную в этот ранний час. Тучи рассеялись, только розовели редкие облака, и после недавнего дождя воздух был свеж и терпок.

Виктор Павлович любил природу. Особенно весной, в пору пробуждения всего живого. Какое это блаженство — ранним утром на даче, еще до восхода солнца пойти на речку: где-то засвистел скворец, зачирикали воробьи,

потом прилетела зеленовато-желтая иволга... Увы, все его планы на Первомайские дни рухнули. Что поделаешь — пустяковое, казалось бы, дело приняло серьезный оборот.

...В канун Первомая, когда Бутов уже собирался уходить домой, его задержал генерал.

— Звонили из приемной. Пришла женщина, почтовый работник. Выслушайте ее внимательно. Дело несколько странное и, возможно, выведенного яйца не стоит. Но всякое бывает. К тому же день сегодня необычный. Если что-то серьезное — сообщите.

Бутов хорошо знал строгое правило чекистов — перед праздниками требуется особая настороженность. Многолетний опыт учит — провокации, диверсии и всякие иные операции вражеские спецслужбы чаще всего приурочивают к той поре, когда советские люди отдыхают, принимают гостей, сами идут в гости. И вот именно сегодня и случилась эта странная история.

...В восемнадцать двадцать пять из Москвы в один из пограничных городов Западной Украины на имя Марии Павловны Денисенко была отправлена телеграмма. Девушка, принимавшая ее, несколько раз перечитала текст и недоуменно посмотрела на молодого человека, стоявшего у окна. Лицо его было бесстрастно, хотя телеграмму он подавал странную.

«Чижик Явки проявлены срочно ховай игрушки огороде лесу Сергей».

Рассказывая об этом Бутову, начальница отделения связи выглядела явно смущенной.

— Конечно, частная переписка неприкосновенна. Но случай уж больно необыкновенный. И еще — адрес получателя: сколько там всяких банд орудовало! Вот мы и решились...

Генерал Клементьев, выслушав Бутова, улыбнулся.

— Лихо отстукали телеграмму...

Генерал и полковник, после недолгого обмена мнениями, сошлись на том, что вероятнее всего это «розыгрыш». Но связисты — молодцы, что насторожились. Чекистам известны случаи, когда враг действует удивительно примитивно, в лоб, надеясь откровенной наглостью сбить с толку контрразведку.

— Считайте, что о розыгрыше у нас с вами разговора не было. Даже если это только глупая шутка, небезынтересно познакомиться с человеком, которому подобное приходит в голову. Действуйте, Виктор Павлович...

Бутов позвонил жене и сказал, чтобы на дачу ехали без него.

Вскоре было вынесено постановление об изъятии подлинника телеграммы, получена санкция прокурора. И вот первые вопросы: кто — Сергей? Кто — Мария Павловна Денисенко? Подлинная фамилия? Кто этот Чирик? Что касается обратного адреса, то, как и следовало ожидать, дома 230 по Ленинградскому проспекту в Москве не существует...

Бутов и не очень рассчитывал, что сумеет в Москве быстро напасть на след Сергея. Он больше надеялся на ответ из областного управления КГБ. Сообщив коллегам о телеграмме, полковник попросил подготовить данные о Марии Павловне Денисенко, узнать, не открывая причин поиска, кто такой или кто такая Чирик, а там уж и до Сергея нетрудно будет добраться. Однако первое сообщение коллег не давало оснований для каких-либо серьезных подозрений.

Мария Павловна Денисенко — женщина лет под семьдесят, в прошлом учительница. В этот тихий городок переехала из областного центра десять лет назад, после смерти мужа, участника гражданской и Отечественной войн. Местная школа предложила ей работу и крохотный домик с огородом, и Денисенко покинула большой, по ее представлениям, шумный город, с которым были связаны тяжкие воспоминания: она не успела эвакуироваться и приняла от гитлеровцев муки, какие только могли выпсть на долю жены комиссара.

У старушки гостит племянница Ирина из Москвы. Красивая молодая женщина спортивного склада. Видимо, она и есть тот самый Чирик, которому предназначена телеграмма. Ирина здесь не впервые, и о ней и о ее матери известно тут многое. Мария Павловна любила рассказывать в деталях о судьбе сестры и племянницы. Родилась Ирина в начале войны. Отец, которого она никогда не видела, был секретарем райкома партии недалеко от старой границы с Латвией. Район был оккупирован в августе сорок первого. Секретарь успел еще до прихода немцев отправить беременную жену к ее мачехе в Подмосковье. До Москвы она добиралась долго и трудно. Дорогу нещадно бомбил противник. На одной из маленьких станций поезд простоял с утра до позднего вечера: говорили, что где-то впереди немцы высадили десант и дальше железнодорожный путь отрезан. Так это или нет —

точно никому не было известно. Анна Павловна растерянно металась вдоль поезда, ходила на станцию.

Над беременной женщиной сжалился начальник следовавшей на Восток автоколонны с эвакуированным оборудованием. Сжалился и взял с собой. «Обходной дорогой будем пробиваться...»

После долгих злключения Анна Павловна добралась до Калинина, где жила ее школьная подруга Наташа, молодой врач. Она осталась у подруги. Но гитлеровцы приближались к Калинин, и началась эвакуация города. Наташе удалось втиснуть подругу в санитарный поезд.

И вот уже Анна в подмосковном рабочем поселке, у мачехи. Застала она ее в состоянии крайнего смятения.

Немцы уже бомбили подступы к столице и, конечно же, нацеливались на большой завод, близ которого и вырос поселок. В общем, мачеха, не посоветовавшись ни с кем, никому ничего не говоря, решила спешно переехать в Москву и взяла с собой Анну.

Родственница мачехи, Софья Михайловна, одинокая женщина, оказалась человеком сердобольным. Приветливо встретила, потеснилась. На ее плечи и легли все заботы о новорожденной и молодой матери. Мачеха уже мало чем могла помочь — тяжелая болезнь сердца свалила старушку.

Роды прошли не очень благополучно. И девочку и мать пришлось долго выхаживать. Нетрудно представить, как все это складывалось в условиях осени сорок первого. Откуда только взялись силы — и у Анны, и у Софьи Михайловны, заменившей чужим людям мать и бабушку.

...Прошло уже более полугодом с тех пор, как Анна Павловна покинула родной дом. Ей известно, что район их оккупирован. А где муж? Что с ним? Вестей от него и быть не могло. Поселок, где жила мачеха, тоже был оккупирован, а когда началось наступление советских войск под Москвой и поселок освободили от гитлеровцев, выяснилось, что дом старушки разрушен. Да и не помнит Анна Павловна, успела ли перед отъездом оставить мужу адрес мачехи.

Не без помощи добрых друзей Софьи Михайловны Анне удалось устроиться во фронтовую концертную бригаду. Ей разрешили, пока ребенок окрепнет, выступать

в московских госпиталях. В одном из них она неожиданно встретила земляка, Михаила Васильевича.

— Михаил Васильевич! Родненький... Какими судьбами? Ну, рассказывайте же... А он-то где? Жив?.. Дочь у нас... Иришка!

Михаил Васильевич слушал ее молча, не прерывал. Когда умолкла, он взял ее под руку и отвел в сторону:

— Теперь послушайте меня...

Он рассказал, что муж Анны Павловны был выдан провокатором и во время боевого задания схвачен гестапо. А раз такой человек попал в гестапо, считай, что его уже нет в живых.

Ну, а вдруг! Всякое бывает на войне. Вдруг останется в живых, вырвется из гестаповских застенков... Вдруг Михаил Васильевич вновь окажется в тех краях — он что-то туманно говорил по этому поводу: «Прикажут, так снова полечу туда. Я ведь солдат...» Но она поняла: ему возвращаться в те же края. Так вот на этот случай Анна Павловна передала чекисту свои координаты. «Писать не буду — я суеверная. А если свершится чудо и увидите мужа — расскажите ему все обо мне... И адрес дайте».

...Анна Павловна, хотя и не верила в чудеса, терпеливо ждала весточки. Она не знала, что Михаил Васильевич погиб. Во главе группы разведчиков его перебросили в тыл противника, в те же места, где он работал до войны. Фашисты обнаружили эту группу, и в первой же схватке ее командир был убит.

Ирине было три года, когда ее мать отправилась с концертной бригадой на фронт. Где-то под Варшавой ее застигло письмо из Москвы. Софья Михайловна сообщала о смерти мачехи. «Но вы за Иришку не беспокойтесь. Она растет и крепнет. Я уж посмотрю за ней... Так что помогайте фронту».

В начале сорок пятого, на Одере, в медсанбате она познакомилась с военврачом Захаром Романовичем Рубиным. И вскоре после окончания войны у Ирины появился отчим. Жили дружно, весело. Захар Романович сначала относился к Ирине как к родной дочери и ласково называл Чижиком. Но когда в пятьдесят девятом Анна Павловна умерла, между Ириной и отчимом появилась какая-то полоса отчуждения. Полоса эта ширилась по мере того, как в доме Захара Романовича — он быстро

утешился — часто стали собираться веселые компании: была у него такая слабость — любил, когда о нем говорили: «О, это грандиозный хлебосол!» В его доме за столом шумело много людей, не всегда, увы, хорошо знавших друг друга и хозяина. Непременной участницей застолья стала бывшая мамина знакомая, актриса, которую Анна Павловна не очень-то жаловала и к семье близко не подпускала — теперь Ирина поняла почему.

Первое лето после смерти Анны Павловны девочка провела в гостях у тетки. Мария Павловна хотела и вовсе оставить Ирину у себя, но Рубин категорически воспротивился. В письме его к Марии Павловне были душевные слова о покойнице, о приемной дочери, ставшей для него самым близким человеком. Словом, девочка вернулась в Москву, но почти ежегодно летние каникулы проводила в живописном украинском городке.

Ирина не попала сразу же после школы на биофак, не хватило одного балла. Было, конечно, обидно, но она не сочла случившееся трагедией — о, сколько ее сверстниц, не попав в вуз, считали, что жизнь кончена! Ирина иронически смотрела на пап и мам, неразборчивых в средствах — лишь бы пробить своему дитяти дорогу в вуз. Ей было неприятно наблюдать, когда уважаемые люди становились жалкими просителями. Хотя в ту пору Захар Романович уже не пылал нежной отцовской любовью и в общем-то его не очень опечалили итоги конкурсных экзаменов, он, тем не менее, собрался ринуться в бой. И вдруг — неожиданный противник. Сама Ирина... «Нет, так поступать в университет я не хочу». Отчим растерялся.

— Ты с ума спятила. Ведь Иван Иванович обещает помочь...

Ирина стояла на своем. Тогда Захар Романович стал уговаривать ее пойти в медицинский.

— Я тебя туда запросто устрою.

Но она была девушкой целеустремленной, диплом не был для нее самоцелью: биофак она выбрала еще в девятом классе.

Ирина отказалась от всех предложений отчима и сказала, что уедет на год к тете Маше, будет там работать, а потом снова станет пытаться счастье. И не обязательно в Москве. Может быть, там, в тетиних краях. Захар Романович в принципе не возражал, но категорически отверг вариант переезда на постоянное жительство к тетке.

Трудно сказать — был ли то голос человека, для которого Ирина, невзирая на возникшее отчуждение, действительно оставалась близким существом, занявшим большое место в его жизни: уйдет она, и появится пустота, и ему будет трудно. Но возможно, что возвышенные эмоции прикрывали соображения сугубо практического порядка: судьба отдельной трехкомнатной квартиры, в которой он оставался вдвоем с Ириной. Однако, как бы там ни было, Захар Романович настоял на своем.

Уже на втором курсе биофака Ирина повстречала человека, вызвавшего в ней то самое, не объясненное ни поэтами, ни учеными чувство, которое заволакивает разум и заставляет сердце колотиться быстрее обычного. Борис — он был намного старше ее — уже окончил воронежский институт и проездом к месту работы (на Севере шло строительство большого химкомбината) остановился на несколько дней у дальних родственников, в доме Ириной подруги.

Ирина влюбилась молниеносно, а господь-бог наделил ее такой поразительной непосредственностью, что она сама поведала Борису о своих чувствах. Молодой инженер был поначалу сдержан, но вскоре вспыхнул «страстью нежной».

Захар Романович, узнав о намерении Ирины выйти замуж, всполошился. Он пытался доказать, что увлечение быстро пройдет. К тому же сумеет ли она быть и женой и студенткой? В союзники была привлечена тетя Маша. От нее пришло письмо, полное тревог и увещаний. Но Ирина настояла на своем, и в ресторане «Прага» была сыграна свадьба. А через три месяца они разошлись. Случайно в руки Ирины попало недописанное письмо. Оказалось, что на Севере Бориса ждет невеста — она получила диплом инженера на год раньше. И еще выяснилось — за «страстью нежной» скрывалась тривиальная комбинация расчетливого себялюбца: прописка в Москве, квартира, денежный папа, «да и девчонка собой недурна, умна, остра, хоть и напичкана всякими романтическими иллюзиями».

Ирина сама подала заявление о разводе. Она стойко перенесла крушение идеалов, созданных пылким воображением. Прозрение оказалось нелегким: немало было пролито слез.

Захар Романович торжествовал и в кругу друзей похвалялся:

— Чутьем уловил, что это за фрукт... Уж как нажимали на меня молодожены, а я от постоянной прописки воздержался. Черта лысого!..

Когда Ирина пришла из суда с решением о разводе, отчим встретил ее молча и успокаивать не стал. Подавленная, терзаемая безответным вопросом — как же все это произошло, — она ушла в свою комнату. Хотела уснуть, забыться, но не смогла. Пролежала до вечера. Из

оцепенения ее вывели голоса, доносившиеся из столовой. Там, как обычно, шло веселье.

Вскоре Захар Романович сам поехал к декану и договорился об академическом отпуске по семейным обстоятельствам, а затем отправил Ирину в Кисловодск. Но мира в доме не было. Более того. Пожалуй, с этого времени «холодная война» между отчимом и падчерицей стала прочной и длительной.

Окончив биофак, Ирина получила назначение в научно-исследовательский институт и всерьез увлеклась проблемой биологической защиты водоемов. Зимой она работала почти без выходных, и в порядке компенсации ей дали возможность недельку отдохнуть. Отчим рекомендовал Сухуми, а она полетела к тете Маше — очень уж захотелось побыть возле родного, хорошего человека, согреться его душевным теплом.

...Обо всем этом, правда более скупое и официально, Бутову на следующий же день сообщили коллеги из областного управления. Видимо, помогли работники милиции маленького городка, где, как говорится, все на виду и все хорошо знают друг друга. Бутов остался премного доволен и предложил подключить их к проведению операции: им это будет сподручнее. Туманную телеграмму надо попытаться расшифровать, не допрашивая получателей. Быть может, о ней осведомлен еще кто-нибудь.

Вскоре от коллег пришло еще одно сообщение. В-первых, в городке о телеграмме никто, включая ближайших соседей и друзей Марии Павловны, ничего не знает. Во-вторых, утром Чижики на машине отбыла в неизвестном направлении.

Бутов распорядился действовать более энергично и, если к полудню Ирина не покажется в городе, поручить участковому деликатно побеседовать со старушкой. Еще через час доложили подробности. Рано утром к домику учительницы подкатила «Волга». Номера никто не запомнил, но обратили внимание, что машина из областного центра. За рулем сидел мужчина лет тридцати. Лица его толком никто не разглядел. Рыжеватые усики, темные очки и замшевая куртка. Вот и все приметы. Ослепительно нарядная Ирина — красное трикотажное платье, плотно облегающее фигуру, очень шло к ее черным глазам и густым соломенного цвета волосам, уселась рядом с «очкастым» — так окрестили его мальчишки, — послала тете Маше воздушный поцелуй, крикнула: «До завтра!» — и укатила.

Вскоре Денисенко появилась на праздничной улице. Тысячи солнц звенели в умытых окнах, утренняя роса легла на железные крыши, улицы полыхали флагами. Первомай! А она, хмурая и озабоченная, ни на что не глядя и ни за кого, вопреки обыкновению, не «зацепившись» языком, проследовала к остановке автобуса, идущего в областной центр.

Так неожиданно исчезли из городка и Мария Павловна и Чижики. Куда отбыла «Волга» с «очкастым» за рулем — неизвестно. Что это — первомайская прогулка или нечто другое? Кто он, рыжеусый друг Чижики? И где уверенность, что «московская племянница» — это и есть Чижики? Быть может, Мария Павловна как раз и отправилась с телеграммой к настоящему Чижику?..

Слишком много неизвестных. Бутов вызвал в комитет своего ближайшего помощника Михеева.

— Слушаю вас, Виктор Павлович.

— Товарищ Михеев! Хотя и праздник, но придется лететь.

— Когда?

— Немедленно...

...Утром второго мая Михеев сообщил, что связался с коллегами из соседнего областного управления. Если к полудню от тамошних постов ГАИ никакие наводящие

на след сообщения не поступят, он вместе с оперативным сотрудником КГБ и участковым инспектором милиции, знающим Ирину в лицо, сам займется поисками. Возможно, что к этому времени объявятся Ирина или Денисенко. Но и утром никто не объявился, обнадеживающих вестей с дорог не поступало, и бригада Михеева отправилась в путь. Погода была мерзкой — густой туман. Часто останавливались и расспрашивали водителей — безуспешно. Пошел дождь, и «дворник» лихорадочно маячил по ветровому стеклу. Зажженные среди дня фары выхватывали из желтоватой мути только пять-шесть метров глянцевого асфальта или пузырящейся глины, которая еще час назад была грунтовой дорогой. А михеевский «газик» все петлял и петлял.

Только под вечер напали на след: в небольшом селе им сказали, что в районную больницу доставили девушку в красном трикотажном платье, по описанию похожую на Ирину. Документов при ней никаких, а спросить, кто она, невозможно: шок! Случилась беда — «Волга» перевернулась и чуть было не грохнулась в реку. Водитель умер по дороге в больницу.

От села до больницы — километров тридцать. При хорошей погоде — это не расстояние. Но вот уже третий час без удержу хлещет дождь. Темень. Дорога — серпантин, обвивающий крутые склоны Карпат. Водитель устал до отупения. Как быть? Снова в путь? Если еще быть уверенным, что это она! А то мало ли девушек в красных трикотажных платьях? Участковый предложил:

— Пусть водитель отдохнет до рассвета. Ночью все равно ничего не предпримешь. А в Москву позвонить можно и рано утром. Как, товарищ Михеев, согласны?

Михеев помедлил с ответом, посмотрел на шофера, который уснул, и сказал:

— Он поспит на заднем сиденье, а машину я поведу сам...

Поздней ночью они добрались до больницы, где их уже ждали — местное милицееское начальство и главврач.

— Больная чувствует себя лучше. Но шок может продлиться несколько часов. Около нее медсестра, а посторонних — увольте — не могу...

— Вы установили ее имя, фамилию?

— Пока нет. Документы не обнаружены, а спросить... Я уже вам объяснил...

— Ее спутник ничего не успел сказать?..

— Нет. Умер. Лежит в морге. Протокол составлен. Все, что требуется для установления обстоятельств аварии, сделано.

— Что же, прикажете ждать до утра? — недовольно спросил Михеев.

Главврач молча развел руками — ничем, мол, помочь не могу. И тут Михеев вспомнил про участкового.

— Разрешите этому товарищу хоть мельком взглянуть на нее. Поймите, доктор, это очень важно. Я вам потом все объясню.

...В четыре часа утра из райцентра в областное управление, а оттуда в Москву ушло сообщение полковнику Бутову: «Ирина найдена. Попала в аварию. Находится в больнице. Шоковое состояние. Беседа пока состояться не может».

ЧИЖИК

Бутов пришел в свой кабинет задолго до начала рабочего дня. Виктору Павловичу по душе эти ранние часы, когда еще не «закрутилась машина», тебя не тревожат телефонными звонками, запросами, докладами и можно прочесть, спокойно обдумать и написать то, что не успел прочесть, обдумать, написать вчера.

Бутов высок и худощав. Узкое лицо с острым подбородком — в профиль полумесяц, как его обычно изображают иллюстраторы сказок. Полуседые волосы зачесаны назад. На работе привыкли к его мягкости, деликатности и неизменному спокойствию. И только самые близкие люди знают, ценой каких усилий ему, человеку нервному и легко возбудимому, дается это спокойствие. И не удивлялись тому, что порой он «срывался».

...Полковник открыл сейф, достал папку с документами, настольный календарь. Уже много лет его рабочий день, как бы трудно он ни складывался, начинался с просмотра «Правды» — привычка, сложившаяся еще в те времена, когда Бутов был на партийной работе. Но вот газета отложена, полковник откинулся на спинку кресла, закурил, и опять назойливо зажужжали тревожные мысли: «Чижик... Очкастый... «Ховай игрушки»... Авария... А главное — Сергей. Молодец Михеев, в общем-то он достаточно быстро восстановил картину событий!»

Позже, дополненная и уточненная, она выглядела примерно так:

...Телеграмма пришла вечером, когда тетка уже отгре-

мела посудой, на кухне вкусно пахло пирогами и в комнате был наведен тот блеск, без которого праздник не в праздник. Старушка бережно перебирала довоенные фотографии. Еще накануне приезда Ирины она достала этот пухлый альбом, в который не заглядывала много лет. Тетя Маша давно обещала племяннице найти снимок покойного отца Ирины, да все было недосуг. И вот: «Батюшки мои, нашла!» Ирина так и впилась взглядом в пожелтевший любительский снимок. Совсем молодая мама, а рядом с ней отец. Обязательный в ту пору полувоенный костюм секретаря райкома партии — гимнастерка, бриджи, сапоги... Отец, который так и не увидел свою дочь. Тихо в комнате. Молча сидят на диване тетя и племянница. Каждая думает о своем. И вдруг стук в дверь.

— Телеграмма!..

Мария Павловна не торопясь надела очки, подошла поближе к свету и развернула телеграфный бланк. Прочла раз, другой и побагровела, заметалась по комнате, протянула телеграмму племяннице и вопросительно посмотрела на нее.

— Полагаю, Чирик это ты, а Сергей — тот самый шалопут. Так, что ли?

Она знала, что дома Иришку звали Чириком и что есть среди друзей некто Сергей, студент. И вроде бы любят они друг друга, крепко, по-настоящему, а до свадьбы дело не доходит, чем весьма доволен отчим: «Он тебе не пара... Шалопут». Что значит «шалопут», никто, включая самого Рубина, точно не знал, но в семье с тех пор иначе его и не называли.

...Ирина прочла телеграмму и молча вернула ее тете. Наступила хрупкая тишина — вот-вот зазвенит, расколется.

— Может, любезная племянница соблаговолит объяснить, что сей бред означает? — спросила Мария Павловна, и в голосе ее металл: никогда до сих пор она так не разговаривала с Ириной.

— Не считаю нужным, тетя Маша. Известно же — шалопут...

— Но должен же быть какой-то предел... И потом, кто вас, молодых, нынче разберет!

Ирина барабанит пальцами по столу, потом, закусив губу, начинает ходить из угла в угол.

— Ну что же ты молчишь?..

— Я все сказала.

Упрямо сверкнув глазами, Ирина накинула плащ и молча же — подступали слезы — хлопнула дверью. Она пошла на почту.

— Можно в течение часа получить Москву?

Сонная телефонистка удивленно посмотрела на нее.

— Да что вы! Люди накануне заказывают...

Ирина вышла на улицу, но вскоре вернулась и заказала телефон в областном центре. Телефонистка, не поднимая глаз, спросила:

— Кого-нибудь или определенное лицо?

Ирина ответила:

— Глебова Василия Михайловича.

С Василием Михайловичем Глебовым она познакомилась в Москве, у Владика Веселовского, друга детства Сергея. Владик и Сергей жили когда-то в одном доме, вместе голубей гоняли, дворовую хоккейную команду сколачивали, вместе тайком курить начинали. Учились в одной школе и, хотя Владик шел на три класса впереди, были одноклассниками: что поделаешь, трудно сложились жизнь Сергея. А Вася — это уже институтский товарищ Владика. Каждый раз, когда Глебов, работавший на одной из строек Западной Украины, приезжал в Москву, они достойным, по их мнению, образом отмечали встречу.

...В тот вечер в квартире гудела молодежь. Среди приглашенных были Ирина и Сергей. Тон задавали Владик и Василий: блистали эрудицией, галантно ухаживали за девочками. Покачиваясь, с ненатуральным кавказским акцентом Глебов произносил витиеватый тост:

— У нас на Кавказе говорят: если хочешь, чтобы тебя слушали, умей слушать других. Выпьем за то, чтобы наши большие, средние и маленькие руководители научились слушать нас... Выпьем за подлинный социализм...

Владик и еще кто-то зааплодировали, а Сергей, сидевший рядом с Ириной — он, как всегда, много выпил, — только хмыкнул:

— Что у пьяного на языке, то у трезвого на уме... Это настоящие парни... Они, Иришка, смело судят обо всем...

— Смело это не значит умно и правильно. Древние говорили, что невежество еще не есть аргумент...

— Вот так у нас с тобой всегда. Если я скажу, что это белое, ты обязательно — черное. Характерец! — И, поднявшись с места, стал кричать: — Друзья, давайте выпьем за женский характер.

Глебов, наблюдавший за перепалкой влюбленных, чокнулся с Ириной:

— За ваш чудесный характер, Ириночка! На месте Сергея я боготворил бы вас...

Владик решил поддержать друга и тоже стал расточать комплименты. Сергей резко отодвинул стул и выскочил в соседнюю комнату, где две пары уже танцевали твист. Но Владик и Василий сделали вид, что ничего не заметили. Глебов продолжал рассказывать Ирине о стройке, о всяких неурядицах, честил начальство, острил по поводу «неэкономичной» экономической реформы, разглагольствовал о настроениях молодежи и полемизировал с какой-то газетной статьей. Он не говорил, а вещал, непререкаемо судил обо всем — будь то литература, искусство, экономика или архитектура. Время от времени Вася эффектным движением головы закидывал назад копну длинноватых для мужчины волос, неторопливо приглаживал их обеими ладонями и торжествующе оглядывался по сторонам: «Что, каково сказано? Имеете что возразить?» Высокий, широкоплечий, атлетического сложения, лицо с насмешливо улыбающимися глазами — словом, сплав интеллигентности, юмора и обаяния. Глебов держался этаким «властителем дум», каждое слово которого слушатели обязаны ловить благоговейно. Он играл эту роль с изяществом, которое вызывало у его друзей чувство зависти.

— Мы живем в бурное время, Ириночка... Читали сегодня газету? Что делается на белом свете? Раздаются трезвые голоса — если строить социализм, то настоящий, без догматизма. Согласны? Как считаете? То-то же... Умница...

Почему Глебов решил, что Ириночка «умница», — неизвестно. Она пыталась возразить, высказать свою точку зрения, но он, не слушая, продолжал вещать...

Когда расходились по домам, Василий и Ирина обменялись телефонами и адресами. И назло насупившемуся Сергею Ирина нарочито громко сказала Глебову:

— Если задержитесь в Москве, заходите. В нашем доме бывают интересные люди. Не так ли, Сережа?

Сережа буркнул в ответ что-то резкое и вышел на лестничную площадку.

Через день Веселовский и Глебов «завалились», по выражению Владика, к Ирине. Сергей уже был там. И не один, а с давним закадычным другом, Игорем Крутовым.

Он так и отрекомендовал его хозяину дома, пустившись при этом зачем-то в пространное объяснение, словно хотел оправдаться.

— Прощу прощения... Как говорится, гость незваный. Он только вчера прилетел с Севера... И всего на три дня... Можно сказать, силком затащил сюда. «Не пойду,— говорит,— и баста... Отвык от шумного столичного общества...»

— Что же это вы такой бука, Игорь... У нас никто не кусается.— Ирина мило улыбнулась и, не дожидаясь, что скажет гостю Рубин, взяла растерявшегося Игоря под руку и повела в свою комнату. Подчеркивая свое давнишнее знакомство с гостем, она спросила:

— Как вы там, в тайге? Все ершитесь? Характер?

— Нет! Убеждения...

— Возможно... Я думала, что знаю о вас все. А выходит, нет. Недавно Сергей рассказывал о вашем несколько странном призыве в армию. Могли бы и дома остаться, но... Как бы это сказать точнее...

— Тут и уточнять нечего. Пришло время, и пошел служить,— не без раздражения заметил Игорь.

— Я, вероятно, не совсем ясно выразила свою мысль.— И она резко повернулась в сторону гостя.— Но вы же поняли меня. Не так ли?

— Предположим...

— У нас был спор с Сергеем: правильно ли вы тогда поступили?

— Что это вы стали ворошить дела давно минувших дней? Да и стоило ли спорить...

— Вы считаете, что не было повода для спора?

— Каждый строит жизнь, сообразуясь со своими взглядами на нее.

— Вот поэтому и спорили... Вам неприятен этот разговор? Ну что же, тогда поговорим о Севере, лютых морозах, оленях...

— Нет, зачем же так... Вы не сердитесь.

Но в этот момент появились Владик Веселовский и Вася Глебов, и казалось, что они сразу заполнили собой всю комнату. Вася весело подмигнул Ирине, галантно поклонился и торжественно объявил:

— Синьорита! Мы у ваших ног...

«Синьорита» столь же галантно ответила, что рада приветствовать «синьоров» в своем «палаццо», и стала знакомить их с Крутовым.

— Северянина... Игорь... Но не тот...

Каламбур был воспринят Крутовым молча и угрюмо. Он явно чувствовал себя не в своей тарелке.

Когда Сергей и Игорь вышли в кухню покурить, Владик, кивнув в сторону «северянина», спросил:

— Из какой берлоги притапал сей белый медведь?

— Из дальней...

— А кто он?

Ирина иронически посмотрела на Владика и ответила несколько вызывающе:

— Человек... И кажется, из тех, о ком сказано «делать жизнь с кого».

— О, Ириночка, он уже успел очаровать вас! — воскликнул Глебов.

— Нет, скорее заинтересовать...

— Чем?

— Долгий разговор. Как-нибудь в другой раз. — Ей не хотелось посвящать посторонних в историю взаимоотношений Сергея и Игоря. Закадычные друзья успели уже не раз скрестить шпаги. Она узнала об этом от Сергея, когда он, поскользнувшись — в который уже раз! — уверял ее, что это больше не повторится. Ирина погрузилась было в тяжкие воспоминания, но из столовой раздался голос отчима:

— Молодежь, прошу к столу!

В большой комнате по обыкновению шло шумное застолье: все та же актриса пела романсы, и все тот же поэт надрывно читал стихи, о которых потом, когда гости разойдутся, Рубин, как всегда, скажет: «Чертовски острые и смелые». Закончив читать стихи, поэт стал о чем-то громко разглагольствовать, и до Ирины донеслись его слова:

— Согласитесь, Захар Романович, что, увы, действительность такова... Есть что-то от радио в их протестах. «Свободная Европа» разговаривает сейчас круглые сутки. И все о чехословацких событиях. Мы же слепые котятата... Ничего не знаем...

— Зачем вы говорите «мы», не имея для этого оснований? Кто это мы, позвольте спросить? Я, например, к семейству ваших котят себя не причисляю.

Сидевшие за столом недовольно оглянулись в сторону Игоря Крутова. Невысокий, плотный — о таких говорят «плохо скроен, да крепко сшит», — он поднялся со своего места, словно школьник, который хочет сказать учителю:

«Да, это я сказал!» И вот так, стоя и в упор глядя на поэта, Игорь с какой-то беззгливостью обронил:

— Да вы и не похожи на котенка. У вас когти хищника...

— Я попросил бы вас, молодой человек...

Поэт ринулся было к Игорю, но Владик примиряюще встал между ними.

— Дорогие друзья! Битва интеллектов закончилась со счетом один один, а сейчас попрошу тишины. Включаю «Спидолу». Слово имеет господин Би-би-си.

Когда передача «последних известий» из Лондона закончилась, Глебов вскочил и привычно вскинул голову:

— За тех, кто дерзает, кто ищет, кто борется! Выпьем, друзья. Я хочу напомнить вам Омара Хаяма: «Ты лучше голодай, чем что попало есть, и лучше будь один, чем вместе с кем попало».

Не все поняли, в чей огород брошен сей «поэтический камешек». Ирина пожалала плечами. Захар Романович безучастно — видимо, он уже опьянел — кивал головой, Владик аплодировал, а поэт обнял Глебова и повторял: «Ты лучше голодай, чем что попало есть...» Черт возьми, как это здорово сказано!»

Владик подошел к Сергею и тихо спросил:

— А ты как полагаешь, старик?

Сергей уклонился от прямого ответа, но заметил, что в принципе в этом есть, кажется, сермяжная правда.

— А правдолюбец твой понять того не может. Странный товарищ, этот Игорь... Игорь-северянин! Смешно... Я и не знал, что у тебя такой дружок имеется.

Владик сказал это вполголоса, но достаточно жестко. И пошел объясняться в любви к поэту, который все еще зло поглядывал на Крутова. Но Игорь уже никого и ничего не замечал. Он о чем-то спорил с Ириной. Сергей, внимательно следивший за своим другом, услышал его запальчивые слова:

— Есть такая философия... Удачливый, предприимчивый, ловкий, значит, правильный... Мой дед коллективизацию проводил. Там все было ясно... А сейчас... Сети из слов... Редкие, но крепкие.

Бывая в Москве — то в командировке, то в отпуске, то просто так, навестить старушку мать, — Глебов нет-нет да и заглядывал к Рубиным. При этом каждый раз напоми-

нал Ирине — «пользуясь вашим любезным приглашением». Порой это были визиты только к Захару Романовичу, и Сергей с удовлетворением отмечал: «А Иришки-то дома не было». Но в последнее время Глебов стал навещать в Москву чаще: «Ох, уж это утверждение технического проекта! Мука ада. Только и знаю, что согласываю, увязываю, хожу от одного начальника к другому», — жаловался он Ирине. И многозначительно хмыкал.

С Захаром Романовичем их связывало общее увлечение: картины. Кабинет доктора напоминал картинную галерею, и он усердно старался пополнять ее. Глебов в этом плане оказался человеком весьма полезным. Правда, у него денег поменьше, чем у доктора, но связей с дельцами, промышляющими на ниве искусства, побольше.

Рубин всегда был рад приходу Глебова, и возможно, что для этого имелись основания, связанные не только с картинами: однажды он довольно откровенно сказал Ирине, что ему приятнее видеть ее в обществе Василия Михайловича, а не этого шалопута.

...Об отъезде Ирины к тетке знал не только Сергей, но и Владик. Ирина его недолюбливала, хотя и не могла объяснить, откуда эта антипатия. Весьма современен, недурен с виду, в меру деловит, умен, энергичен, общителен, в меру сноб и прожигатель жизни, в меру увлекается прекрасным полом, предпочитая зрелых дам, и притом из «высших сфер», — с женой он развелся три года назад. Молодой человек как многие другие. Быть может, больше, чем у других, у него скепсиса и дешевой иронии. И тем не менее она не пренебрегала услугами всемогущего Владика: ей захотелось по пути к тетке остановиться в областном центре, побродить по знакомым местам, повидать кое-кого из друзей юности, и Владик легко устроил ей номер в гостинице. В первый же вечер она встретила в холле Глебова, чему немало удивилась. Ей показалось, что Глебов тоже был удивлен.

— Какая приятная неожиданность! Очень рад. Надолго? О, всего лишь? А что собираетесь делать в праздничные дни? В обществе тетки? Не лучший вариант. По праву друга Владика и Сергея считаю себя обязанным...

— Нет, нет... Это уже не подлежит обсуждению.

— Ну, а если вдруг появится желание... Мой телефон

у вас есть? Потеряли? Боже, до чего вы бессердечны. Но я великодушен. Записывайте...

Его галантность раздражала Ирину. И тем не менее номер телефона она записала, но от предложения поужинать решительно отказалась. На следующее же утро Ирина отбыла к тетке.

Получив телеграмму Сергея, Ирина вспомнила о Глебове. Во-первых, она попросит его позвонить в Москву и от ее имени отругать Сергея. Во-вторых, назло тому же Сергею отправится с Васей на машине в Карпаты. Она знает — стоит только ей пожелать, и Глебов примчится. Во время их последней встречи в Москве Глебов был достаточно откровенен. Так вот, пусть скажет Сергею о ее планах на праздники. К тому же и тетка лишится возможности весь день пилить за телеграмму — время пройдет, и добрая старушка остынет...

С почты Ирина вернулась поздно, когда тетя Маша, расстроенная телеграммой и строптивостью племянницы, сочла за благо улесться спать. И вдруг рано утром Ирина будит ее и сообщает, что за ней приехал знакомый.

— Шо це за знакомый?

— Это не имеет значения. Мы едем в Карпаты.

КАТАСТРОФА

Растерявшаяся тетя Маша не успела толком уразуметь, что означает сей первомайский сюрприз, — куда же ей девать пироги, украинский борщ, жареное мясо с тушеной фасолью, — как зеленая «Волга» скрылась за поворотом. Тем не менее зоркий глаз старушки успел заметить: за рулем сидел красивый мужчина с густой гривой волос и массивной челюстью — не то атлет, не то боксер. Мария Павловна не ошиблась: когда-то Глебов действительно занимался боксом. Старуха неодобрительно посмотрела вслед машине и тут же приняла решение: «Ударом на удар». Ирина вернется домой, а тетки след простыл — она поедет в центр (так здесь все называли областной центр), к родичам мужа. Погостит день-другой, да и насчет телеграммы посоветуется.

...Поначалу автопутешествие показалось очень милым. И спутник, и природа, и сервис в неприхотливых горных кафе. Сколько раз Ирина гостила у тети Маши, а только сегодня впервые попала на живописную полонину. Глебов весело исполнял роль гида: «Посмотрите направо,

посмотрите налево... Этот архитектурный памятник...

Они вкусно пообедали, и водитель рискнул, в нарушение строжайших запретов ГАИ, выпить немного сухого вина. К вечеру решили доехать до Ужгорода.

И вот уже мчится «Волга» по крутым дорогам. Мелькают задумчиво-прекрасные перелески, пологие холмы, суровые кручи Карпат. Ирина благодарна спутнику, и ей даже захотелось слегка пококотничать с ним, назло Сергею с его дурацкой телеграммой.

— Васенька, нельзя же так долго засиживаться в холостяках. Вспомните законы Ликурга. Еще в Спарте все холостые объявлялись людьми бесчестными, заглядывающими на чужих жен, за что лишались почетных должностей и выставлялись голыми на посмеяние.

В том же шутовском тоне Глебов «покаялся на крови», что исправится, только просит дать ему еще полгода вольной жизни...

Однако радость от «женской мести» быстро угасла. Ирина грустно притихла. Глебов мгновенно уловил эту перемену в настроении спутницы, но расспрашивать не стал, а ответил тем же: сдержан, немногословен, крутит баранку, не отрывая глаз от дороги. А выражение лица как у таксиста, которому абсолютно безразличен пассажир. Впрочем, теперь уже и водитель безразличен Ирине. Ее даже стало немного мучить чувство вины перед Сергеем. Она, кажется, далековато зашла, желая наказать его. В общем-то все это нехорошо получилось: она, почти невеста Сергея, едет с другом его друга, вдвоем в горы. Назло? Кому? Мысленно причислив Глебова к лику «стандартных» мужчин, любителей поразвлечься, Ирина еще более помрачнела.

И вот, извольте — совершенно неожиданный поворот: «стандартный» мужчина ведет себя так, будто ее и нет рядом.

— Вам неприятно мое общество, Вася? Почему вы вдруг стали таким хмурым?

Ироническая улыбка, взгляд исподлобья:

— Дурацкий характер... Простите за резкость, но он, кажется, под стать вашему... В праздничные дни люди должны забывать о работе, о всяких служебных нервозах, пить, есть, развлекаться и к чертям собачьим выкинуть из головы всякие собрания, политзанятия, хозрасчет, рентабельность. А я не могу... До чего же она, наша жизнь...

Не досказав, умолк, а потом задал совершенно неожиданный вопрос:

— Вам не приходилось бывать где-нибудь на Западе? Нет? Жаль... Я знаю, что там люди живут совсем по-другому. На первом плане дом, быт, семья, отдых, развлечения, путешествия, спорт. А работа на заднем плане. Мне вспомнились мудрые слова одного моего московского знакомого, иностранца, с которым я потом случайно встретился за рубежом: «У нас, на Западе, человек живет, чтобы наслаждаться жизнью, а не работой...»

— А вас далеко уносили ветры странствий?

— Увы, нет... Не дальше Праги. Это, конечно, не Лондон, не Париж. И все же было очень интересно. Не только потому, что я впервые оказался за границей... Это было в конце шестьдесят седьмого, начале шестьдесят восьмого...

— И что же?..

— Станный вопрос... Я мог наблюдать жизнь страны лишь как турист, и тем не менее чувствовался канун больших перемен... Все там бурлило... Заря просвещенного социализма...

— Это нечто новое... Нас такому социализму не учили.

— Вы имеете в виду семинары по диамату и истмату? Вузовский учебник?

— А вы? Что вы имеете в виду?

— Ученики Маркса живут и творят не только в Советском Союзе... Вы что-нибудь слышали, Ириночка, об австрийце Фишере или французе Гароди? Титаны мысли...

Ирина рассмеялась.

— Вы не смейтесь, Ирина... Надо понимать, уважать... Общество — организм сложный. И нужно внимательно прислушиваться ко всем, кто пытается лечить его болезни... Позволю высказать крамолу — марксизм можно ведь трактовать по-разному.

Глебов говорил в свойственной ему манере — напыщенно и безапелляционно.

Ирина спросила:

— А ваш московский знакомый, который хочет жить, чтобы только наслаждаться жизнью, он из числа борцов за просвещенный социализм?

— Нет, он — подданный другой страны. Англичанин...

И Глебов вспомнил, как в пражском универмаге он встретил господина Дюка, который когда-то учился в ас-

пирантуре МГУ, в порядке обмена иностранными студентами, и с которым Вася познакомился на квартире Владика. В Праге они жили в одной гостинице, и господин Дюк любезно пригласил Глебова заглянуть к нему в номер на чашку кофе. Поздно вечером Глебов спросил у портье: «Господин Дюк из двести двадцатого дома?» Портье ответил, что двести двадцатый дома, но в этом номере живет не господин Дюк, а господин Вестон. Глебов удивленно пожал плечами, достал записную книжку и, убедившись, что Дюк назвал ему номер 220, решил позвонить по телефону.

— Хелло! О, Василь, я очень рад. Жду вас... Да, да, это я. О, то есть маленькое недоразумение... Я не есть богатый человек, но фамилий у меня две сразу: Вестон-Дюк...

— Мы мило провели вечер,— рассказывал Глебов,— пили, впрочем весьма умеренно, говорили о разных разностях. Дюк довольно точно подметил некоторые, как он выразился, гипертрофированные черты нашего образа жизни. Он удивлялся тому, что советские газеты заполнены статьями о труде, производстве, рассказами о том, как люди работают, иронизировал, что мы, словно одержимые, все время твердим — труд, работа, производство. Будто человек рожден только для того, чтобы всю жизнь отдавать себя работе, а не брать у жизни лучшее, что она может дать.

— Взгляд с чужого берега... Труд создал человека и всегда облагораживал его, даже неандертальца,— огрызнулась Ирина.

— Мы с ним говорили,— продолжал Василий, пропустив мимо ушей реплику спутницы,— и о демократии, и о свободе мнений, и о политической погоде в Европе. Далеко не все, что утверждал Дюк, я приемлю. Но согласитесь, Ирина, со стороны бывает виднее. Мне сейчас вспомнилась огорчительная история с шофером, который ухаживает за моей «Волгой». На общем собрании автоколлонны он резко критиковал начальство. Его поддержали еще двое. И что же... Всех троих уволили... Вот вам и свобода мнений.

— И не восстановили?

— Восстановили, но сколько хлопот было. До райкома партии дошли...

— Значит, правда восторжествовала? Виновников наказали?

— Меня не это интересует.

— А что же? На мой взгляд, в этой истории важно то, что люди, смело высказавшие свои мнения, правильно критиковавшие недостатки, нашли в обществе поддержку...

— А для меня во всем этом важен принцип: о какой же свободе мнений может идти речь?

Ирина усмехнулась.

— Как говорил Горький, есть точка и кочка зрения... Но вы, пожалуйста, не кукситесь. И развлекайте вашу даму! А не то я буду жаловаться на вас. Я привыкла видеть Глебова душой общества. Вам, вероятно, скучно со мной?

— Что вы, как вам могла прийти в голову такая мысль... Да, забыл сказать. Вчера поздно вечером я выполнил вашу просьбу. Звонил Сергею, крепко отругал его за дурацкую телеграмму и сообщил, что мы с вами отправляемся в Карпаты.

— А он что?

— Небрежно обронил: «Старик, ты там не очень-то...» Это, конечно, в шутку. Сергей, кажется, не принадлежит к числу ревнивых. И верит в силу большого чувства...

— А вы?

Глебов многозначительно посмотрел на Ирину и тихо сказал:

— Я многому не верю. И большое чувство отнюдь не исключение. К сожалению, жизнь наша довольно часто дает нам поводы, чтобы не верить... Иллюзии...

— Тут я в какой-то мере могу и поддержать вас. Я не люблю скептиков, но сама не чужда духа критицизма. Говорят, что это болезнь молодых. Возможно... Ну, вот мы опять повели разговор на той же волне. Довольно!

— Ну, что же, довольно... Давайте помолчим... И если хотите, почитаем.— Не ожидая ответа, он достал из портфеля книгу Кафки.— Вы принимаете этого автора?

— О нем много спорят...

— Вы, вероятно, в числе тех, кто объявил Франца Кафку мрачным человеконенавистником. А по-моему, это — пламенный гуманист... Ведь тут тоже есть точка и кочка зрения... С некоторых пор я заинтересовался Кафкой.

— Модно?

— Нет... Интересно... Мне открыл глаза на этого пи-

сателя человек, с которым случай свел... Нас познакомил Вестон-Дюк...

— Кто же он, открыватель ваших глаз?..

— А вы не иронизируйте. Это очень умный и образованный человек. Побольше таких, и общество прогрессировало бы куда быстрее. Кстати, от него я впервые и услышал — просвещенный социализм...

— Я заинтригована. Кто он?

— Когда-то этот человек усиленно занимался изучением германистики и в связи с этим творчеством Франца Кафки. В шестьдесят третьем был одним из инициаторов созыва симпозиума, посвященного творчеству этого талантливому писателя...

— Вася, можно подумать, что вы не инженер, а литературовед.— Ирина удивленно посмотрела на Глебова.— Мне казалось, что вы принадлежите к числу людей, влюбленных в свою профессию, одержимых своей работой...

— Увы, Ириночка, мой брак с госпожой техникой — брак не по любви. Я мечтал о филологии, философии. А отец настоял на своем. Впрочем, теперь я не жалею. На арене гуманитарных битв Глебов всегда был бы под щитом. Тем, кто смеет быть не ортодоксом, туго приходится. А я хочу другой жизни. Что же касается Кафки...— И он неожиданно спросил:— Вы следили за дискуссией — физики и лирики? Хочу обратить ваше внимание на то, что иные физики куда более эрудированы в литературе, искусстве, чем гуманитарии.

— Однако, вы задавака.

— Простите, но я вовсе не себя имел в виду. И я отнюдь не кафковед. Просто случайно познакомился с настоящим знатоком Кафки. Вот и пытаюсь убить вас своей эрудицией... Между прочим, на упомянутом мною симпозиуме был принят любопытный тезис, над которым нельзя не призадуматься: отчуждение личности — явление одинаково характерное и для капитализма и для социализма.

— Позвольте, позвольте, дорогой Вася. Над чем вы хотите задуматься? Это же явно антимарксистский тезис. Я не очень сильна в социальных науках, в философии, но азы мне известны. Отчуждение личности вытекает из сущности капиталистической эксплуатации. Так кажется? Молчите? Ну и молчите на здоровье... А кто же он, ваш кафковед? Вы так и не назвали его?

— Возможно, что в эти дни вам встречалось его имя и в нашей прессе. Профессор Гольдштюккер... Видный по-

литический и литературный деятель сегодняшней Чехословакии... Кумир молодежи. В пятидесятые годы его посадили в тюрьму, а сегодня он там, где развивается знамя борьбы за возрождение партии, за демократический социализм, за новую модель социализма. Председатель союза писателей Чехословакии, он стоял у колыбели ныне самой боевой чехословацкой газеты «Литерарны листы». Вы что-нибудь слышали о такой газете?

Она не ответила, хотя из газет ей уже было известно «кто есть кто» — за что ратовали в ту пору «Литерарны листы» и их крестный отец, профессор Гольдштюккер, трубадур чехословацкой контрреволюции. Но у Ирины исчезло всякое желание продолжать спор, и неожиданно для Глебова она весело воскликнула:

— Милый Вася, что же это такое — вы, видимо, решили dokonать меня? Я поехала подышать горным воздухом, а вы задавили меня своей эрудицией. Пощадите же! Давайте любоваться природой и вспоминать стихи. Согласны?

— Согласен. Более того. Предлагаю остановиться, сделать привал и закусить... Нет, нет, пить не будем. Ничего, кроме горячего кофе.

Заботливый Глебов все учел — есть термос, кое-какие закуски, имеется магнитофон и записи очаровательных французских песен...

На землю лег пенопластовый коврик, а из багажника был извлечен чемодан с провизией. Все очень мило и вкусно. Но вдруг, прервав бесшабашную песенку, из магнитофона послышалась русская речь. Человек с нерезким иностранным акцентом призывал к поискам «иноного пути» в «храм социализма», к осуществлению основных человеческих прав, хотя бы в масштабах буржуазно-демократической страны... Призывал и угрожал, призывал и поливал грязью страну, построившую социализм.

Когда ролик кончился, Глебов подсел к Ирине.

— Ну, как, интересно? Вы просили развлечь вас, вот я постарался это сделать. Хотите еще одну запись?.. Я мог бы дать вам две-три такие катушки.— И он протянул руку к чемодану...

— Не беспокойтесь, Глебов. Не требуется.— И с раздражением отрезала:— А вам не кажется, что вы смешны?

— Ой, как грубо! Но я не обижаюсь. Все равно — если надумаете...

— А вы не боитесь?

— Как вам сказать? Во-первых, надо же, чтобы кто-то и не боялся. А во-вторых...

Глебов в упор посмотрел на нее и тихо сказал:

— Я вам верю, Ирина. Хотя по некоторым спорным проблемам у одного из нас точка, а другого кочка зрения. Но у обоих критический ум. Так мне показалось...

— А я не хочу, чтобы вы мне верили, не хочу, чтобы вы дарили мне эти ролики. И не зачисляйте, пожалуйста, меня в свою компанию «критически мыслящих личностей». — Ирина уже была не в силах сдерживаться, лицо ее покраснелось, глаза заблестели, и взгляд стал жестким.

— Зачем же столь строго?.. Согласитесь, что критически мыслящие личности — это не худшая часть интеллигенции.

— Я прошу вас немедленно отвезти меня домой... В Ужгород я не поеду.

— Ириночка... — Он придвинулся ближе, взял ее за руку.

— Отойдите, убирайтесь к черту! — задыхаясь, прокричала она и вскочила. — О какой правде вы говорите? О той, что вы преподнесли мне в музыкальном сопровождении? Если вы сейчас же не отвезете меня...

— Ну что ж, как угодно...

...Сгустились сумерки, поднялся туман, и хлынул дождь. Мутные конусы света фар едва пробивались к асфальту. Глебов уверенно вел машину, но на повороте из белой пелены внезапно вынырнула громада бензовоза. Рывок влево, и «Волга», врезавшись в столб, почти повисла над обрывом...

Что было потом, Ирина не помнит. Очнувшись она уже в больнице. Рядом сидела тетя Маша и незнакомый ей человек в небрежно наброшенном на плечи халате. Догадалась — не доктор. От нее не скрыли — Глебов погиб. Позже она узнала и все остальное. Это «все остальное» было зафиксировано в протоколах. При обыске покойного, его квартиры и его машины нашли набор кассет с магнитофонными записями, такими же, какими он «усплаждал» Ирину. Дома, в тайнике, устроенном в стенном шкафу, было обнаружено несколько библий, микропленка с записью передачи «Свободной Европы», два номера «Грани», изданная в Италии листовка «За свободу». Над заголовком призыв: «Читай и передай другому». В один

из номеров журнала вложена фотокопия письма некоего Соловьева. В письме — подробное изложение целей и задач зарубежного сборища «спасителей» России, инструкции, как поддерживать с ними связь, приглашение активно сотрудничать, помогать. Найдено было и чье-то непонятное письмо. Сразу же установили — Глебова.

«...Дружище! Когда я вернулся из Москвы, был несказанно удивлен, обнаружив в одном из журналов, который ты дал мне перед отъездом, фотокопию письма какого-то господина Соловьева. Если сие чтиво предназначено мне, то заявляю тебе прямо и решительно — нет, дружище, я не приемлю это послание. Мне чуждо и непонятно все, что он там наворотил. Может быть, письмо мне не предназначалось и ты случайно оставил его в журнале? Нужно встретиться и поговорить... Есть рубеж, переступать который мы не имеем права. Видимо, у каждого есть рубеж, у которого он начинает чувствовать, что дальше — ни шагу! Дальше — пропасть... Я это почувствовал, когда читал послание некоего Соловьева. Пойми меня правильно, Владик. Я не ортодокс — со многим не согласен. И мы говорили с тобой об этом. Не отрекись! Но соловьевы тянут черт-те знает куда... Это письмо вручит тебе мой товарищ, сосед по квартире — после праздников он полетит в Москву...»

На этом письмо обрывалось.

В тайнике лежал также листок с двумя лондонскими адресами. И почтовая открытка с видом Московского университета. На ней неизвестным, во всяком случае не Глебовым, по-английски был написан адрес получателя. Позднее Бутов проверит: скромная булочная на окраине Лондона. И еще листок. Буквы и цифры «З. Р. Р.» и «И. Р.» Нетрудно догадаться: «Захар Романович Рубин» и «Ирина Рубина». Цифры — номера телефонов. Домашний и служебные.

На письменном столе лежало письмо из Москвы, подписанное инициалами «З. Р.». Автор благодарил за книгу и сообщал, что «общий знакомый» не звонил и обещанных Глебовым катушек не передавал. Теперь Бутову уже точно известно: З. Р. — это Захар Рубин. И почерк его.

Какая связь между всем найденным у Глебова и тем интересом, который был проявлен покойным к дочери доктора Рубина, — все это для Бутова оставалось неизвестным. Не внесли ясность и первые данные о Гле-

бове: инженер-строитель, беспартийный, холост. В Москве живет его мать. Больше родных нет. Жил на квартире у богобоязненной старушки, владелицы собственного особняка. Любил принимать гостей и ходить в гости. И все.

...Бутов уже собирался идти на доклад к генералу, когда позвонил Покровский.

— В приемной Захар Романович Рубин. Да, да, сам пожаловал. С чем? Не знаю...

ТРИСТА ШАГОВ

...От четвертого подъезда дома № 2 по улице Дзержинского до дома № 24 на Кузнецком мосту, где помещается приемная КГБ, триста шагов — это уже выверено.

Что скажет ему человек в приемной? Поможет ли внести ясность в сообщения Михеева? Не случайное же это совпадение: таинственная телеграмма пока еще неизвестного Сергея, приключение Ирины Рубиной в Карпатах, автомобильная катастрофа, антисоветские магнитофонные записи и прочие дурно пахнущие материалы, найденные в квартире инженера Глебова, — и появление в приемной КГБ Рубина, отчима Ирины, человека, видимо, причастного к событиям последних дней? Зачем пришел? Внести ясность, помочь? Или наоборот — запутать следы? Спешит выгородить себя, Ирину?

Каждый раз, когда Бутову звонили из приемной КГБ, его охватывало нетерпение: что сулит разговор с неизвестным человеком, который, надо полагать, пришел сюда по долгу гражданской совести? А если не по долгу совести? Всякое ведь бывало...

Иногда приходили с самым неожиданным для чекистов заявлением. Бутов вспомнил сухонькую, морщинистую, седовласую бабку, которая просила урезонить сына. Строитель-техник, хорошо зарабатывает. Женился, переселился к жене и забыл о той, которая дала ему жизнь: «И глаз не кажет. Ходила к нему два раза, стыдила. Обещал наведаться... Вот уж два года, как обещает». Чекист искренне посочувствовал бабке, нещадно корил ее сына, но...

— Уважаемая Елена Борисовна! При чем тут Комитет государственной безопасности? Чем он поможет вашему горю?

Старушка удивленно и сурово посмотрела на Бутова.

— Странный вопрос задаете. Как это «при чем тут чека?» Раз есть несправедливость, значит, чека меры должно принять... Я так понимаю. И вы, пожалуйста, не посылайте меня в другое учреждение...

Немало времени отнял у чекиста этот семейный конфликт. Но что поделаешь, пришлось вызывать непутевого сына, отчитывать. Подействовало...

Приемная КГБ! Один приходит сюда с сообщением, после которого, как по тревоге, в тот же час выходит «на линию огня» целая группа чекистов. Другой явился с повинной. А третий...

...У него красивое, четко вылепленное, уже немолодое лицо: волевой подбородок, длинный тонкий нос с горбинкой, широкий покатый лоб, прорезанный глубокими морщинами, и совершенно лысая круглая голова.

Полковник подошел к нему и негромко спросил:

— Захар Романович?

Рубин вздрогнул, посмотрел на Бутова и едва слышно ответил:

— Да... Это я...

— Будем знакомы. Милости прошу. — И, распахнув дверь кабинета, Бутов пропустил Рубина вперед.

— Садитесь. Видимо, у нас будет долгий разговор. Не так ли?

— Да, мне надо рассказать о многом... — И Рубин положил перед собой листок бумаги, испещренный пометками.

На лице Захара Романовича можно было уловить испуг и растерянность, надежду и тревогу. Видимо, сопротивление этих чувств мешало ему начать разговор.

— Я, право, не знаю, с чего начать...

— С чего вам будет угодно...

И, не глядя на Бутова, Рубин глухо произнес:

— Я агент иностранной разведки...

— Ни больше, ни меньше... Любопытно...

— Да, это так! Я — агент разведки.

«Шизофреник», — первое, что подумал Бутов. Ему приходилось встречаться и с такими. И он уже приготовился терпеливо и внимательно слушать бредовую исповедь: служба обязывает.

— Я вас слушаю... Вы не волнуйтесь...

— Постараюсь... Страх, кажется, уже остался позади. И теперь никто не сможет свидетельствовать против меня, кроме совести и памяти. Я знаю — это очень строгие

свидетели. Но я готов — пусть судят: память и совесть... Поверьте, всю ночь, всю эту долгую и ужасную ночь я почти не спал — давал показания самому суровому суду: совести и памяти...

Бутов умел слушать. Иногда казалось, что полковник абсолютно безучастен к тому, о чем говорит собеседник. Но это только видимость — нет более вдумчивого слушателя, чем Бутов. Полковник умел слушать и умел располагать к себе людей, даже тех, что пребывали в состоянии крайней растерянности и настороженности. И вот уже Захар Романович, несколько успокоившись, заговорил более ровным голосом.

— Я — врач, хотя последние годы с головой ушел в науку.

Он на мгновение умолк, потом стал говорить еще более возбужденно, чем прежде.

— Вчера вечером, когда я вернулся домой, Костя — это мой племянник, он на день остановился у меня проездом через Москву, — сказал: «Тебя кто-то трижды спрашивал по телефону».

— Кто? Он назвал себя?

— Нет, хотя я и поинтересовался: «Как передать о вас Захару Романовичу?»

Я заметил племяннику, что, видимо, звонил человек, незнакомый с правилами элементарной вежливости. Но вообще-то мало ли кто мог звонить? Возможно, кто-то из бывших пациентов, может, нагрянул кто-нибудь из родных. Я не стал утруждать себя догадками. И вдруг телефонный звонок. Это было в десять тридцать. Я запомнил. По радио кончили передавать последние известия. Я взял трубку. Это звонил он...

— Кто он?

— Простите, я забегаю вперед... В голове — полный сумбур. Вы его еще не знаете... Со мной разговаривал по телефону неизвестный. Он переспросил:

— У телефона Захар Романович?

— Да. С кем имею честь?

— Добрый вечер. Я могу вас повидать?

— Кто со мной говорит?

— Моя фамилия ничего не скажет вам. Я хотел передать небольшой сувенир от вашего друга Андрея Воронцова.

В то мгновение я, кажется, потерял дар речи: «... Небольшой сувенир... Андрей Воронцов! Кошмар!»

Из оцепенения меня вывел голос в трубке.

— Почему вы молчите? Вы меня слышите?

— Да, я вас слышу... Но, простите, не имею чести знать...

— Это не есть существенно. Я должен буду видеть вас и передать вам сувенир Андрея Воронцова, — настаивал человек, говоривший с едва заметным немецким акцентом.

— Какой сувенир?

— Безопасную бритву... Лезвия фирмы «Жилет».

Андрей Воронцов... Бритва «Жилет»... Страшный отголосок войны! Свершилось то, чего я уже перестал бояться. Даже научился отгонять воспоминания о случившемся тогда, там... Между тем неизвестный настаивал: «Я имею возможность видеть вас?» И неожиданно для меня повторил этот вопрос по-немецки. Я сразу...

— Прошу прощения, — прервал Бутов. — Вы говорите по-немецки?

— Да. Мать учила меня этому языку с детства. Я даже, кажется, первые слова лепетал по-немецки... Мама была преподавательницей немецкого языка. Но о маме потом... — Морщины вокруг его глаз будто стали глубже. — Итак, бритва «Жилет», Андрей Воронцов. Я сразу все вспомнил, хотя прошло более двадцати пяти лет. Я догадался, по чьему заданию звонит этот человек, и не хотел встречаться с ним. Я резко заявил: «Никакого Воронцова не знаю и знать не хочу. Никаких бритв мне не нужно, никаких сувениров не жду и не имею желаний и намерения встречаться с незнакомыми людьми».

Но мой собеседник все так же спокойно продолжал по-немецки:

— Завтра утром я улетаю из Москвы и не располагаю другой возможностью увидеть вас, чтобы передать сувенир Андрея Воронцова.

Я молчал. Тогда незнакомец мягко, чуть ли не просительно заговорил по-русски:

— Я глубоко уважаю вас, доктор. Поверьте, хочу вам только добра. То есть настоящая правда... Я не буду отнимать у вас много времени. Но мне будет неприятно, если я не выполню просьбу нашего общего друга. Буду убедительно просить вас встретиться сейчас со мной. Жду вас...

Мне не было дано много времени на раздумья. И я согласился.

— Приходите ко мне домой,— предложил я.— Мой адрес...

Незнакомец прервал:

— Я буду полагать, что нам есть удобное встретиться на улице...

Я ссылался на недомогание, простуду, но мой собеседник настаивал на своем. Наконец я сдался.

— Откуда вы звоните?

— Из телефона-автомата... Недалеко от вашего дома...— И добавил:— Я буду в бежевом плаще, роговых очках и в бежевой шляпе. В руках у меня будет журнал. Впрочем, я вас сам узнаю...

Теперь я совсем растерялся: «Я вас сам узнаю... Я нахожусь недалеко от вашего дома». Кто он, этот человек? О многом я догадывался. Но прошло двадцать пять лет... «Я вас сам узнаю...»

В одиннадцать вечера мы, как условились, встретились у кинотеатра «Форум». Только что окончился последний сеанс, народу было много, но человек в бежевом плаще сразу же отыскал меня в людской толпе. Он приветливо улыбнулся, протянул руку и сказал:

— Будем знакомы, доктор. Меня зовут Курт Ивен.

Высокий, поджарый, лет пятидесяти, светлоглазый, с черными усами и очень длинными руками. Он размахивал ими так, будто маршировал на плацу. Я навидался такой выправки: прямые откиннутые назад плечи, несгибающиеся ноги. Сумею ли я узнать его по фотографии? Пожалуй, что да. У него нестандартное лицо. Едва мы отошли от кинотеатра, он рассмеялся:

— Майн готт! Как трудно выполнить такое безобидное поручение друга...

От «Форума» мы дошли до Самотечной площади и свернули на Цветной бульвар. Я шел, глядя только под ноги,— так, вероятно, сапер шагает по минному полю.

Ивен непринужденно болтал о погоде, о московских впечатлениях.

— Я уже не первый раз в Москве, люди стали заметно лучше одеваться, много хороших товаров в магазине.

Потом — о городском шуме, о росте количества автомобилей на улицах столицы... И высказанное в деликатной форме замечание.

— Я буду просить прощения — гость не должен был этого говорить. Такой большой город, как Москва, рано ложится спать. В таком великолепном городе, как Моск-

ва, нет ночного кабаре, нет такого места, где можно приятно провести ночь.

Он говорил, а я молчал. Я ничего не спрашивал и ничего не сообщал ему о себе, но он, видимо, и не рассчитывал на это. Он дал понять, что ему известна моя работа в научном институте... Мы решаем специальные проблемы, имеющие и мирное и военное значение. Смею думать, мировое значение. Мы — это физиологи, биохимики, физики, микробиологи, специалисты санитарной гигиены.

— Туманно... Чем же вы все-таки занимаетесь? — спросил Бутов.

Захар Романович молча вынул из бокового кармана пиджака удостоверение, развернул книжицу, обтянутую мягкой кожей, и подал Бутову.

— Благодарю вас. Ясно и прелюбопытно. У вас интересная работа... В весьма перспективном институте.

— Нечто в этом роде, не глядя, конечно, на мой документ, заметил и господин Ивен. Он говорил о будущем человечества, о благородном призвании ученых не дать погибнуть цивилизации и незаметно перешел к сути своего поручения.

ПАРОЛЬ

— Я есть турист и приехал в Советский Союз две недели назад. Завтра я буду улетать домой. Меня ждут дела, и я не могу быть задержан до конца срока... — И снова повторил, кажется в третий раз: — Я имею просьбу друга передать вам подарок Андрея Воронцова... И большой привет... И добрые пожелания.

И тут же протянул мне пакет. Вот он.

Бутов взял пакет, развязал золотистую ленточку, развернул его и дотронулся до бритвы, словно желал убедиться, что это действительно бритва, а не кофеварка. Сделал он это небрежно, будто лишь по долгу вежливости, и, отложив бритву в сторону, начал старательно рисовать на листке бумаги бога Шиву, у которого почему-то оказалось куда больше рук и ног, чем предусмотрела индийская мифология.

Захар Романович с недоумением взглянул на Бутова, не зная, продолжать ли ему свой рассказ — может, это совсем не интересно человеку, который сидит за столом и что-то увлеченно рисует? Бутов перехватил растерянный взгляд доктора:

— Вы продолжайте, Захар Романович... Я вас внимательно слушаю... Итак, вам вручили сувенир от Андрея Воронцова... И все?

— Нет... Это был только пароль. Вручив бритву, Ивен спросил:

— Что передать вашим друзьям?

— Каким?

Ивен взял меня под руку.

— Не надо так... В нашем сложном и пока еще плохо устроенном мире никогда не угадаешь — выиграл ли ты, отрекаясь от старых друзей, или проиграл? Это лотерея. Если, к тому же, учесть деликатность обстоятельств, при которых вы расстались с друзьями... Вы ж умный человек, господин доктор... Вы изучаете человеческий организм, он весьма сложен, но жизнь сложнее. Ваши друзья просили вас напомнить об этом. И я тоже имею желание кое-что сказать вам. Перед поездкой в Москву я имел удовольствие немного посмотреть ваше... Как это у вас говорят? Рабочее дело? Так?

— Какое рабочее дело?

— Прошу простить... Я ошибался в названии... Личное дело. Да, да... Личное... Но там сказано про ваше рабочее дело. То есть те сообщения, которые вы любезно посылали господину Квальману.

Я чуть было не закричал:

— Никаких сообщений я никому не посылал.

— Это ему вы так сказали,— заметил Бутов.— А мне что скажете?..

— То же самое, что и ему. Утверждаю: никаких сообщений я никому не передавал.

— Будем считать, что так оно и есть. Продолжайте...

— Я с трудом сдержался, чтобы не ударить иностранца. Я заявил ему: — «Это шантаж!»

— О, нет, то есть плохая память. В вашем деле, господин доктор, лежат пятьдесят три страницы. Они сшиты и пронумерованы. В них тоже под номерами пятнадцать сообщений Сократа господину Квальману... Вы не забыли вашей «клички»? У вас действительно лоб Сократа, господин доктор. Вы и сейчас чем-то напоминаете великого мудреца...

Он с наглой ухмылкой посмотрел на меня и неожиданно переключился совсем на другую тему.

— Как есть ваше здоровье? Работа? Дочка? Я слышал, вы есть очень милый, общительный и гостеприим-

ный человек. Да?— Вопрос носил риторический характер.— Ваши друзья говорили мне, что вы есть большой любитель всего красивого — картин, книг, антикварных ценностей и... Говорят, что после смерти жены вы потеряли все свои волосы на подушках красивых женщин? О, то есть настоящий мужчина!

Бутов улыбнулся, прервал свое рисование и спросил:

— Это было желание блеснуть остроумием или знанием вашей биографии?

Захар Романович покраснел и, запинаясь, пробормотал:

— Видимо, последнее...

— Но откуда господину Ивену известны столь интимные подробности вашего житья-бытья?

— Не знаю.

— Ну что же, продолжайте...

— Я никак не реагировал на вопрос Ивена и заметил, что сейчас уже позднее время, я себя плохо чувствую и нам пора расстаться. Господин Ивен не удерживал меня, но, прощаясь, сказал:

— Я желаю вам всего доброго. Успехов во всем. Наши общие друзья рады вашей общительности... И просили передать: в будущем, возможно, к вам придет гость. Оттуда... Он тоже привезет привет и сувенир от Андрея Воронцова. Не откажите в любезности — примите его с русским, как это говорят у вас, радушием. И если потребуется, я буду просить вас помогать ему выполнить пустяковые поручения...

Я ничего не ответил, ничего не пообещал и, резко повернувшись, пошел в сторону Самотеки. Сделав несколько шагов, я оглянулся. На том месте, где мы только что стояли с Ивеном, уже никого не было.

...Полковник внимательно смотрит на собеседника. Нет, это не шизофреник! За потухшим его взором угадывалась напряженная работа мысли и большая тревога, неуверенность даже в том, уйдет ли он отсюда. Это уж Бутову известно по опыту многих бесед в приемной. Но почему доктор вдруг умолк? Нечего больше сказать или не хочет? Рассказ оборвался на самом важном. А ему, Бутову, нужно знать: есть ли какая-нибудь связь между таинственной телеграммой, полученной два дня назад падчерицей Захара Романовича, и всем тем, что только что сообщил он сам? Телеграмма. Неожиданный отъезд

Ирины. Авария. Обыск в квартире Глебова. Знает ли обо всем этом Захар Романович? Возможно, ему еще ничего не сообщили, а возможно, что знает и по каким-то причинам не хочет касаться этих тем. «Подождем, не будем торопить собеседника». И Бутов пытается сделать для себя первые выводы из того, что успел рассказать Рубин. Собственно, в разных вариантах он слышал подобные истории много раз — не очень-то изобретательны господа ивены. Но что за этой стандартной схемой? Кто те «друзья», от имени которых передан Рубину сувенир Андрея Воронцова? И снова та же мысль, что уже однажды мелькнула: не сидит ли перед ним психически больной? Для него бесспорно, что этот человек смертельно устал от бессонной ночи, кошмарных воспоминаний, разноречивых намерений, догадок, заранее подготовленных монологов. А главное — страха.

Бутов встал из-за стола: поздно вато пришел Рубин. Иностранец, если таковой реально существует, уже улетел. Потом он подошел к Рубину и спросил:

— Вы к нам из дома или с работы?

Захар Романович помедлил с ответом.

— Я боялся, что кто-то будет следить за мной... В свое время мне предоставили возможность достаточно хорошо изучить методы работы ивенов... Я долго петлял по Москве, пока не пришел к вам...

Умолк и стал внимательно изучать свою шпаргалку. Бутов улыбнулся:

— Доктор, не старайтесь рассказывать по заученной записке. Может, так получится несколько растянуто, но нам... Простите, мне спешить некуда. А вам? Ну и отлично. Прошу вас. Воронцов — это реальное лицо? Ах, даже друзьями были, вместе учились в школе, институте, в одном медсанбате служили. Так-так... К чему же тревожиться? Не надо расстраиваться.— Бутов говорил доброжелательно, даже сочувственно.— Позвольте напомнить вам возможность такой немудреной ситуации: ваш друг Андрей Воронцов попал в плен, остался на Западе в качестве перемещенного лица и теперь вспомнил о вас. С самыми добрыми намерениями. По долгу службы, как вы догадываетесь, я всегда должен быть начеку и, тем не менее, позволю себе допустить вариант, исключаящий злой умысел. Вы согласны со мной?

— Нет... То есть в принципе да, но в данном случае такой вариант исключается.

— Вы уверены?

— К сожалению, да. Андрей Воронцов погиб в августе сорок четвертого. Его мать получила официальное извещение... «Ваш сын геройски...» И так далее, как положено. Имя Воронцова плюс бритва «Жилет» — это пароль для связи.

— С кем?

— Со мной...— Рубин виновато понурил голову и в ожидании новых вопросов снова стал заглядывать в шпаргалку.

— Ну, что же, извольте... Если вам не обойтись без записей... Прошу вас... Может, угодно подкрепиться? Боржом, чай? Я понимаю: нервы, проклятые нервы. Итак, я вас слушаю...

ВОЙНА ВНОСИТ КОРРЕКТИВЫ

Рубин родился и учился в Москве. Отца он не помнил, отец умер, когда мальчику перевалило за год. В школе у него было два увлечения — немецкий язык и радио. В первом «повинна» была мама, Аделина Петровна. Даже не столько она сама, сколько Курт Зенерлих из группы австрийских инженеров, работавших по договору на большом московском заводе. Рубина была переводчицей в этой группе, и случилось так, что с Зенерлихом у нее установились отношения более близкие, чем служебные.

Она жила недалеко от дома иностранных специалистов. Зенерлих, возвращаясь с работы на машине, нередко приглашал фрау Аделину: «Нам с вами по пути, поедем вместе...» Как-то в субботу она сказала ему:

— Если сегодня вечером у вас не будет ничего более интересного, то заходите к нам на пельмени. Я хочу познакомить вас с сыном — он увлекается немецкой литературой.

С тех пор она стала встречаться с Зенерлихом и вне завода. И часто в обществе сына. Втроем ходили в театр, кино, в заводской клуб. Зенерлих охотно приносил Захару немецкие книги. Аделина Петровна была счастлива — ее сын, будущий лингвист, имеет возможность разговаривать с человеком, для которого немецкий язык — родной. В том, что Захар будет лингвистом, Рубина не сомневалась. В этом она окончательно утвердилась после заводского вечера интернациональной дружбы, где Захар читал Гейне на немецком языке. Слушатели бурно аплодиро-

ровали, а Курт Зенерлих, сидевший рядом с Рубиной, восторженно говорил ей: «Это вундеркинд, Аделина Петровна!»

Что касается самого Захара, то он еще не решил: радио или лингвистика. Во всяком случае, мальчик с увлечением занимался в радиокружке, где легко освоил работу на ключе передатчика. Курт Зенерлих одобрительно относился к обоим увлечениям. «Если мальчик успевает и в одной и в другой области,— говорил он Аделине Петровне,— не надо ему мешать». А несколько тщеславный Захар был горд тем, что экзаменовавший его радист первого класса сказал ему: «Молодец... Я бы взял тебя с собой в экспедицию. Хоть на Северный полюс!»

Слова, оброненные радистом, разбудили в юноше мечту о далеком Севере. Захар не стал лингвистом. Его подхватили ветры того неповторимого времени, которое рождало покорителей Северного полюса и строителей Магнитки. И судьбе угодно было, чтобы на одной из зимовок появился только что окончивший десятилетку паренек с незаурядными способностями радиста.

Через три года работы на Севере ему дали отпуск, и он полетел в Сочи.

...Солнце, море, поездки на Рицу, в Гагру. Первый в жизни отпуск на самостоятельно заработанные деньги. И притом немалые. К быстро сложившейся веселой компании прибилась молодая, красивая женщина, которой Захар — так ему казалось — был не безразличен. Может, потому, что она тоже была радистом-любителем и занималась в радиоклубе Осоавиахима.

Уже на пятый день знакомства Захар знал, что Елена Бухарцева замужем, но он не удержался от пошлости: «Здесь все холостые». Елена озорно улыбнулась, и курортный роман стал развиваться по традиционным канонам. Сперва прогулки в компании, потом вдвоем — восхождение на Бытху, поездка на Ахун. Уже известны все подробности биографии Бухарцевой. Ее муж — ученый-медик, в свое время спас Елену от смерти.

До отъезда из Сочи оставалось еще две недели, когда пришла телеграмма: сослуживцы мужа сообщали Бухарцевой, что, находясь в командировке, в Сибири, ее муж, видимо, утонул во время купанья. Тело так и не нашли. В тот же день Елена покинула Сочи. Захар поехал провожать ее. Он старался сохранить на лице скорбное выражение, но ему это плохо удавалось.

Через неделю Захар получил от Елены телеграмму и тут же отправился в Москву. Бухарцеву он застал в полной растерянности. Она не могла даже исполнить последний свой долг перед мужем: положить цветы на его могилу. Таковой, увы, не существовало. Более того, бывший ученик профессора, явно претендовавший ныне на его место, пустил слухок: де, мол, время ныне такое (шел тридцать седьмой год), что неизвестно — действительно ли с Николаем Павловичем случился разрыв сердца в воде (явление отнюдь не редкое), или же профессор исчез при других обстоятельствах. Рано утром в воскресенье он вышел из гостиницы, и больше его не видели. Что произошло в действительности, никто не знал. Но говорили разное: вероятно, утонул, будучи в состоянии крепкого подпития — профессор любил выпить. А может, разрыв сердца в воде? А может? И сослуживцы многозначительно разводили руками. Так это или не так — разбираться не стали. Но слух был пущен, и все вытекающие отсюда последствия Елена ощутила сразу же. Даже в институте. Резко изменилось отношение к ней — и в ректорате, и у преподавателей.

В эти тяжелые для Бухарцевой дни Рубин твердо решил, что не покинет Елену. Он будет рядом с ней. Радист первого класса стал студентом-медиком. Однако «подруге юности» своей, радио, Захар не изменил. Правда, в институтском Осоавиахиме радистов не очень-то жаловали, и под опекой инструктора-общественника оказалось всего лишь пять энтузиастов. Среди них и Елена. Захар пытался было ходить в районный клуб, но времени для этого не оставалось. А тут случилось так, что Елена вдруг решила стать и парашютисткой. Значит, быть и ему, Рубину, на летном поле...

Захар не скрыл дома своих парашютных увлечений, утаив лишь первопричину. Он знал свою маму, она «запилила» бы его: связать свою жизнь с женщиной, которая намного старше тебя, к чему? Аделина Петровна и без того была в ужасе: «Ну, хорошо, лингвистом ты не стал, немецким занимаешься лишь постольку-поскольку. Но к чему эти страшные, никому не нужные прыжки... Это какой-то психоз у молодежи... Захар, опомнись! О, если бы папа был жив!»

Захар успокаивал маму, подтрунивал над ней, а потом стал серьезно убеждать, что настоящий мужчина не может не быть парашютистом. И в доказательство подсовы-

вал ей полосы газет, звавших молодежь в аэроклубы. Но сам-то он хорошо знал, что только одна сила заставляет его тратить драгоценное студенческое время на парашютный спорт — женщина...

Они долго занимались теорией, укладкой парашютов, прыжками с вышки. Вскоре началось самое интересное — прыжки с самолета. Захар был несказанно горд, когда на лацкане его пиджака появился значок с цифрой 50. Это уже класс! Пятидесятый прыжок был выполнен весной сорок первого.

Захару запомнился этот день. Он возвращался из Тушина с таким чувством, словно продолжал парить под шелковым куполом. Шел слепой, пронизанный солнцем дождь, а потом сказочно-ярко вскинулась радуга, и на лицо его, когда он шел парком, падали тяжелые капли с изумрудной листвы. Захар шел, напевая песенку про пилотов, и на душе у него было поистине благостно. Может, еще и потому, что через неделю вместе со своим другом Андреем Воронцовым он уезжал на практику — им оставался всего лишь год учебы. Правда, Захару хотелось задержаться в Москве еще недели две-три, чтобы окончательно убедиться, что Елену оставляют в аспирантуре. Тогда они весело отпраздновали бы это радостное событие. Но что делать? В институте студентов последнего курса торопили — будущих врачей уже ждали.

Незадолго до отъезда Захар и Елена пошли в Зал Чайковского — за билетами Захар гонялся три дня подряд, вставая в пять утра: гастролировала знаменитость. Когда первые звуки симфонии наполнили зал, Елена судорожно сжала руку сидевшего рядом Захара. А потом они всю ночь гуляли по Москве. Над рекой нависло черное небо, в котором одиноко мерцали редкие звезды. Захар и Елена смотрели на эти мерцающие миры и говорили о том, что и в жизни так: счастье, как звезда, то вспыхнет, то угаснет, то пробьется сквозь туман, то снова скроется. Когда наступил час прощания, Елена осторожно, ласково погладила руку Захара и тихо сказала:

— Первого сентября на этом же месте, в восемь вечера... Хорошо? Договорились? Посмотри, вон из-за туч выглянула звездочка. Наша звездочка. Ну, посмотри же...

Когда Захар поднял голову, стараясь найти «их» звездочку, она вновь скрылась за тучей.

...Профессор, провожавший студентов на практику, напутствовал их короткой душевной речью, не преминув за-

метить, что мы живем в трудное и тревожное время, чреватое всякими неожиданностями, — все знали, что профессор с лихвой хлебнул этих неожиданностей на Карельском перешейке.

— Мы старались, — сказал он, — учить вас не только думать, но и предвидеть. Без этого нет и не может быть врача. И еще помните — настанет день, когда каждый из вас, мои будущие коллеги, останется один на один с больным. Без учебников, без учителей... Желаю удачи!

На следующее утро Захар зашел в комитет комсомола. Секретарь был занят, просил подождать в приемной. Но дверь в секретарский кабинет была приоткрыта, и Рубин услышал, что разговор идет о Елене Бухарцевой, о ее аспирантуре. Он сразу насторожился. То, что Захар услышал, вызвало в нем сначала возмущение, а потом... Потом накатило то, в чем он даже сам себе не решался признаться: страх. За кого? Он старался уверить себя, что тревожится за Елену. Но ему это только казалось. Он испугался не за нее, а за себя...

Секретарь комитета комсомола давал кому-то объяснения по поводу биографии Бухарцевой. И снова всплыла давняя версия: обстоятельства гибели Николая Павловича тогда, в тридцать седьмом. И чей-то незнакомый голос произнес: «Тут что-то не ладно... Пожалуй, в аспирантуру зачислять воздержимся. И вообще еще неизвестно, как события будут развиваться. Имя профессора теперь даже стараются не вспоминать. Следовало бы, между прочим, присмотреться и к другу Бухарцевой. Бросил специальность радиста. Пошел за ней. Оба почему-то начали изучать парашютное дело. В этом тоже надо разобраться».

Днем Захар должен был позвонить Елене — они собирались вместе провести вечер. Но он не позвонил. Ни в тот день, ни на следующий, ни на третий. Решился только в самый канун отъезда. Елена встревоженно спросила его: «Что случилось? Ты болел? Я уже хотела к тебе приехать. Мне нужно с тобой посоветоваться». Рубин, стараясь быть непринужденным, ответил, что сегодня очень занят, а завтра утром уезжает и, вероятно, ничего не случится, если они встретятся после возвращения с практики. Елена еще раз попросила: «Захарушка, милый, ты мне сегодня донельзя нужен, больше, чем когда бы то ни было. Пойми это. Мне...» И вдруг резко оборвала разговор, словно догадалась о чем-то. «Ну, что же, раз занят, так занят... Будь здоров...»

На практику Захар и Андрей прибыли 10 июня сорок первого. В маленьком городке недалеко от старой границы с Латвией их встретили радушно. Первые десять дней пролетели незаметно. Новые знакомства, встречи, беседы. Познакомились и с секретарем райкома партии. Он приезжал в больницу на партсобрание...

Двадцатого июня от Елены пришла телеграмма: «Аспирантуре отказали. Встреча первого сентября отменяется». А двадцать третьего, на второй день войны, Захара и Андрея направили в полевой госпиталь. Дипломов у них еще не было, но война уже вносила свои коррективы.

В ТУМАНЕ...

Госпиталь находился в деревушке неподалеку от городка, куда они приехали на практику. Ночью его быстро развернули, на следующее же утро начала действовать операционная, а в полдень по улице прогрехотали фашистские танки и ушли дальше, на восток. Еще через полчаса по деревне открыла огонь артиллерия. Чья—разобрать было невозможно. На Захара, зашедшего в соседнюю с госпиталем избу, обрушились бревна и кирпичи...

Очнулся он уже на операционном столе — конец расщепленного бруска распорол левый бок и сломал ребро. У стола стоял Андрей, Захар попытался изобразить на лице нечто похожее на улыбку, проглотил слюну и обронил: «Не робей, давай кромсай!»

В общем, операция прошла удачно, но случилось то, чего хирурги больше всего боятся: сепсис. Если строго придерживаться тех истин, которые Рубин столь усердно постигал в институте, то он, несомненно, должен был отправиться к праотцам: несколько дней молодой военврач был без сознания, метался, бредил, что-то кричал, чего-то требовал, кого-то звал. Кого? Это знал только Андрей — имя Елены ему говорило о многом. Мысленно Воронцов уже простился с другом, но свершилось одно из тех чудес, которые так часто случались на войне. Захар выжил и стал быстро поправляться.

Первое, что он увидел, когда пришел в себя, — серо-зеленые мундиры немцев, хозяйничавших в палате. Захар все понял. Он с трудом повернул голову к распахнутому окну — тонкий луч света прокрался из лесу, сквозь спутанные ветви... Одновременно сработал и слух: оттуда, где был свет, доносилась немецкая речь. Выстрелов

слышно не было. Значит, линия фронта откатилась на восток и деревушка оказалась уже в тылу врага.

Захара после выздоровления оставили в госпитале: «Вы будете у нас работать», — сказал ему главный хирург, толстый, рыжеволосый человек с узенькими, хитроватыми глазками, имевшими свойство впиваться в собеседника надолго и пристально. В палатах — если грязные бараки можно было назвать палатами — лежали только советские люди с тяжелыми ранениями. И едва они начинали самостоятельно двигаться, как их тут же сажали на машины и куда-то отправляли. Куда? Захар безуспешно пытался узнать это. В общем, госпиталь оказался довольно странным.

С Воронцовым Рубин теперь встречался редко. Жили они в разных домах. А если и встречались, то поначалу старались не вступать в разговор. Впрочем, они понимали друг друга и без слов: «Что-то надо предпринимать!»

Так тянулись дни, недели, месяцы, полные отчаяния и безнадежности. В немногие свободные часы Захар недвижимо сидел, тупо глядя в землю, свесив руки меж колен. Иногда его охватывала ярость, но то была ярость бессилия, от которой на душе становилось еще тяжелее.

В один из весенних дней сорок второго Рубина неожиданно вызвал начальник госпиталя. Надо было ехать к какому-то больному немцу. На улице уже ждал «оппель». Немец-шофер доставил Захара в соседнюю деревню — Рубину никогда не приходилось бывать там. Машина подкатила к зданию бывшей школы. У входа стояли часовые. Шофера здесь, видимо, хорошо знали, никто даже не спросил у него пропуска, а доктору предложили не выходить из машины. Минут через десять шофер вернулся и отвез Захара на окраину деревни. На пышной кровати, выдвинутой на середину просторной комнаты, лежал плотный мужчина лет пятидесяти. Майор Квальман говорил гнусавым голосом и жаловался на болезнь печени. Не надо было быть большим специалистом, чтобы сразу же установить источник зла: алкоголь. Захар понимал, однако, что высказывать сию бесспорную истину следует достаточно осторожно, и с выражением искреннего сочувствия процедил:

— Я надеюсь, что господин...

— Меня абсолютно не интересует, на что вы надеетесь... Я хотел бы знать, что думает русский доктор по поводу болей, которые лишили меня сна.

Захар туманно высказался насчет злоупотребления шнапсом и с тревогой посмотрел на майора: какова реакция? И вдруг увидел, что майор с подчеркнутым равнодушием, не глядя даже в его сторону, небрежно обронил: «Данке зеер». И дал понять: «Вы свободны».

Позже Захару стало ясно — майор Квальман с его давно запущенной болезнью печени попросту участник заранее продуманной операции: ему поручено взглянуть на русского доктора еще до того, как он предстанет перед «светлыми очами» начальства.

Теперь шофер доставил его к дому, где помещался штаб. Ефрейтор предложил следовать за собой, и через несколько минут Захар стоял перед офицером, в котором он сразу узнал инженера Курта Зенерлиха.

Захар с юношеской наивностью выразил изумление, хотел даже что-то воскликнуть, о чем-то спросить его, но Зенерлих вежливо прервал Рубина.

— Не надо быть таким любознательным, доктор...

Мягкий, приглушенный, несколько даже проникновенный голос Зенерлиха был ласков и слегка насмешлив.

— Я вас знал почти ребенком, а передо мной стоит муж... Воин... Я не спрашиваю, как поживает ваша мать. По моим данным, она сейчас находится где-то далеко от Москвы: ей, кажется, дорого обошлось близкое знакомство с иностранным специалистом. Не стану вас расспрашивать и о вашей подруге — Елене. Как говорят французы: «На войне как на войне». Присаживайтесь... Сигару? Коньяк?

Курт задавал много вопросов. Родственники? Политические убеждения? Верит ли в победу Красной Армии? Знаком ли с программой национал-социалистов? Захар отвечал по-русски. Но в это время в комнату вошел еще один офицер, и Зенерлих, кивнув в его сторону, сказал:

— Что касается меня, то я не успел забыть ваш язык. Но мой коллега, обер-лейтенант Брайткопф, еще плохо знает язык противника. А вы, насколько мне известно, свободно владеете немецким. О, я хорошо помню вечер в клубе... Вы читали Гейне в подлиннике... — И Зенерлих продолжал уже по-немецки: — Мы многое знаем о вас. Больше, чем вы предполагаете. Где ваш значок — пятьдесят парашютных прыжков? Надеюсь, вы не разучились работать на ключе раций.

Рубина отвезли домой, предупредили, что никто не должен знать о его беседе с немецкими офицерами. Ин-

туитивно Захар чувствовал — «смотрины» еще не закончены. Его не оставят в покое. Так возник самый тяжелый в жизни молодого человека вопрос: как быть? Что ответить на предложение, требование, угрозу, которые он услышит в штабе? Плунуть им в морду и пойти на виселицу? А если по-другому?

Первая мысль была простой и ясной: «Я русский человек, комсомолец, патриот своей Отчизны, за ее счастье готов отдать жизнь». Потом закопошилась мысль о компромиссе. «А нельзя ли продать мою жизнь подороже... Нельзя ли так, чтобы сохранить жизнь...» Липкая эта мысль — о, как он боялся ее! — нет-нет да копошилась где-то в глубине души.

В тревожных раздумьях Рубин провел долгую, полную страшных кошмаров ночь. И не одну. Его не беспокоили, не вызывали — здесь, видимо, был свой расчет: пусть нервничает. Он просыпался ночью, корчась от ощущения почти физической боли, — и сразу трудно было разобраться: что это — позор еще не свершенного, но возможного предательства, или страх перед пытками в гестапо? Порой ему казалось, что сопротивление бесполезно. И тут же его охватывало острое желание жить. И Рубин терзал Рубина: «Как ты смел подумать? Нет, нет, ни за что...» Потом созревало решение: «Утром я обо всем расскажу Андрею. Посоветуюсь...»

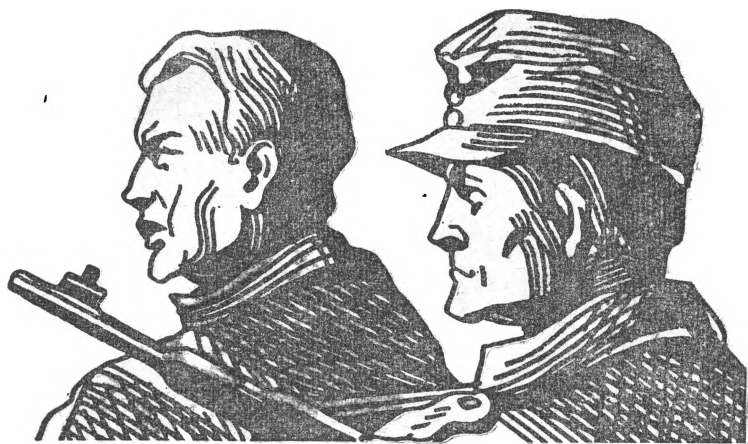
Утром Захар лицом к лицу столкнулся с Андреем, но у него не хватило смелости сказать ему все, о чем передумал за ночь. И он нашел тысячу всяких оправданий своей нерешительности.

Так прошла неделя. Все взвесив, обдумав, Захар, наконец, принял решение: «Попытаюсь перехитрить их... По крайней мере на первом этапе. Там видно будет...» И хотя этот план казался ему лучшим, предчувствие чего-то страшного, неотвратимого продолжало давить.

Наконец, его снова вызвал начальник госпиталя. Тот же шофер на том же «оппеле» лихо примчал Рубина в штаб. Зенерлиха уже не было. С Рубиным беседовал обер-лейтенант Брайткопф. Этот был еще более, чем Зенерлих, любезен и приветлив. Немец угощал бутербродами, предлагал кофе, шнапс, сигареты. Потом стал показывать фотографии — обер-лейтенант запечатлен и в военном, и в штатском, и в строго официальной обстановке, и в весьма легкомысленной — с французскими девушками в Ницце. Обер-лейтенант тараторил без умолку —

о своих похождениях во Франции и Бельгии, о трудной и в то же время «сладкой жизни» немецкого офицера. Это не мешало ему благоговейно говорить о жене и детях, о религии и немецкой философии. Незаметно беседа переключилась на философию национал-социализма, который в общем-то, с точки зрения обер-лейтенанта, и есть социализм в истинном смысле этого слова. «Вы не можете не согласиться со мной?» Он сам спрашивал

и сам утверждал. Далее разговор пошел более откровенно.

— Ради вашего благополучия, ради вашего личного счастья, ради счастья вашей мамы, наконец, ради любимой вами Елены, во имя обновленной России вы должны помочь нашему фюреру быстрее завершить войну. Я взываю к вашему разуму и к вашей гуманности — представляете, скольким людям будет сохранена жизнь, если нашему фюреру удастся закончить войну в короткие сроки. Будьте же человечны, господин доктор!

Выпалив одним духом эту заранее заготовленную тираду, Брайткопф пристально посмотрел на Захара — каково впечатление? И был, видимо, в немалой степени обескуражен тем обстоятельством, что лицо собеседника выражало полное равнодушие, скорее недоумение: «Какое отношение имеет ко всему этому он, русский доктор, военнопленный...» Захар отлично играл роль несмышляныша. Было в нем что-то простодушно-ребячливое, наивное.

Обер-лейтенант забарабанил пальцами по столу и глуховато, не повышая голоса, сказал:

— Мне казалось, господин доктор, что я выразил достаточно ясно намерения моего шефа. Если вы хотите существовать, то... Надеюсь, мне не потребуется объяснять вам суть альтернативы: или вы будете выполнять

задания рейха, и тогда вы сможете жить, и весьма приятно, или же нам придется...

Предложение это не застало Захара врасплох.

— Какой же из меня разведчик? Да, я умею прыгать с парашютом, пользоваться рацией. Но ведь этого мало. Нужны особые черты характера. Я неловок, неуклюж, не умею стрелять.

Он долго перечислял, чего он не умеет, наконец, инвалидность, потеря ребра... Обер-лейтенант внимательно выслушал объяснения Захара, а потом стал убеждать, сколь почетна будет его миссия, какое высокое доверие оказывает ему господин Зенерлих. Захар продолжал возражать, но постепенно сдавал позиции, правда не без сопротивления.

Обер-лейтенант говорил спокойно, не кричал, не топал ногами. Он изображал готовность понять, вникнуть в доводы русского. Более того, он даже раздумывал вслух, не скрывая своих соображений, сомнений.

— Над этим, конечно, надо подумать. Вы говорите о инвалидности. Но это нас больше всего устраивает. Простите за некоторый цинизм... Очень жаль — молодой человек и уже инвалид. Но это оградит вас от опасности...

Он отхлебнул кофе, потер руки и, не глядя на Захара, тихо сказал:

— Лучше быть без ребра, чем быть покойником. Русские, когда вы вернетесь к ним, могут не взять вас в армию. Впрочем...

Брайткопф задумался.

— Мы предусмотрели такой вариант — если вас мобилизуют, на некоторое время абвер лишится возможности пользоваться вашими услугами. Мы не торопимся. Впереди у нас много времени и много забот. А насчет того, что вы не умеете стрелять, что вы неуклюжи — чепуха!.. Вы, вероятно, догадываетесь, господин доктор, что это только в кинофильмах разведчики мчатся на автомобилях в погоне за ключом от сейфа, стреляют, убивают, прыгают с моста в реку, спускаются по дымоходу в кабинет, где хранятся секретные документы, и выпрыгивают на полном ходу из курьерского поезда. Если вы всего этого еще не знаете, то вас просветят... Вас научат, как можно, будучи инвалидом, отличнейшим образом получать секретные разведданные, от которых сам господин

Канарис пальчики оближет... Мы вас научим, как это делать. А пока — прошу вас!

Брайткопф продиктовал текст подписки: «Имя... Возраст... Национальность... Воинское звание... Адрес... Добровольно беру на себя обязательство секретно сотрудничать с немецкими властями, выполнять их специальные задания, строго хранить доверенную тайну. Знаю, что за невыполнение обязательства или разглашение тайны виновного постигнет тяжелая кара...»

Затем Брайткопф деловито и несколько назидательно перечислил обязанности нового агента по кличке Сократ.

ФАНТАСМАГОРИЯ

Через неделю в госпиталь пришел приказ — Захара Рубина временно переводили в район, расположенный в тылу.

Тот же «оппель». За рулем — тот же нагловатый ефрейтор. Но теперь дорога вела совсем в другую сторону. Что это была за дорога и куда она вела, Захар определить не смог: ехали ночью, с приглашенными фарами и зашторенными стеклами.

...Конспиративная квартира, ставшая на два месяца местом жилья и занятий Захара, находилась недалеко от аэродрома. Сначала он догадался об этом по гулу машин на рассвете. А потом всю их группу — Рубин оказался в компании нескольких ему подобных курсантов — повезли на аэродром: предстояли практические занятия — парашютные прыжки.

С первых же дней курсант понял, что готовить его будут солидно — он должен овладеть большим объемом знаний, видимо, рассчитанных на разведчика высокого класса.

Дом, где поселили Захара и других курсантов, находился в лесу, в стороне от автострады. Конспирация начиналась с подъезда. Курсанты входили в школу с одной улицы, а выходили — на другую. Называли курсантов только по кличкам. Рубин — Сократ. Теоретическим и практическим занятиям предшествовало медицинское освидетельствование и проверка.

Начальник школы — все называли его Тарасом — вызвал Захара к себе в кабинет, окинул взглядом и порусски сказал:

— Так вот что, братец ты мой, поедешь в Мюнхен. На

вокзале тебя встретит человек в светло-сером костюме, долговязый, с тростью в правой руке. Подойдешь к нему и скажешь: «Я для вас имею посылочку от Тараса». Он скажет: «Благодарю вас». И повезет в кафе гостиницы «Трех львов». Представится: Владимир Михайлович... А дальше он сам распорядится.

На вокзале все было так, как предупредил Тарас. В таком кафе Захар еще никогда в жизни не бывал. Шла война, лилась кровь, убивали, расстреливали, бомбили, рушились дома, умирали люди, а здесь — кофе с коньяком, джаз, полуголые девушки...

Ночь Захар провел в гостинице, а на рассвете Владимир Михайлович повез его за город. Они остановились у железных ворот казармы. Часовой взглянул на номер машины, козырнул и, не спросив документов, пропустил во двор. «Оппель» подкатил к красному особняку с черепичной крышей.

Захара водили из одного кабинета в другой. Проверяли зрение, слух, ноги. Потом привели в комнату, стены которой были облицованы мраморными плитами. Все тут поражало сверкающей белизной, почти как в операционной. Мебели почти не было. Только у большого окна стояли письменный стол и стул, а посередине комнаты — массивное, необычной формы, кресло.

Зубной кабинет? Нет, не похоже. Что ж тогда? Куда его привели? Кто эти двое — грузный, с медленными движениями и приклеенной улыбкой человек лет под пятьдесят и совсем молодой, подвижный, видимо, ассистент, полный готовности выполнить приказ старшего?

Захару предложили снять рубашку и усадили в кресло лицом к стене. На грудь и руки наложили металлические присосы. Ассистент закрепил их бинтами. От присосов провода уходили в подлокотники кресла. Что это — попытка электротокотом? У Захара пересохло во рту, появилась тошнота.

— Сидите спокойно и не поворачивайте головы, — сказал ассистент и куда-то удалился.

За спиной у Захара — старший. Рубин его не видит, но чувствует — там сзади что-то происходит.

Время тянется дьявольски медленно, секунды кажутся часами. Наконец послышался шелест бумаги и вкрадчивый голос улыбчивого господина.

— Сеанс продлится недолго, физически вы ничего не

будете ощущать. Никаких болей! Даже едва уловимых. От вас требуется немного — отвечать на мои вопросы. И отвечать лаконично — да или нет. Ничего более, только так — «да», «нет». Вы не решаетесь спросить — в чем смысл этого сеанса? Я вам объясню, не дожидаясь вашего вопроса. Объективные данные покажут — говорите ли вы нам правду или лжете, пытаетесь обмануть нас. Говорить надо только правду, независимо от того, приятно это вам или неприятно. Вся ответственность за последствия лежит на вас. Если будете лгать, наши приборы изобличат вас. И тогда пеняйте на себя. Вам все ясно? Отлично.

Наступила небольшая пауза. Толстяк шагнул куда-то в сторону. Захар почувствовал, как капли холодного пота покрыли лоб.

— Вчера или сегодня вы употребляли спиртные напитки?

— Нет.

— Принимали какие-либо лекарства?

— Нет.

— Как у вас в России называется аппарат, на котором мы вас испытываем?

— Не знаю.

— К вам применялась подобная процедура?

— Нет.

— Я отчетливо и медленно зачитываю вопросы, на которые вам надлежит отвечать. Если что-то будет неясно, можете переспросить.

Но, прослушав длинный перечень вопросов, Захар ничего не стал уточнять. Ему все ясно. Ему ясно, что металлические присосы — это датчики, а где-то рядом, в другой комнате осциллограф выдает кривые реакций его организма — метод, о котором он слышал еще в институте. Ему кажется, что это было давным-давно. А может, это был сон. Не было никакого института. И он вовсе не врач. Кто же он? Захару стало дурно, захотелось позвать на помощь, он задыхался. Нет, нет, надо держаться. А толстяк уже начал задавать вопросы.

— Вы женаты?

— Нет.

— Вы работали в НКВД?

— Нет.

— Вы хотите жить?

— Да.

— Вы добровольно согласились сотрудничать с нами?
— Да.
— Вы намерены обмануть нас?
— Нет.
— Воронцов ваш друг?
— Да.
— Вы рассказали ему о своей связи с нами?
— Нет.
— Оказавшись в Москве, вы явитесь в НКВД с повинной?

— Нет.

Теперь уже капли пота падают с лица на грудь. Вопросы — как боксерские удары. И они не прекращаются. За спиной все тот же голос монотонно спрашивает.

— Вы сознательно...

— Если НКВД...

— Вы хотите...

«Да!», «Нет!», «Да!», «Нет!». Это продолжалось бесконечно долго. Руки и ноги дрожали, комната, стол, стулья завертелись так, как бывает в момент острого спазма мозговых сосудов. В те доли секунды, когда он переводил дыхание, пытался о чем-то подумать, раздавалось резкое: «Быстрее, быстрее!»

Наконец ремни расстегнуты и ему разрешено подняться с кресла. Однако сразу он не может это сделать. Поднялся — и его закачало из стороны в сторону.

В соседней комнате немецкий офицер снял оттиски пальцев. Захар успел заметить, что оттиски эти легли на карту, к углу которой была приклеена его фотография, а под ней фамилия, имя, отчество и чуть ниже кличка: Сократ. Офицер протянул карту Захару:

— Теперь подпишите.

Это было то же самое обязательство, которое он однажды уже подписывал.

А испытания еще не закончены. В другом конце коридора кабинет с большим количеством приборов. Здесь хозяйничает сержант. Он объясняет Захару, как звучат по радио сигналы пяти букв из азбуки Морзе.

— Запомните, из скольких точек и тире состоит каждая буква. Я буду выстукивать, а вы — записывайте. Ясно? Почему вы улыбаетесь, ничего смешного тут нет...

— Есть. Я радист первого класса. Два года на зимовке работал.

Сержант поначалу заколебался, стоит ли экзамено-

вать, но потом решил, что порядок есть порядок, начальство, оно все равно отчета потребует, и стал быстро-быстро — «на-кось, попробуй!» — отстукивать ключом в два раза большее количество знаков, чем предусматривала инструкция. И был, конечно, немало удивлен тому, с каким блеском, без единой ошибки Рубин принял это «радиопослание».

Примерно так же прошел экзамен и на аэродроме, где Захар заявил:

— Я буду прыгать не с вышки, а с самолета.

Инструктор переглянулся с Владимиром Михайловичем: «Нет ли тут какого-нибудь подвоха?» Тот одобритительно кивнул головой, и русский доктор продемонстрировал класс прыжка с самолета — точно в заданный круг.

На конспиративной квартире старшим был давнишний знакомый Захара, майор Квальман. Иногда навещался сюда Брайткопф, изредка приезжал Зенерлих.

Однажды появился в их школе тип, о котором ходили легенды. Рассказывали, что до войны Артемов был аспирантом одного из московских институтов, в сорок первом его мобилизовали в армию, и он бежал к гитлеровцам. Гестапо направило Артемова в так называемую школу «восточного министерства». Окончил ее, стал преподавателем курсов, где готовились фашистские агенты-пропагандисты.

В школе Захару стало известно, что гестапо приставило Артемова к руководителям НТС (так называемого «народно-трудового союза») следить за ними и что кое-кто из этих руководителей был арестован гитлеровцами не без содействия этого фашистского агента. Говорили, что Артемов гомосексуалист и в большой дружбе с видным деятелем НТС, работающим на немецкую контрразведку, — Романовым. В Днепропетровске этого Романова должны были судить, и только приход гитлеровцев в город спас его. А на следующий день он сам предложил гестапо свои услуги. Так началась карьера будущего «спасителя» России...

Неведомо было тогда русскому доктору, курсанту фашистской школы разведчиков, что пройдут годы и Артемов станет одним из главных идеологов НТС и одним из самых ловких мастеров фабрикации так называемых «писем от верных людей из СССР», за каждое из которых ему платили доллары, что после войны через Рома-

нова люди НТС станут поддерживать связь с разведкой, работавшей против СССР. Обо всем этом Захар Романович узнает лет через двадцать пять, а сейчас, здесь, на конспиративной квартире он внимательно прислушивается к рассказу о русских «патриотах», помогавших Гитлеру завоевывать Россию.

...Наконец теоретические и практические занятия были закончены и Рубина вызвали для заключительной беседы с обер-лейтенантом Брайткопфом. Он учинил Сократу нечто вроде экзамена и, видимо, остался доволен. Брайткопф сразу перешел к делу: обсуждению плана нелегальной переброски Рубина в Москву.

План достаточно стандартен. Захар получает фиктивные документы, деньги, рацию и прочее необходимое в таких случаях снаряжение. Его сажают в специальный самолет и ночью на парашюте выбрасывают в лесном массиве, где-то между Москвой и Смоленском.

— У нас есть большой опыт в таких операциях, — с апломбом заявил обер-лейтенант. — Все будет идти по установленному порядку.

За время обучения в школе Захар уже много раз слышал, что точно так на его родную землю было заброшено немало гитлеровских агентов. И далеко не все они действовали по «установленному порядку». Как-то майор Квальман, продолжавший пользоваться услугами доктора — печень-то все же пошаливала, — проговорился, что, увы, «предприятие» это — так он называл разведшколу — не очень рентабельно: немногие из тех, кого забросили на советскую территорию, оправдали деньги, истраченные на их подготовку. Одних сразу же схватили, другие сами явились с повинной. Командование весьма и весьма встревожено, грозит всякими карами Зенерлиху и Брайткопфу, требует изменения тактики, но, увы, конструктивных предложений пока не поступало. И Рубин решился возразить:

— Прошу прощения, господин обер-лейтенант, но мне кажется, что предложенный вами план имеет существенный изъян: он стандартен. Если господин обер-лейтенант даст мне день-два на обдумывание предстоящей операции, я мог бы попытаться внести некоторые поправки. Нужно придумать что-то новое. Русские люди по своей натуре патриоты. Вам это хорошо известно, господин обер-лейтенант. Поверьте, это не пропаганда. Каждый житель прифронтового района — всегда начеку.

Ему дали сутки на размышления.

На следующий день они вновь встретились в кабинете обер-лейтенанта. Там же находился и Курт Зенерлих. Он дружески похлопал доктора по плечу:

— Вы талантливый ученик. Мы вас будем внимательно слушать.

Захар изложил свой план, обдуманый в деталях уже давно, еще после той первой встречи с Брайткопфом и Зенерлихом, когда доктор понял, куда они метят.

...В госпиталь приходит приказ: в связи с резко возросшим числом раненых — тут Рубин не фантазировал, — откомандировать в прифронтовой госпиталь четырех пленных советских военврачей. Двое из четырех — Рубин и Воронцов.

— Когда мы окажемся в новом месте, недалеко от линии фронта, я предложу Воронцову бежать из плена. А вы поможете нам, вы...

— Das ist unmöglich! — воскликнул Зенерлих, иногда переходивший с русского на немецкий. — Это невозможно!

— Вы, — продолжал Захар, не обращая внимания на разгневанного Зенерлиха, — дадите нам пропуска для свободного передвижения в прифронтовой полосе и вернете документы, с которыми я попал в плен...

— Это есть... — Разгневанный Зенерлих сразу даже не нашел нужных слов. — Где мы найдем ваши документы?

— Если их нельзя найти, то их надо сделать, — невозможно продолжал Захар. — Вооружитесь терпением и дослушайте мой план до конца.

Зенерлих, кажется, немного успокоился и теперь уже с подчеркнутым безразличием откинулся на спинку кресла.

— Так вот... Когда мы попадем в прифронтовой госпиталь, я должен буду уговорить своего друга Андрея Воронцова бежать вместе со мной. Я предложу ему хорошо разработанный план такого побега.

— И вы считаете, что ваш Воронцов согласится бежать? — ухмыльнулся Зенерлих.

— Я уверен в этом. Русские патриоты — вы должны знать всю правду, господа, — всегда будут пытаться бежать из плена. Даже если шансы на успех на более пяти процентов... Итак, считайте, что я договорился с Воронцовым и мы вместе с ним тайком, ночью бежим из лаге-

ря, к линии фронта, к своим. Нас преследуют, обстреливают, но... не убивают. Я кричу Воронцову: «Андрей! Давай врозь. Беги направо, а я — налево». Между тем вы будете продолжать преследовать беглецов. Но Воронцову удастся скрыться. И действительно, он убежит. Один... И проберется к своим... А я вернусь к вам...

— Вы есть сумасброд, господин доктор. То есть бред больного человека. Вы представляете, что сделает господин обер-штурмфюрер с Зенерлихом, когда он узнает о запланированном побеге русского пленного?

— Терпение, господа. Я не кончил. Я не хочу обижать господина обер-штурмфюрера, но иногда здравый смысл возмещает недостаток широкого взгляда на вещи... Андрей Воронцов при вашем попустительстве вернется к своим, а я вернусь к вам, чтобы полететь через два дня и приземлиться на парашюте в лесу, между Москвой и Смоленском. Без всяких фиктивных документов. Если на советской территории меня задержат как подозрительное лицо, я расскажу историю побега со своим другом Андреем Воронцовым. И скажу: «Найдите его и допросите. Он все подтвердит...»

Кажется, именно тогда Захар впервые заметил улыбку на лице господина Зенерлиха.

— Чудесно! Сколько времени требуется господину доктору на подготовку операции? Считайте, что завтра утром вы снова будете в госпитале и увидите вашего друга...

— Два-три дня.

Зенерлих задумался, подошел к распахнутому окну, потом резко повернулся и окинул Захара цепким взглядом.

— Попрошу вас на несколько минут оставить нас вдвоем.— Он кивнул в сторону обер-лейтенанта.— Вы предложили любопытный план. Мы должны посоветоваться...

— Да, да, конечно... Мы, русские, говорим — семь раз отмерь, один раз отрежь.— И Рубин вышел из комнаты.

Его позвали минут через десять и объявили, что план одобрен, но в течение двух-трех дней, которые он проведет в госпитале с Андреем Воронцовым, ему предстоит выполнить еще одно поручение командования.

— Какое? Оно мне под силу?

— Да, конечно... Пустяковое дело. В программе той школы, где вы обучались два месяца, предусматривалось

важное занятие. Но не хватило времени. Мы восполним этот пробел там, в соседней деревне, где впервые познакомились с вами. Итак, до скорой встречи. Машина ждет вас...

Захар терялся в догадках по поводу предстоящего поручения. Он понимал, что речь идет не о каком-то пробеле в программе занятий разведшколы, а о чем-то более серьезном и связанном с предложенным им планом. Что это за новое поручение, не спутает ли оно все карты?

Утром Захар вернулся в госпиталь. «Легенда» о причине его столь долгого отсутствия была подготовлена заранее: отзывали в другой госпиталь, где заболел хирург. А днем рыжий ефрейтор снова повез Захара к «больному» в соседнюю деревню. На этот раз машина остановилась на окраине села, возле каменного двухэтажного дома, с угловой сторожевой вышкой и изгородью из колючей проволоки. У ворот стояли часовые с овчарками. Захар не успел оглянуться, как его ввели в полутемную комнату, где за столом сидел незнакомый ему немецкий офицер, толстый, как пивная бочка. Он мучительно выдавил нечто подобное улыбке и подчеркнуто любезно поздоровался.

— Как вам спалось, господин доктор? На нервы не жалуетесь? А я, увы, страдаю... Ночью мучают кошмары... Но кому-то надо и это делать... Трудная, неблагодарная работа! Однако высокие идеалы моей нации требуют...

Он развел руками с толстыми, как сосиски, пальцами и стал объяснять, что сейчас будет проходить допрос партизана и ему, Рубину, надлежит при сем присутствовать и помогать переводчику. Захар вздрогнул, у него задергался уголок рта — так вот оно, это последнее испытание!

Вскоре в комнате появился обер-лейтенант Брайт-копф. Полный радушия, словно перед ним лучший его друг, он протянул Захару руку и весело сказал:

— У вас такая кислая физиономия, господин доктор, будто вы вместо шампанского глотнули фужер уксуса. Что с вами? А, догадываюсь. Волнение души русского интеллигента. Не так ли, мой друг? Напрасно. У нас сейчас нет хорошего переводчика, и я попросил господина Крюгера пригласить вас...

У этого негодяя было красивое лицо с кроткими синими глазами: один из бесчисленных парадоксов приро-

ды. Но теперь Захар впервые увидел Брайткопфа без маски — кровожадно-хищным. Синие глаза его уже не казались кроткими.

«ПОБЕГ»

...Рубин негромко рассказывает о том тяжком последнем испытании, которому подвергли его в гестапо. И может, это только показалось Бутову, но именно сейчас, когда речь пошла о допросе русского партизана, доктор стал говорить сбивчиво, суетливо, взволнованно.

— Потом, уже поздно вечером, меня отвезли в госпиталь. Я едва добрал до постели. Всю ночь одолевали страшные видения — морда толстого Крюгера, синие глаза Брайткопфа, окровавленное тело партизана, вспышки магния и щелчки фотоаппарата...

...Далее события развивались быстро. Четырех пленных советских военврачей отправили в прифронтовой госпиталь. Среди них — Рубин и Воронцов. Комсомолец Воронцов, как и следовало ожидать, сразу же согласился бежать вместе с другом.

— Я готов на любой риск!

Захар, сообщив ему план побега, взял на себя добычу необходимых документов. План, в частности, предусматривал и такой вариант: «Если с одним из нас случится что-то непредвиденное, другой продолжает побег один».

На очередной встрече с обер-лейтенантом Захар получил нужные документы, пропуска, дающие право свободного передвижения по занятой немцами территории, и подробнейшие инструкции — где и как переходить линию фронта. Кроме того, на бланке советского военного госпиталя было написано удостоверение, подтверждающее, что З. Р. Рубин, военврач Н-ского полевого госпиталя Красной Армии, следует в распоряжение Санупра Красной Армии. Это уже для передвижения по советской территории. Передавая Воронцову пропуск, Рубин сказал:

— Как видишь, Захар человек слова. Обещал работать документы и сработал. На, получай. Все в ажуре. Теперь нам с тобой, Андрюшка, только линию фронта пересечь, а там явемся в первый же войсковой штаб.

Воронцов обнял друга и, захлебываясь от восторга, рассыпался в благодарностях.

— Захар, ты гений! Как тебе удалось раздобыть документы?

Рубин ухмыльнулся.

— Мне это стоило пол-литра спирта. А о деталях... О деталях поговорим потом...

...Стоял знойный июль. В воскресенье после обеда хлынул слепой, пронизанный солнцем дождь. А когда он утих и они неторопливо, словно на прогулку — своеобразная «пристрелка», — протопали на околицу, их встретила такая приветливая молодая листва, что казалось, будто все это — война, бомбежка, артобстрел, плен, лагерь, побег — лишь кошмарный сон.

Никто не гнался за ними, никто не обращал внимания на них. Они перевели дух, присели, отдохнули и пошли дальше.

Дорога круто спускалась к неширокой речушке, к хлипкому бревенчатому, наспех сколоченному мостику. Они приближались к ничейной земле, до густого леса оставался всего километр. И вдруг — выстрелы! Захар припал к траве и глухо застонал. Андрей на мгновение обернулся, а затем побежал к лесу — таков святой уговор! Вдогонку немцы послали еще одну автоматную очередь, потом залаяли собаки. Но Андрей продолжал бежать, петляя, зигзагами. Захар, увидев, как он скрылся в темени леса, чуть приподнялся, оглянулся назад. Стре-

лявшие себя не обнаруживали. И лай собак прекратился. Кругом все тихо, и только далеко на юго-востоке временами вспыхивали зарницы.

Рубин полежал недолго, потом поднялся и той же дорогой, через речку, отправился назад. Гремел гром, хлестал теплый июльский ливень. Но Захар даже и не почувствовал, что вымок до нитки. Тяжело ступая, обессиленный, будто и в самом деле зацепила его пуля-дура, он шагал навстречу своим хозяевам. Перед глазами плыл парной туман, поднимавшийся от щедро напоенной, прогретой солнцем земли. На какое-то мгновение в нем пробудилось желание сейчас же, немедленно повернуть и ринуться вслед за Андреем. Но только на мгновение. Он знал, что за ним следят — Брайткопф с группой офицеров абвера прибыл в район расположения прифронтового госпиталя. И стоит Рубину сделать лишь несколько шагов к линии фронта — застрочит автомат.

Из-за поворота шоссе выскочила автомашина оберлейтенанта Брайткопфа. Он сидел рядом с шофером, а позади — два солдата с собаками. Захар молча втиснулся между солдатами, и машина помчалась в ближайшую деревню. Брайткопф тоже не склонен был разговаривать и только, когда машина остановилась около дома, что стоял на окраине, буркнул:

— Здесь вы проведете несколько дней. Выходить на улицу запрещается. Вас тут обслужат... Я сам приду за вами... Будем выполнять вторую часть плана. Вы должны запомнить на всю жизнь следующее: в Москве к вам придет наш связной, привезет деньги и инструкции. Примите его по паролю: «Андрей Воронцов передает вам привет и сувенир — бритву «Жилет». Хорошо запомните!

...Через трое суток ночью Захар опустил на парашюте в лесу, в ста пятидесяти километрах от Москвы. Рацию, пистолет, автомат и деньги он завернул в парашют и закопал, а лопату забросил подальше от места «захоронения». В те минуты он не очень задумывался над тем, придется ли ему когда-нибудь вновь откапывать все это, но инстинктивно зрительная память засекла место: опушка леса, впереди овраг, справа дорога, на другой стороне какие-то строения...

— Так я оказался в Москве...

Рубин вздохнул и умолк: нелегко вновь переступить черту, за которой начался тяжкий путь.

— Поверьте, мне очень...— Захар не нашел подходящего слова, запнулся, посмотрел на Бутсва и, словно угадав его мысль, спросил:

— Вы мне не верите?

Полковник ничего не ответил.

— Я могу продолжать?

— Потрудитесь вернуться назад... Вы предложили обер-лейтенанту Брайткопфу довольно хитрый план. Почему он безоговорочно его принял — понятно: отход от стандарта, некоторая гарантия безопасности шпиона. Ну, а вы-то сами, вам для чего потребовалось так усложнять свой побег? Абвер поверил вам. Вас запросто, без всяких дополнительных комбинаций с Воронцовым приземлили бы на советской территории, а потом уж можно являться с повинной, можно все рассказывать как было. — И, подумав, добавил: — Зачем вы придумали такой сложный план?

Кажется, впервые за время их беседы Бутсов сформулировал свой вопрос столь пространно. Но он никак не мог короче высказать тревожившую его мысль. А ему сейчас надо ответить самому себе: что это — фантазия или человек раскрывает душу? План побега — одна из ключевых позиций. Рухнет или удержится она, подкрепленная объяснениями Рубина? Он ждет их, эти объяснения. А Рубин не спешит, обдумывает, будто и ему самому не ясно — зачем он так усложнил свой побег?

— Вы спрашиваете — зачем? — медленно заговорил он. — Это вопрос простой и сложный... Вы поймите меня... — Рубин вдруг стал возбужденно жестикулировать и разразился потоком слов. — Я не мог оставить своего лучшего друга в беде. Мой план давал возможность убежать ему. Но не это главное. Главное — проблема доверия и безопасности. Мысленно я представлял, как явлюсь в НКВД и человек с хмурым лицом, не глядя на меня, крикнет: «Врешь! Все выдумал! Где доказательства?» И тогда я отвечу: «Вот они: во-первых, зарытое в земле снаряжение; во-вторых, Воронцов. Разыщите его и допросите. Мы вместе бежали. Он подтвердит, что я был контужен и в плен попал, когда уже находился в бессознательном состоянии. Он подтвердит, что я помогал соотечественникам чем мог, не выдал ни одного комиссара, а их было несколько человек среди раненых, лечившихся в госпитале...» Я предвидел и такой

вариант — нас, меня и Воронцова, обвинят в сговоре... И мысленно отвечал: «Поговорите с ним в какой угодно форме, и вы убедитесь, что он ничего не знал о господине Брайткопфе, о попытках немцев завербовать меня. Значит, ему-то вы можете верить...» Сколько раз я мысленно вел этот диалог! И в самолете, и в лесу на советской земле, и тогда, когда уже шагал по Москве. Прийти к вам и все рассказать — так я решил после встречи с Зенерлихом. Это был завершающий этап моего плана. И я направился в НКВД, даже не зайдя домой. Я уже поднимался по Кузнецкому мосту, и до приемной оставалось каких-нибудь двести-триста метров... Но тут словно кто-то схватил меня и окрикнул: «Не торопись, Захар, подумай. А если не поверят?» И зашевелилась мыслишка: «В самом деле, зачем так спешить... Надо оглядеться крутом, освоиться, повидаться с мамой». Всплыли в памяти жестокие слова Зенерлиха о судьбе мамы. О, этот знал, на чем сыграть! Значит, ее нет дома... Все равно, решил я, сперва загляну домой, найду маминых друзей, где-то проживает двоюродная тетка — она всегда слыла женщиной осведомленной. И чтобы утвердить себя в этой позиции, я продолжал размышлять: «Ну, вот приду к ним... Все расскажу. А смогу ли уйти? Отпустят ли, хотя бы для того, чтобы узнать, где мама, что с ней?» Теперь я понимаю — это был скорее голос инстинкта, чем разума...

Рубин, закончив монолог, пристально вглядывался в лицо Бутова, стараясь понять — верит он ему или нет? Но лицо полковника оставалось бесстрастным. И Захар продолжал:

— Зенерлих соврал: маму никто никуда не отправлял. Я не стану описывать встречу с ней. Было много слез. Было много радости. Но она угасла сразу же, как только я рассказал маме, что вместе с Андреем Воронцовым бежал из плена. Сначала я не понял, в чем дело. Ведь почти с того света вернулся домой сын, в котором она души не чаяла. Почему такая реакция? Она, правда, старалась улыбаться, но улыбка ее была такой грустной, что мне показалось, будто мама и не очень рада мне. Потом она все объяснила. Правда оказалась беспощадной: к вернувшимся из плена отношение было настороженное, подозрительное. До нее доходили слухи о судьбе некоторых солдат и офицеров, побывавших в плену гитлеровцев. Мама не высказывала своей точки зрения — правиль-

но ли действуют или это перестраховка? Она лишь констатировала факты. А факты эти в ее изложении складывались очень мрачно. Как быть? Оставалась еще одна надежда — проверить все на Андрее. Я попросил маму позвонить Воронцовым и узнать о судьбе Андрея — ведь он мог добраться до Москвы на несколько дней раньше меня. Если с Андреем все в порядке, значит, слухи, докатившиеся до мамы, идут из не очень достоверных источников. Но всплыл третий вариант, для меня неожиданный. Андрей еще не дал о себе знать домашним... Мама не сказала Воронцовым, что я вместе с Андреем бежал из плена: так мы условились.

Я не спал всю ночь, мучительно обдумывал сложившуюся ситуацию. Если верить маминым рассказам, то рушатся мои расчеты. И все же рано утром я снова направился сюда, в приемную.

Тогда у меня не хватило силы воли. Я вернулся домой и решил, что сперва пойду в военкомат. Здесь не очень внимательно слушали меня и передали на так называемую фильтрацию. Там у меня было достаточно много времени для раздумий. Тем не менее я не решился рассказать всю правду — считал, что не поверят. Ограничился заранее отшлифованной версией: побег вместе с другом Андреем Воронцовым. Нас обстреляли, и мы побежали в разные стороны. До Москвы каждый из нас добирался своим путем. Где сейчас Воронцов — не знаю.

После фильтрации, несмотря на ранение, меня направили в штрафной батальон, а еще через два месяца я опять попал в госпиталь. В сорок пятом демобилизовался. За войну был награжден орденом Красной Звезды. Вот, кажется, и все...

— А Воронцов? Его судьба как сложилась? Вам известно?

— Я с ним так и не встретился. Но из писем матери знал — после плена Андрей прошел тот же путь, что и я. Только финиш другой... Воронцов погиб под Будапештом.

...Бутов уже давно оставил в покое Шиву и, по обыкновению, изредка подавал междометия типа «угу», «мда»: выражало это одобрение или сомнение — понять было трудно. Полковник слушал Рубина, не спуская с него глаз. И даже теперь, когда собеседник, закончив исповедь, сидел молча, понурившись, Виктор Павлович продолжал пристально смотреть на него, ожидая, что еще скажет

ему Захар Романович. А Рубин молчал. Молчал и нервничал — полковник заметил, как дергаются пальцы, щека, угол рта, как сбегает капли пота по лицу.

— Это все, что вы хотели сообщить мне?

— Пожалуй... Если у вас есть вопросы... Я готов...

— Да, у меня есть вопросы. Скажите, пожалуйста, какие же задания вы получили от абвера, что должны были делать, когда окажетесь на территории СССР, какие сведения должны были собирать?

— Сейчас, двадцать пять лет спустя, я, вероятно, не смогу вспомнить в деталях все инструкции Брайткопфа. Но все же постараюсь...

Бутов слушает и ничего не записывает: задания достаточно стандартные — сколько раз ему приходилось слышать такие показания агентов, завербованных гитлеровцами в пору войны.

— Господин Брайткопф, инструктируя меня, трижды напоминал: «Учтите и такой вариант — мы можем напомнить вам о себе и через десять — двадцать лет. Что от вас потребуется тогда — я не знаю. Наш человек вам скажет... Вы будьте готовы к этому».

— Где вы должны были хранить рацию?

— Дома.

— Скажите, пожалуйста, господа из абвера не предусматривали такого варианта: органы госбезопасности разоблачают вас, и вы работаете с абвером по нашему принуждению?

— Да, такой вариант обсуждался. Любая радиограмма, переданная мною по принуждению, должна быть подписана тремя буквами — З Р Р.

— Сколько шифровальных блокнотов вы получили?

— Десять.

— Сколько денег?

— Пятьдесят тысяч.

— Вам не жаль было закопать деньги?

— В какой-то мере...

— А если бы вы сейчас располагали столь же большой суммой, как бы распорядились?

Рубин усмехнулся.

— Вы задали трудный вопрос... Я ни в чем не нуждаюсь. Впрочем, есть нечто такое, на что денег всегда не хватает.

— Что именно?

— Путешествия. Говорят, что это примета старости,

говорят, что на Западе более половины туристов — пожилые люди.

— А вам не приходилось совершать вояж в заморские страны? Я имею в виду последнее десятилетие?

Захар Романович поднял голову и более чем поспешно ответил:

— В качестве туриста...

— Вы путешествовали один или с женой?

— Один... Жена умерла в пятьдесят девятом.

— У вас есть дети?

— Дочь, не родная... Ирина... Двадцать семь лет.—

Он тут же счел нужным сообщить ее анкетные данные.—
Научная сотрудница...

И вдруг совершенно неожиданный для Рубина вопрос.

— Где она сейчас? В Москве?

Рубин вздрогнул, но быстро овладел собой.

— В отъезде, гостит у тети.

— Давно?

— Несколько дней.

И Захар Романович стал распространяться о Марии Павловне, покойнице жене и о многом другом, никак не связанном с событиями, интересующими Бутова. Только вскользь заметил:

— Мне всегда везет на разные неприятности. Ирина поехала со знакомым инженером на прогулку в горы, и с ними приключилась беда... Автомобильная катастрофа. Дочь попала в больницу. Но ничего серьезного...

— А инженер?

— Увы, погиб.

— Вы его знали?

— Да. Инженер Глебов.

— Что вы можете сказать о нем, о его отношении к Ирине?..

Рубин снова уклонился от прямого ответа, буркнув что-то невнятное о мимолетности знакомства с Глебовым.

— А молодежь нынче не склонна верить отцам душевные коллизии... К тому же в последнее время мы с Ириной часто, простите, цапались. Перестали понимать друг друга.— Он произнес это сухо и отчужденно.

— Она живет вместе с вами?

— Да. Хотя это и осложняет наше житье. И ее, и мое. Что поделаешь — извечная проблема... И вот извольте видеть, сегодня рано утром доставила очередной сюрприз.

Захар Романович, не вдаваясь в подробности, сооб-

шил о звонке Марии Павловны, рассказавшей про злополучную телеграмму и карпатские приключения Ирины. В изложении Рубина — в достаточной мере лаконичном — все случившееся следовало отнести за счет взбалмошности девчонки. Рубин предполагает, что она же виновница аварии.

— Что вы знаете о человеке, подписавшем телеграмму?

— На мой взгляд, дурной человек. Это один из пунктов наших раздоров с Ириной. Она собирается выйти за него замуж, а я возражаю, хочу объясниться с ней, но она не очень склонна к душевным беседам со мной.

— Кто он?

— Студент... Хотя уже давно вышел из студенческого возраста. Поступил на экономический факультет. А мечтает стать журналистом... Пописывает. И, кажется, где-то его печатают. Занятиями манкировал. Лодырничал. Но Ирина заставила его учиться. Парень одаренный, способности блестящие. И тем не менее пулей вылетел. Не помню — со второго или третьего курса. За что? Попал в кампанию непорядочных дружков. Затем восстановили. Подробности мне не известны. Ирина не любит говорить о них. Я называю его шалопутом, а он видит во мне представителя тех «отцов», что мешают жить «детям». Бог им судья! Вот и сейчас. Представляете, надо готовиться к защите диплома, а он твердит свое: «Хочу в Сибири на стройке побывать. Буду очерк писать. Это и для защиты диплома полезно». Умник какой! Времени-то в обрез...

Рубин сел на любимого конька и, вероятно, еще долго распекал бы Сергея, не останови его Бутов.

— Сергей уже уехал на стройку?

— Кажется, да.

— На какую?

— Не знаю.

— В командировку?

— А кто его пошлет? Впрочем, с такими всякое бывает. Одним словом, шалопут...

— А Глебова покойного вы знали?

— Знаком... Куда более положительный и приятный молодой человек.

— Ирине известно о всех ваших злоключениях военной поры?

— Нет.

— Вы никому не рассказывали об этом?

— Никому.

Бутов встал из-за стола и дал понять: пока разговор окончен.

— Благодарю за ваше сообщение, Захар Романович. Оно побуждает нас незамедлительно принять кое-какие меры. Я, кажется, не ошибся — вы заявили, что гость собирался покинуть Москву в первой половине дня. Не так ли? Надеюсь, что среди тех фотографий, которые мы предъявим вам, вы сможете узнать господина Ивена? Ну, и отлично. Попрошу ваш телефон, адрес. А это мой телефон. Жду вашего звонка. В шесть вечера. Дома изложите письменно все рассказанное, а если сочтете нужным, укажите и дополнительные сведения. Прошу вас...

Захар Романович медленно поднялся, взял лежавший у ног сверток, хотел было направиться к двери, но не решился — он готовился совсем к другому «эпилогу». Как понять это «прошу вас» — куда и в каком качестве надлежит сейчас следовать? Он уже забыл, что Бутов просил его дома изложить все письменно. И потом, каковы они, в подобных ситуациях, нормы поведения — имеет ли он право подать руку на прощание? В нерешительности, переминаясь с ноги на ногу, доктор медлил, не зная как быть. Бутову было хорошо знакомо все это. Он улыбнулся и кивнул на сверток:

— Никак, в баню собрались?

— Почему же в баню? — удивился доктор. — Аа-а, вы про это?

— По программе инженера Забелина из «Кремлевских курантов»...

Доктор покраснел, перекинул сверток из одной руки в другую и с тоской оглянулся по сторонам, словно кто-то еще должен быть в комнате и внести ясность.

— До Забелина мне далековато. Разные у нас ампула. А что касается свертка, то угадали.

— Что же это вы? Меньше прислушивайтесь ко всяким сплетням... Честь имею кланяться. Вечером позвоните. — И Бутов протянул доктору руку.

ЗВЕНЬЯ

Генерал Клементьев внимательно прочел сообщения Михеева и теперь ждал возвращения Бутова из приемной. Воздерживаясь от вызова сотрудников по другим вопро-

сам, лаконично отвечая на телефонные звонки, он тем самым как бы выкраивал время пообстоятельнее обдумать случившееся. А случилось не так уж мало: странная телеграмма к Ирине; автомобильная катастрофа в горах; гибель Глебова; материалы, найденные при обыске комнаты Глебова, и, наконец, визит Рубина. Звенья, звенья... Составят ли они единую цепь? И главное, есть ли тут вопросы для контрразведывательной службы?

Генерал, как и Бутов, был уверен, что разговор с доктором Рубиным внесет какую-то ясность в сообщения Михеева.

Часть вопросов теперь, вероятно, можно будет перечеркнуть. Но, увы, над всем этим запутанным делом, по видимому, придется ставить один большой вопросительный знак. Во всяком случае, меньше всего генерал ожидал, что Рубин пришел в КГБ не в связи с событиями в Карпатах. Оказывается, явился совсем по другому и куда более серьезному делу. Впрочем, генерал сразу же сказал Бутову, что ему еще не ясно — «другое» ли это дело, или две операции взаимосвязаны. Странное это совпадение по времени: приезд Ивена в Москву и отъезд Сергея на какую-то никому неизвестную стройку.

— Ваши соображения, Виктор Павлович?

Ответ Бутова — это скорее неторопливые размышления вслух.

— Я не убежден, что доктор сказал всю правду... Послевоенные годы пока еще остались в тени. Мне показалось, что Рубину не очень-то был по душе интерес к его туристскому вояжу. Так же, как и разговор о Глебове. И еще на одно обстоятельство хотел бы обратить ваше внимание. С господином Ивеном он встречался вчера вечером. Ночь на обдумывание — достаточно. Доктор явился к нам около двенадцати. Почему же не пришел с утра? Не решался? Утром он уже знал о телеграмме, об автомобильной катастрофе, о смерти Глебова. Звонила тетя Маша. Это он сам рассказал нам. Нехотя, но рассказал. И не по своей инициативе. Только в порядке ответа на мои вопросы. И весьма лаконично. И потом Глебов... Его уже ни о чем не спросишь. Должны довольствоваться тем, что скажет Ирина, а тут может и не быть всей правды. Телефоны Захара Романовича и Ирины нашли не в записной книжке Глебова, а на отдельной бумажке. Деталь: записано не Рубин, а «З. Р. Р.» и не Ирина, а «И. Р.»... Бумажка спрятана вместе с материалами, компромети-

рующими их владельца. Конспиратор был он, видимо, не из бывалых...

Они не стали принимать никаких решений — еще слишком мало бесспорных фактов. А только такие здесь привыкли класть в основу обвинений или оправданий. И Бутов, продолжая размышлять вслух, говорит:

— Пока не смею делать каких-либо выводов, товарищ генерал...

— А сейчас и не надо этого делать. Для нас с вами ясно: возникла ситуация, разобраться в которой надлежит контрразведчикам. И если доктор сказал правду, а нужных доказательств к тому не имеется, то нам с вами нужно добыть их и тем самым помочь ему и себе...

Генерал, кажется, впервые во время их беседы высказался столь решительно.

— Да, да. Помочь. Вы меня, полагаю, понимаете?

Генерал не ждет ответа — он не сомневается, Бутов понимает его с полуслова. И задает уже следующий вопрос:

— Виктор Павлович, как считаете — здоров ли психически доктор Рубин?

— Лицо у него такое, что можно и об этом подумать. Следы крайнего утомления, нервного потрясения...

— Я вижу тут много аспектов, требующих глубокого анализа и тщательной проверки... У вас в отделе сейчас достаточно людей? Справитесь или дать подкрепление?

— Пожалуй, обойдусь своими силами.

— Тогда действуйте. Сформируйте группу, и пусть она больше ничем не занимается. Вызывать с докладами буду часто. Всех вместе и по отдельности. Руководство группой за вами. И еще — дайте все материалы старшему оперуполномоченному Плетневу. Он у вас не плохой аналитик. Поручите ему составить подробный план оперативных мероприятий. Предусмотрите использование всех оперативно-технических средств. Если предварительная проверка подтвердит сообщение Рубина, попытайтесь составить прогноз действий противника. Исходите из опыта подобных дел или хотя бы в какой-то мере схожих. Разработайте возможные варианты тактики Рубина — Ивена. И, конечно, тех, кто стоял и стоит за ними...

Бутов молча делал заметки в блокноте.

— Мы не можем не считаться с тем, что ходят по нашей земле бывшие агенты бывших разведывательных

органов фашистской Германии. Одни отбыли свой срок наказания, другие обошлись без него — своевременно явились с повинной. Люди эти известны нашему противнику, и вы знаете, что он не так уж часто останавливает свой выбор на этих персонах, не к каждому из них пошлет связного. А вот к Рубину прислали. Почему именно к нему? Почему вчера, а не пять, десять, пятнадцать лет назад? Мы с вами пока не знаем. Ответ известен Ивену и, возможно, Рубину. Ищите... Надо подобрать опытных людей. Поиск шпионского снаряжения, зарытого доктором, поручите Тропинину. Помнится, он уже принимал участие в подобных операциях.

— Я тоже имел его в виду, товарищ генерал. Думаю, к завтрашнему дню Тропинин скомплектует группу, возьмет с собой Рубина и отправится на место.

— Не спешите, Виктор Павлович. В ближайшие дни Рубину нельзя отлучаться из Москвы. Противник может установить за ним наблюдение — и внешнее, и по телефону. В таком случае его исчезновение хотя бы на день-два даст повод для подозрений. Это лишит нас инициативы. А через несколько дней, пожалуй, можно уже будет отправить его с Тропининым...

«ТОВАРИЩ ЭВМ»

Бутов вернулся к себе в кабинет; вызвал стенографистку и стал диктовать.

Дела первоочередные:

Визовые анкеты с фотографиями иностранных туристов, улетевших сегодня из Москвы.

Действительно ли Ивен приезжал в Москву? Когда уехал? Кто такой? Чем занимался в СССР?

Кто он — Рубин?

Проверить его поездку за рубеж.

Поиск зарытого шпионского снаряжения.

Сергей, Глебов, Владик, Ирина — что известно о них?

Проверить обстоятельства пребывания Рубина в плену.

Данные на Андрея Воронцова...

За этими неотложными делами последует множество других — десятки запросов в разные учреждения, города: советские и зарубежные.

Но прежде всего надо получить ответ на вопрос № 1 — улетел ли Ивен из Москвы, если он действительно Ивен?

Предположим, что все это будет так — Ивен есть Ивен и он действительно сегодня отбыл. Конечно, это в какой-то мере подтвердит рассказ доктора. Но не очень весомо. Ведь легко представить... И полковник мысленно рассматривает возможные варианты, при которых Ивен есть Ивен и он улетел сегодня на Запад, а между тем рассказ Захара Романовича оказывается легендой. Потом мысль перескакивает на Глебова, Ирину, Сергея. И тут же фиксирует настораживающие обстоятельства: почему Сергей решил отбыть на какую-то сибирскую стройку сразу после того, как отправил таинственную телеграмму, сразу же после всего того, что произошло в Карпатах, сразу после «визита» господина Ивена. Не слишком ли много этих «сразу же». Куда он уехал, зачем, на какие деньги? Если в командировку, то кто послал? Есть московский адрес Сергея, но в квартире никого нет. Сергей живет с дядей профессором Синицыным. Профессор уже вторую неделю находится в зарубежной поездке. И в бутовском блокноте в перечне неотложных дел появляется запись: «Сергей... Сибирь, стройка... Командировка?»

...Яков Михайлович Тропинин явился точно в назначенное время. Капитан сегодня ночью дежурил, но полковник решил все же потревожить его.

В плане действий, намеченных полковником, на долю Тропинина выпала одна из едва ли не самых трудных задач: найти снаряжение разведчика Рубина, двадцать пять лет назад зарытое им в земле.

— Дело сложное, Яков Михайлович. Четверть века... Хочется верить, что Рубин действительно заинтересован в розыске... Если, конечно... — Бутов задумался было, потом продолжил уже решительно: — Все рассказанное Рубиным еще не следует расценивать как факты абсолютно достоверные. Варианты могут быть разные и притом неожиданные. В поездке вам следует быть и психологом и аналитиком. Что скажете?

— Ясно...

— Однако же... — улыбнулся Бутов. — Сегодня вы, кажется, превзошли себя.

— В чем?

— В лаконизме. Иногда это свидетельствует об отсутствии мыслей, — все с той же улыбкой заметил Бутов. — Нет-нет, к вам это не относится. Не обижайтесь, пожалуйста. Я предпочитаю немногословных. Не забываю народной мудрости: громче всех пустая бочка гремит.

Тропинин покраснел, стал ерзать на стуле, хотел что-то объяснить, но, увы, его хватило лишь на три слова.

— Все будет сделано...

— Вот и отлично. Подберите двух помощников из оперативных сотрудников, договоритесь с командованием спецчасти о группе солдат и через несколько дней вместе с Рубиным отправляйтесь в район приземления. Прошу обратить особое внимание на психологическую сторону дела, на то, как Рубин будет вести себя в процессе поиска. Ни пуха, ни пера вам, товарищ молчальник.

Проводив Тропинина, Бутов бегло просмотрел почту вчерашнего дня, оперсводку событий за минувшие сутки, запер бумаги в сейфе, вышел из кабинета и спустился тремя этажами ниже. Здесь — царство машин, электронных аппаратов — вычислительный центр. На помощь разведчикам, контрразведчикам пришел спокойный, неторопливый, деловитый, весьма уверенный в себе «товарищ ЭВМ» — электронно-вычислительная машина. Она способна запомнить, сопоставить и проанализировать самые запутанные комбинации людских отношений, переведенные на язык перфолент. И вот теперь Бутов запрашивает у «товарища ЭВМ»: есть ли какие-нибудь материалы на Зенерлиха, Брайткопфа, Квальмана, а если да, то номера архивных дел, номера дел с материалами о разведшколе, в которой готовили к отправке в СССР военврача Рубина; дела бывших военнопленных Андрея Воронцова, Захара Рубина. Не очень рассчитывая на успех, Бутов передает исходные данные и на Глебова, Сергея — а вдруг ответит! И еще один вопрос — происшествия с нашими туристами за рубежом, ну, хотя бы за последние десять лет.

Инженер внимательно рассматривает заявку Бутова и делает в своем блокноте какие-то пометки.

— У вас все, товарищ полковник? Или еще что?

— Спасибо, но аппетит приходит во время еды, Степан Петрович.

...В восемнадцать ноль-ноль на стол Бутова легли анкеты с фотографиями иностранных туристов, улетевших сегодня из Москвы в первой половине дня. Ивана среди них не оказалось.

Полковник глянул на часы. Почему не звонит доктор? Условились на шесть, а теперь уже шесть тридцать. Покровский сообщил, что доктор, вернувшись домой, на улицу не выходил.

Бутов набрал номер телефона доктора.

...К телефону подошел Рубин. Не ожидая вопроса, стал объясняться...

— Тысячу извинений. Виноват. Я вам рассказывал о семейных неприятностях. Только сейчас междугородняя соединила. Спасибо, Ирина чувствует себя уже прилично. А у меня сердце прихватило. Нет, нет, ради бога, что вы. Если нужно, то я готов... О, вы очень любезны. Рад буду видеть вас у себя... Тысячу извинений...

НА ОДНОМ ПЕРЕКРЕСТКЕ

Доктор встретил Бутова с извинениями. Он один в квартире, у него сердечный приступ, а ухаживать за ним некому, и если что случится...

Доктор пригласил гостя в кабинет и снова извинился:

— Я вас оставлю на несколько минут в одиночестве, приведу себя в порядок.

— Не беспокойтесь, Захар Романович... Я же не дама...

— О нет... Я сию минуту вернусь.

Виктор Павлович не настаивал, и Рубин удалился. Бутов стал разглядывать большой сумрачный кабинет, напоминавший комиссионный магазин: тут соседствовали ранняя итальянская бронза и старинные русские канделябры, инкрустированный столик и резной шкаф с потертыми дверцами. И картинная галерея: русская классика, французы-импрессионисты. Вещи, окружавшие Рубина, были подобраны так, словно хозяин старался подчеркнуть: «Вот каков я! Полюбуйтесь!» Все здесь было напоказ — и книги, и фарфор, и какие-то металлические древности, и чеканный кувшин работы дагестанских мастеров. И, конечно, иконы.

Наконец появился Захар Романович и принес на подносе кофе, коньяк, лимон. Уселся в кресло у журнального столика и принялся философствовать о старости, об отцах и детях, преимуществах и недостатках отдельной квартиры, когда тебе за шестьдесят и ты болен, а дети...

— Я вам рассказывал о наших отношениях с Ириной. Как весенняя погода — то дождь, то солнце. Все очень сложно. Нет, нет, что вы, я не жалуюсь...

Виктор Павлович сочувственно кивает головой.

— Простите, после смерти жены вы сами захотели остаться один или же?..

— Так получилось... Первый год казалось, что нет таких, как она, а потом... Время исцеляет... Были увлечения, были, но в мои годы трудно заново начинать семейную жизнь. К чему связывать себя? Ведь есть свои прелести и в таком свободном образе жизни. В моем доме часто бывают гости. Интересные люди. И все же порой охватывает тоска.— И на лицо доктора наплывает приличествующая случаю печаль.— Часто вспоминаю Елену. Я вам рассказывал о ней...

Доктор потянулся за лежащими на столе четками. Бутлов уже давно обратил на них внимание, так же, как и на прекрасное немецкое издание путеводителей по Анкаре и Стамбулу, красовавшихся за стеклом книжной полки.

— Вы жили на Кавказе?

— Нет. Почему вы так решили? А, четки? У турок тоже принято...

— Вы бывали в Турции?

— В качестве туриста. Я, кажется, уже говорил вам об этом. Четки купил там, хотел их подарить близкому другу, он из Азербайджана. Но мы предполагаем, а бог располагает. Вернулся в Москву и узнал о его смерти.

— Вы любите путешествовать?

— Путешествовать, вероятно, любят все. Но в моем возрасте это особенно приятно.

— Вы остались довольны круизом? Интересно было?

— Да, очень... Одесса — Пирей — Афины — Александрия — Каир... Калейдоскоп впечатлений.

— Из Одессы прямо в Пирей?

— Нет, конечно.— Доктор смутился и торопливо стал уточнять маршрут: — Из Одессы — в Варну, Констанцу. Потом в Стамбул...

— Вам понравился этот город?

— Когда-то это была огромная мастерская роскоши — я выражаюсь языком гида... И бесчисленное количество легенд.

— Вы были в храме Софии? Чудо из чудес... Не правда ли? Мраморный пол, словно ковер, и купол... А восточный базар... Вам довелось бродить по улицам этого города в городе?

Рубин неохотно ответил:

— Да, но недолго...

И после небольшой паузы добавил:

— И без особого удовольствия. Очень шумно и очень многолюдно. Толпы народа. Можно отстать от группы...

И перевел разговор на происшествие с Ириной. В рассказе Захара Романовича не было ничего нового, и Бутов, терпеливо выслушав жалобы отчима, счел наконец возможным перейти к делу.

С лица Захара Романовича мгновенно исчезло предупредительно-благодарное выражение, с которым он по долгу хозяина дома вел светскую беседу. Теперь на лице его появилась настороженность.

— Что прикажете?

— Прежде всего сядьте и не волнуйтесь. Считайте, что наш интересный разговор о легендах Востока продолжается, хотя мы сейчас с вами займемся былью. Прощу вас...

Виктор Павлович достал из портфеля пакет с фотографиями и разложил их на большом письменном столе красного дерева: из этого дома модерн, кажется, был изгнан начисто. На обороте каждой фотографии стоял номер, соответствующий номеру в списке туристов. Рубин сразу же ткнул пальцем в фото под номером 27. Бутов заглянул в список — Егенс.

— Но это не Ивен, Захар Романович. Прощу вас, посмотрите еще раз.

— Он, никаких сомнений... Это он. А насчет фамилии... Мог и ослышаться...

Они выпили по рюмке коньяку, закусили лимоном, недолго поговорили на любимую доктором тему — о благодарных детях — и распрощались.

Итак, иностранец, напомнивший доктору Рубину о его давних обязательствах перед германской разведкой, сегодня действительно отбыл из Москвы. Один из вопросительных знаков можно перечеркнуть. Но, увы, нет еще у полковника уверенности в том, что на Рубина он может положиться.

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ЗНАКИ

Как и было условлено, Захар Романович пришел к Бутову в комитет на следующий день утром. Он выглядел еще более усталым. Доктор молча протянул полковнику папку, в которой лежали двадцать страниц, исписанных убористым почерком, — заявление в КГБ. Так же молча он подписал протокол опознания. Подписал и положил ладони рук на колени — знакомая Бутову поза: так обычно делают люди, лишенные свободы и уже смирившиеся

с этим прискорбным обстоятельством. Доктор робко посмотрел на полковника, затем на Тропинина, оформлявшего протокол, как бы спрашивая их: «Ну, а дальше что? Что теперь ждет меня? Кто я — подсудимый, подсудимый?» И Бутов, перехватив этот вопрошающий взгляд, мысленно повторил тот же вопрос: «Кто он?»

Посоветовавшись с прокурором и работниками следственного отдела, Бутов вынес постановление о возбуждении уголовного дела по факту преступления. Это была не пустая формальность. Складывалось несколько иное направление поисков, чем казалось сначала. Захару Романовичу эти тонкости были, однако, неизвестны, и он сидел, уныло опустив глаза. Ждал, что прикажут. Но ему не приказывали. Полковник спокойно, словно речь шла о малозначащих вещах, познакомил Захара Романовича с Тропининым и сказал:

— Так вот, значит, договоримся мы с вами, Захар Романович, о следующем.

— Слушаю...

Но Бутов не спешил.

— Захар Романович, придется на несколько дней оторвать вас от работы, от большой, так сказать, науки.

Доктор совсем сник, по своему поняв заявление полковника. Виктор Павлович, не повышая голоса, объяснил:

— В экспедицию отправитесь вот с этим обаятельным молодым человеком. Более красноречивого молчальника, чем он, не встречал. Итак, в путь-дорогу. На поиски зарытого вами снаряжения. Считайте, что сейчас это клад бесценный...

— Да, я понимаю. Драгоценнейший клад. И я приложу все силы...

— А как же иначе. Решается ваша судьба.

Тропинин поднялся, подошел к двери и открыл ее перед Захаром Романовичем. В кабинете капитана висела крупномасштабная карта района бывшего приземления Рубина. Красным кругом была обведена деревня Плетневка — место поиска...

Бутов погрузился в дела давно минувших дней. Они лежат перед ним, аккуратно подшитые, пронумерованные, пожелтевшие, но тщательно оберегаемые. «Товарищ ЭВМ» уже успел сработать. Бутов листает доставленные из ар-

хива дела и одобрительно кивает головой: «Все пока правильно!»

...Справки на Брайткопфа, Квальмана.

Брайткопф, сын офицера, родился в 1910 году, окончил академию генерального штаба. На фронте возглавлял отдел абвера и был начальником диверсионно-разведывательной школы ЦС 273/В. Считался специалистом по вербовке агентов среди военнопленных. Брайткопфа характеризовали как разведчика тонкого, хитрого, с хорошей подготовкой. Начальство абвера ставило его в пример и не раз жаловало наградами.

...Квальман. В диверсионно-разведывательной школе абвера ведал несколькими конспиративными квартирами, где жили и обучались будущие агенты разведцентра. Других обязанностей у него не было.

В той или иной форме архивные дела косвенно подтверждали многое, что еще вчера казалось сомнительным. Но подтвердили только до определенного рубежа, до того часа, когда гитлеровский агент с документами военврача Рубина был переброшен на нашу землю.

А «товарищ ЭВМ» подбросил еще один факт. Да какой! Захар Рубин фигурирует в протоколе допроса Медички — иностранной студентки, учившейся в московском медицинском институте и работавшей по заданию вражеской разведки, штаб-квартира которой базировалась в небольшом европейском государстве. Бутов читает этот протокол.

«...— У вас в записной книжке на букву «Р» значится «Зах. Ром. Руб.» Его телефон и адрес. Кто это?

— Доктор Захар Романович Рубин.

— Что вы можете сказать о нем?

— Он был в списке двадцати москвичей, на которых я представила шефу соответствующую разработку.

— Что входило в эту разработку? Вы помните?

— Да. Рубин был в плену. Бежал. Снова служил в Советской Армии. На фронте познакомился с будущей женой, актрисой, которая вскоре после войны умерла. Живет с приемной дочерью Ириной, студенткой. Длительное время тайно и достаточно активно занимался частной практикой. Потом бросил. Переквалифицировался. Занялся наукой. Работает в научном институте специального назначения, проявил себя талантливым исследователем. Сейчас медики очень решительно вторгаются в сферу физиков, химиков, космонавтов. Рубин один из таких ме-

дигов. У него большой круг знакомых. Жена ввела в его дом актеров, литераторов. Они и после ее смерти — частые гости Рубина. А сам хозяин принадлежит к числу веселых, жизнелюбивых людей, которые, несмотря на свои годы, не потеряли вкуса ко всем земным благам...

— Где вы познакомились с доктором Рубиным?

— На его публичной лекции. Точнее, не с ним самим, а со студентом-медиком, который хорошо знал Ирину и ее близкого друга. Медик познакомил меня с ними... Так я вошла в дом Рубиных».

...Бутов попытался было найти какое-то продолжение линии Рубина в архивах контрразведки, но не нашел и огорчился: «Жаль, жаль... А пожалуй, могли бы и заинтересоваться... Впрочем, кто его знает — бывает ведь и так: агенту разведки человек показался заслуживающим внимания, а на поверку пшик... Зря только тень бросили».

Поводов для огорчений у Бутова предостаточно. Больше всего его раздражают обстоятельства, замедляющие темп расследования. Сергей пока не найден. Но странное совпадение: почти одновременно улетел из Москвы Владик. Попросил на работе несколько дней отпуска за свой счет — по семейным обстоятельствам — и улетел. И тоже в неизвестном направлении. Ирина — еще у тетки. Глебов — мертв! Нити оборвались. Пока приходится довольствоваться докладом Михеева. Есть в нем небезынтересная деталь. Старушка, хозяйка квартиры, где жил Глебов, проявляла повышенный интерес к частной жизни своих квартирантов. Михеева она встретила поначалу несколько настороженно, а потом смахнула уголком платка слезу и со свойственной старым женщинам говорливостью стала рассказывать о Глебове всякую всячину. Человек он был общительный, зарабатывал много и деньгам счет не вел. А к деньгам деньги: как-то прилетел из Москвы и объявил, что по лотерейному билету «Волгу» выиграл. В Москву не часто летал, мать у него там, старушка. Но сынок не очень-то беспокоился о матери. Говорил о ней: «Задержалась... Умирать старушенции моей пора». Однако, когда год назад, под рождество, пришла телеграмма от матери — «Тяжело больна, прилетай. Мама», — мигом собрался и в тот же вечер улетел. Хозяйка даже удивилась: «Ишь каким прытким вдруг стал сыночек. Никак, за наследством полетел...»

О последних днях жизни Глебова она ничего, с ее точки зрения, примечательного сказать не может. Вот разве только звонок из Москвы. Двадцать шестого апреля вечером, когда Глебова не было дома, звонил из Москвы какой-то Владик. Еще раз он позвонил в тот вечер часов в одиннадцать. Старушка запомнила слова Глебова: «Можешь не беспокоиться. Обязательно встречусь с ней. Все будет, как условились...» Можно ли надеяться на память старушки, и есть ли уверенность, что речь шла об Ирине? Ну, а если так, то в чем смысл свидания Рубиной и Глебова и кто кому передавал катушки с антисоветскими записями? Вероятный вариант: хотел прощупать ее настроение. Но в таком случае Глебов действовал весьма топорно. Даже не верится...

Бутов ведет диалог с Бутовым, и Бутов напоминает Бутову: «А где же учет обстоятельств — активизация контрреволюции в Чехословакии, ее ставка на молодежь: противник пустил в ход все средства информации, а вернее, дезинформации, его рации круглые сутки передают «Последние известия из Праги».

...В тот вечер генерал Клементьев и полковник Бутов долго обсуждали самые неожиданные и порой исключаящие одна другую версии в поисках ответа на вопрос — кто он, доктор Рубин: человек, когда-то оступившийся и ныне честно явившийся с повинной, или хитро петляющий враг, сбивающий контрразведку со следа? В любом варианте нити тянутся за рубеж, в штаб-квартиру одного из вражеских разведцентров.

Генерал счел нужным напомнить про английского «туриста», арестованного в Москве в тот самый момент, когда он по заданию иностранной разведки вручал «верному человеку» альбом, в который были запрятаны наборная касса миниатюрной подпольной типографии и письмо, адресованное лично «агенту» — ему присвоен персональный радиопозывной номер «У5У», — и инструкцию по приему и расшифровке кодированных передач, и сам код, и пленку с текстами антисоветских листовок, и энтээсовские брошюры. «Все эти брошюры, листовки, — показал на следствии английский «турист», — должны были быть распространены среди молодежи. Но это только часть дела. Я вручил агенту адреса видных общественных и политических деятелей на Западе с такой инструкцией: проживающие в СССР люди, верные НТС, переписут эти листовки и перешлют по указанным ад-

ресам за рубеж, чтобы создать там впечатление, будто в СССР существует антисоветское подполье».

Генералу Клементьеву, полковнику Бутову, советским контрразведчикам важно сейчас с максимальной достоверностью установить, какое место в планах вражеских разведцентров отведено тем, с кем их столкнули будни службы. Может, еще и не все «всплыло»? Может, затевается не только идеологическая диверсия: Захар Романович причастен к исследованиям весьма секретным.

«ЗРЯ ШУКАЕМ»

Солдаты работали весело, энергично. Знали, что ищут нечто необычное, хотя не были посвящены в суть дела.

Захар Романович указывал все новые и новые ориентиры. «Берег реки... Спуск с моста... Вон под той одинокой плакучей ивой... Косогор... Нет, нет, кажется, здесь, на опушке соснового бора...» И все безрезультатно. Тропинина ничем не удивишь, из себя не выведешь. Но и у него уже появилось желание заставить этого лысого человека копать землю вместе с солдатами: «Заварил кашу, пусть сам и расхлебывает. А то все командует: здесь ищите, там копайте».

Шел уже десятый час напряженных поисков, когда один из солдат положил лопату и сказал:

— Умаялись, товарищ начальник. Может, отбой?..

Тропинин испытующе вопросительно посмотрел на доктора. Но доктор молчал, хотя всем своим видом взывал: «Умоляю вас, давайте еще попытаемся...» Тропинин молча взял в руки лопату и стал рыть землю. С точки зрения законов воинского воспитания, этот ответ солдату был не из лучших, но должное впечатление произвел.

Копали до темноты, а на следующий день на рассвете возобновили поиски. И безуспешно.

— Нема,— мрачно буркнул все тот же солдат.— Це и малому хлопцу ясно — зря шукаем...

И хотя Тропинин, не проронивший за весь день ни слова, отбоя не давал и даже сердито поглядывал на солдата-скептика, Захар Романович окончательно сник. Грузный, устало обмякший сидел он на обомшелом пне. Провел ладонями по лицу, будто смывал усталость, и сказал:

— Значит, все... Конец! — Рубин тяжело вздохнул

и спросил Тропинина: — Вы тоже считаете бесполезным продолжать работу?

Смотрел ли Тропинин, как работают солдаты, или сам работал вместе с ними, он не переставал наблюдать за доктором. Ему нужно было уловить тончайшие оттенки настроения Захара Романовича, чтобы ответить себе, Бутову, генералу на сложные психологические вопросы — действительно ли Рубин потрясен безрезультатностью поиска или же только ловко разыгрывает это потрясение, так как точно знает, что ничего он тут и не закапывал?

— Скисли, Захар Романович?

— Скис.

— Ну и зря!

Доктор неопределенно пожал плечами и развел руками.

— Двадцать пять лет... Поймите же, человеческая память бессильна в поединке со временем. Я надеюсь, что это будет учтено...

Тропинин не ответил. Нет, он не берется дать однозначный ответ.

Так он и доложил по возвращении Бутову. Незвестно, что там на душе у Рубина, о чем думает сейчас, на что надеется, но на лице его — мрачность и потрясение. Потрясение человека, хорошо понимающего, — есть серьезное основание для того, чтобы поставить под сомнение достоверность двадцати исписанных им страниц.

ДРУЖКИ

Не на все вопросы Бутова ЭВМ ответила сразу: инженер, словно извиняясь, заметил, что для оператора слишком скромны исходные данные. И все же он надеется, что сможет в какой-то мере помочь полковнику.

Когда Бутов уже перестал рассчитывать на ЭВМ, отыскиались дела, в которых фигурировал Сергей. Сообщая инженеру фамилию Сергея и скудные данные о нем, Бутов мало надеялся на успех. Но всякое бывает — вдруг да откликнется!

...Дело Крымова вел Михаил Петрович Ключев. Бутов хорошо помнил этого одаренного чекиста, рано ушедшего из жизни — тяжелая болезнь почек. Она-то, видимо, и помешала ему до конца проследить за судьбой Сергея. А жаль, очень жаль! Все могло сложиться по-другому. Конечно, сейчас ему, Бутову, легко рассуждать: «Упу-

стили. Не довели до конца. Не уберегли парня». А Ключеву-то каково было? И в конце концов КГБ не исправительно-трудовая колония, не интернат для трудно воспитуемых. И обстоятельства тяжко сложились. Бутов не уверен, что сумел бы сладить с этими обстоятельствами, окажись он на месте Ключева.

...Сигнал тревоги подала Анна Михайловна Семенова, преподавательница английского языка одного из московских вузов. Сумбурное ее письмо в КГБ — видимо, писалось оно под свежим впечатлением услышанного от сына — сводилось в конечном счете к немудрящей истории.

«Сегодня вечером Толик, мой сын, сказал мне, что есть возможность легко решить проблему дубленки, о которой он мечтает целый год. Я спросила: «Каким образом?» Он ответил, что у его приятеля Сергея есть знакомый, который по сходной цене продает доллары, а на них уж запросто можно купить в соответствующем магазине дубленку. Я тут же накинулась на сына: «Ты с ума сошел, как можно даже думать о такой операции?» Он снисходительно усмехнулся и сказал: «Мамочка, не я первый и не я последний его клиент». Я потребовала от Толика немедленно прекратить всякие связи с этой дурной компанией и припугнула, на ходу выдумав историю с покупкой долларов, печально закончившуюся для ее участников. Потом я стала расспрашивать про молодого человека, предлагающего доллары. Старалась говорить как можно спокойнее, не дергать сына, старалась убедить его в том, что он шагнул на опасную дорожку, напомнила об умершем отце, кристально честном коммунисте, не признававшем никаких компромиссов с совестью. Но сын дерзко огрызнулся: «Предать друзей постыдно. Так говорил и отец. Считаю, что у нас не было никакого разговора». И не пожелал далее объясняться. Со мной началась истерика. «Хорошо, я согласна, не буду расспрашивать тебя,— кричала я.— Но дай слово, поклянись памятью отца, что ты никогда и помышлять не станешь о каких-то долларовых операциях?» Он буркнул: «Это я могу... Клянусь!.. Да и какие могут быть операции, когда у меня нет эквивалента». И ушел из дому. Я пишу эти строки, оставшись одна со своими тревожными мыслями. В моей голове полный хаос. На душе невыразимая тяжесть и страх за сына. И за себя. Боже мой, что с нами будет?! Не стану скрывать перед вами — первое,

о чем я подумала: никому не рассказывать о разговоре с сыном. Но потом, после долгих размышлений, во имя любви к сыну я решила обратиться к вам. Не трогайте Толика, но удержите его от... Даже не знаю, от чего его надо удержать. Спасите Толика, но не трогайте его. Это все, что осталось у меня после смерти мужа. Как спасти и не трогать? Я не знаю. Вы лучше знаете».

Анатолия «не тронули». Выяснилось, что на вечеринку он попал случайно, с компанией Сергея не был связан. Но с самим Крымовым находился в отношениях дружеских. Однажды на улице, встретив парня в роскошной дубленке, Толя сказал Сергею: «Эх, мне бы такую! Деньги родительница даст. А вот как организовать?» «Организовать» и «купить» — для него эти слова были синонимами. Сергей тут же среагировал: «У меня сегодня народ соберется. Приходи. Познакомлю с одним. По части дубленок — дока. Да и не только дубленок. Зелененькими балуется». Но, увы, «дока» на вечеринку не пришел. Сергей — он уже изрядно «нагрузился» — стал успокаивать Толика: «Ты не расстраивайся, друг. Готовь эквивалент, а я сам тому деятелю вручу».

В КГБ Анатолию не сказали, что сигнал получен от матери. «Пришло письмо от одного из участников вечеринки». Беседа была долгой. Парень понял — что к чему, куда катился. Вопрос о Толике был снят.

С Сергеем все оказалось куда сложнее — этот, кажется, шагнул уже далеко ватно...

Вызванный в КГБ, студент Сергей Крымов поначалу держал себя довольно уверенно, даже несколько дерзко. Отвечал на вопросы односложно: «да», «нет», «не помню», «не знаю». Или же молча пожимал плечами — дескать, понятия не имею. Упрямство он выдавал за характер, и Клюев терпеливо искал тот самый заветный ключик, что помогает чекисту, как педагогу, проникнуть в душу человека, в мир его противоборствующих чувств, мыслей. Но увы, «ключик», словно призрак: мелькнет и исчезнет. И тогда Клюев повел разговор жестко.

— Вы представляете, чем это все может кончиться для вас? Ведь мы пока еще только просим вас быть откровенным с нами. Подчеркиваю — просим. Но есть рубеж, за которым просьбам наступает конец...

Сергей ухмыльнулся и, не глядя на Клюева, сказал:

— На лекции по истории партии нас знакомили с решениями о ликвидации последствий культа личности.

Я полагаю, что эти решения еще никто не отменял...

— Так же, как никто не отменял уголовный кодекс. Пусть это запомнит молодой человек, не очень глубоко разбирающийся в существе решений партии.

Клюев сказал это спокойно, чеканя каждое слово.

— Вы поняли смысл сказанного мною?

Сергей молчал.

— Вы не хотите отвечать? Или вам не все ясно? Ну, что же, не будем спешить. Дадим время на раздумья. Вам придется задержаться здесь...

И Сергея Крымова увели в камеру.

На следующий день в КГБ явился Вячеслав Владимирович Синицын, профессор, доктор технических наук, руководитель большого отдела одного из институтов электронной промышленности.

— Мне сказали, что вами арестован мой племянник, студент Сергей Крымов.

— Это не совсем так,— ответил Клюев.— Будем более точны. Закон есть закон. Мы вынуждены были задержать Сергея Крымова с санкции прокурора. Однако я надеюсь, что сегодня или завтра он вернется домой. Если вы поможете нам...

Бутов внимательно читает запись беседы Клюева с Вячеславом Владимировичем Синицыным. Человек в летах, он, однако, по долгу службы часто выезжал на специальные объекты. И тогда дома оставался племянник, в чье распоряжение, почти бесконтрольно, поступали не только квартира, но и дядюшкины деньги — они лежали в секрете, и счет им в этом доме не вели.

Синицын одинок, жена умерла лет десять назад. Сергей — сын старшего, горячо любимого брата — был взят из интерната, когда еще тетушка здравствовала. Она и настояла на том. Брат — кадровый военный — погиб на Карельском перешейке зимой сорокового. Вскоре умерла и мать. Четырехлетнего Сергея забрала бабушка, жившая в глухой белорусской деревне. Там и застала их война с гитлеровцами. Оглянуться не успели, как пришли гитлеровцы. А через месяц кто-то донес, что деревня эта — опорная база партизан.

Каратели вывели всех жителей на опушку леса, построили в шеренгу — и застрочили автоматы. Бабушка прижала внучонка к своим ногам, и та пуля, что сразила ее наповал, просвистела над головой мальчика. Упали они на землю вместе — бабушка мертвая, а внук живой.

Живой, но искалеченный: дергается, испуганно смотрит на всех, заикается, плачет. А потом начались приступы — нечто вроде эпилепсии. Дядя с трудом разыскал племянника и забрал его из детского дома, где он был записан Крымовым, — говорили, что это фамилия женщины, которая поначалу приютила мальчика. Так и остался он Крымовым.

Синицын увез Сергея в Москву и поднял на ноги чуть ли не всю медицину. С приступами и заиканием было покончено начисто, но нервишки остались никудышными. И в школу он пошел года на три позже обычного, что послужило причиной больших душевных переживаний мальчика. Но в общем-то все обошлось с минимальными потерями.

В школе Сергей учился хорошо. Был редактором стенгазеты, в которой частенько публиковал свои стихи. Увлекался автоделом и в десятом классе получил любительские права. Приняли его в комсомол, стал активным общественником. С детства был он парнем компанейским. Еще в школу не пошел, а уже появился у него закадычный друг — Владик. Дружба эта была пронесена через все школьные годы, хотя, по уже упомянутым причинам, учились они в разных классах.

О Владике дядя рассказывал Ключеву нехотя, не очень одобрительно. А вот об Игоре Крутове — горячо и даже чуть-чуть восторженно. В школе он стал лучшим другом Сергея. Комсорг, отличный парень, умница, настоящий товарищ.

— Вы простите за некоторые подробности, — извинился Синицын. — Но мне кажется, что они проливают, так сказать, свет...

— Пожалуйста... Говорите все, что считаете нужным...

— Так вот-с... Появляется на сцене девушка. Зося. Писаная красавица. Она была старше Игоря. Он школу кончал, а она уже студентка. Я все о них знал. Нет, не от Сергея. Племянник не любил рассказывать о школьных делах. Игорь с Зосей исповедовались. Как на духу... Не знаю, чем был обязан. Так вот-с, слушаю я душеизлияния Игоря и деликатно напоминаю ему: «Сейчас, братец, не до амуров. Экзамены в вуз — дело не шуточное...» Однако не послушался меня. И провалил. А Сергей поступил. На экономический. Сперва в МГУ на журналистский факультет экзамен держал. Одного очка не добрал. Он очень переживал — у него, кажется, действи-

тельно есть склонность к журналистике... А Игорь не унывал: «Эка беда. После армии снова экзамены держать буду». Провожать Игоря в армию молодежь собралась у нас. Выпили... Игорь подсел ко мне и говорит: «Я, дядя Слава, догоню их... Обязательно догоню. Армия, это, знаете, какая школа — во! Демобилизуюсь и — в вуз. Только раньше женюсь. Будешь ждать меня, Зосенька?»

Зося покраснела, потупила зеленые глазки и, ни слова не говоря, ласково провела рукой по волосам Игоря. Было уже за полночь, когда молодежь разошлась по домам. Сережа пошел провожать Крутова. Вернулся он домой хмурый, и тогда у меня с ним был первый трудный разговор, первую, как говорят металлурги, коррозию заметил я — озлобление и скепсис.

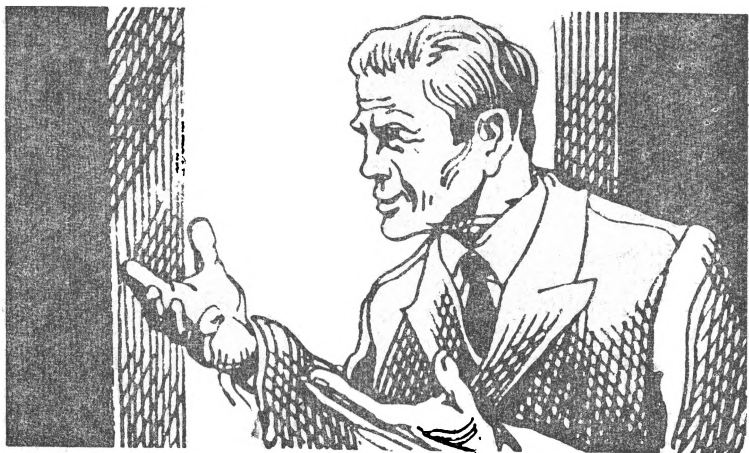
...Вернувшись домой, Сергей зашел к дяде в кабинет. Синицын не спал, ждал племянника. Хотелось поговорить. Дяде очень нравился Игорь и не очень — Зося. Но племянник слушал рассеянно. Ему самому, видимо, нужно было что-то сказать. Он начал издали. «В наш суровый век такие, как Игорь, или вовсе пропадут, или будут прозябать. Караси-идеалисты всегда гибнут. А уж нынче и подавно». Дядя вначале не понял, к чему это. Но вскоре Сергей стал изъясняться более конкретно. Оказывается, отец предложил Игорю вариант, освобождающий его от призыва на действительную службу в армии. Завтра же он определит его к приятелю в специальное КБ, работники которого получают броню. А через месяц, если Игорю не понравится работа, он может уйти и заняться подготовкой в вуз. Сын вместо того, чтобы поблагодарить отца, гневно обрушился на него: «Как же тебе могла прийти такая дикая мысль, папа? Неужели ты воображаешь, что я пойду на сделку со своей совестью». Отец ответил ему коротко: «Ну и дурак...» И больше разговаривать с сыном не стал.

«А ведь он действительно глупец и фанфарон, — возмущался Сергей. — Армия, говорит, это тоже вуз... Ну, что ты скажешь, дядя?» Сергей ждал поддержки, но Синицын угрюмо молчал. Потом спросил: «А ты, как бы ты поступил?» Сергей усмехнулся и, не задумываясь, ответил: «Меня бы такой вариант устроил». И был немало удивлен, когда дядя насутился и тихо сказал: «Жаль... Не ожидал от тебя такого... Отец твой придерживался иных принципов».

Объяснение у них было бурное. И дяде показалось, что он сумел переубедить племянника: по жизни шагать надо так, как шагает Крутов! Увы, он поздно понял: племянник просто смолчал тогда, не считая нужным спорить еще с одним «карасем-идеалистом».

...Это случилось осенью. Синицын, находясь в командировке, занемог. В самый разгар испытания новой аппаратуры пришлось покинуть комбинат. В Москву при-

летел вечером. Часов в одиннадцать он переступил порог своей квартиры и ахнул — пьяная оргия. Никто не услышал, как Вячеслав Владимирович открыл дверь, снял плащ в передней, поставил чемодан. Безмолвно постоял в прихожей, прислушиваясь к тому, что происходит в большой комнате. Полуобнаженная девица, вскарабкавшись на стол, держала в руках бокал с вином и пела дрянным визгливым голосом.

Гости кричали: «Браво, детка!», «Браво, Ксана!» — и скандировали: «Лей вино, лей вино!» Потом слышались голоса двух спорящих о чем-то молодых людей, и Вячеславу Владимировичу показалось, что один из них, долговязый, не очень уверенно изъяснялся по-русски. Он что-то витиевато говорил о власти технократии и извечной силе частной инициативы. И о том, что в прочно сложившемся обществе застрельщиком перемен ныне бывает молодежь, что в наши дни студенты во всем мире считают себя ответственными за будущее, жаждут бурной деятельности, занимая при этом позицию «анти»: они — антифашисты, антиимпериалисты и антикоммунисты... И тут же рассказывал о какой-то студенческой лиге в Америке, объявившей себя «Третьим мировым фронтом освобождения».

Синицын, человек образованный, разбиравшийся в тонкостях ловко закамуфлированных теорий антиком-

мунистов, сразу понял, что рассуждения о студентах — «застрельщиках перемен» — только присказка, а сказка будет впереди. Вячеслав Владимирович поначалу хотел тут же, при всех устроить племяннику «банку», но совладал с собой и, войдя в столовую, громко — шум стоял страшный — объявил:

— Я попросил бы молодых людей немедленно удалиться из квартиры, хозяином которой является ваш почкорный слуга.

И показал рукой на дверь...

С племянником он разговаривать не стал, лишь на ходу бросил:

— Протрезвись, проспись... Тогда и объяснимся.

Объяснение состоялось на следующий день. Сергей ершился, отбрыкивался, дерзил, говорил, что он уже вырос из коротких штанишек и волен встречаться с кем хочет, что ему противна сама мысль о подчинении его «я» каким-то условностям, законам общества, в котором подавляется воля индивидуума. Вячеслав Владимирович резко прервал Сергея и спросил:

— Кто тот молодой человек, чью речь о власти технократии я имел удовольствие слушать?

— Слушать или подслушивать? — спросил племянник.

Синицын ответил племяннику звонкой оплеухой.

— Сопляк! Я бы отдал десять лет своей жизни, чтобы не слышать и не видеть все то, что я слышал и видел вчера вечером... Я снова спрашиваю тебя — кто этот молодой человек?

— Аспирант. Занимается в аспирантуре университета...

— Дальше, дальше. Кто он? Откуда? Что у вас общего?

— Он иностранец. Его зовут Дюк. Учится в Московском университете в порядке культурного обмена. На законном основании... Ты против моих встреч с иностранным студентом, так, что ли?

— Или ты прикидываешься дурачком, или ты действительно глупец? Я знаком со многими иностранными специалистами, отношения у меня с ними добрые и деловые. Но этот твой знакомый, мягко выражаясь, скользкий тип... Я слышал, как он разглагольствовал. И потом вся эта гнусная обстановка.

Вячеслав Владимирович поднялся с кресла и, зало-

жив руки за спину, зашагал по комнате. Наконец он подошел к Сергею и сказал:

— Ты, вероятно, не очень четко представляешь, в какой мере совместимы твои странные знакомства, твой образ жизни с моим образом жизни. Наконец, характер моей работы. Тебе наплевать на всех и все. Ты был и остался эгоцентриком. До мозга костей. Ваше «я», извольте ли видеть, угнетается. Так вот что, Сергей. Святой долг перед памятью погибшего брата обязывает меня продолжать терпеть твое присутствие в своем доме... Пока ты не встанешь на ноги. Но я категорически запрещаю приводить сюда кого бы то ни было. Тебе ясно? И если еще раз... Я вышвырну на улицу тебя вместе с твоими нечистоплотными друзьями обоего пола.

Вячеслав Владимирович хотел тогда многое сказать племяннику, но сказать не смог, он задыхался, ему не хватало воздуха, на лбу выступили капли холодного пота. Он едва добрался до постели и, обессиленный, рухнул. Через час его отвезли в больницу с тяжелым приступом стенокардии.

КТО ОНИ?

Сергей получил разрешение каждый день бывать у Сеницына и после занятий мчался в больницу. Поначалу племянник молча часами сидел у постели дяди и смотрел на его бледное лицо. Только через две недели Сергей решился сказать, что все понял, он виноват. Сеницын положил исхудавшую руку на колено племянника, улыбнулся:

— Не надо, Сережа, об этом. Подвели черту. Позади осталось... Вот и хорошо.

Он не знал тогда, что пройдет время и опять у Сергея не хватит сил воспротивиться тем, кто станет нашептывать: «Старик, плюнь! Предки, они все такие. Давай тряхнем, как бывало... Надо уметь жить... Дюк вернулся с каникул и привез виски».

Сергей не выдержал натиска дружков. Собственно, даже не столько дружков, сколько Дюка. Однажды в присутствии Ксаны, той самой девушки, что на вечеринке лихо отплясывала на столе, иностранец повел разговор об «инобоязни» русских.

— О, это всемирно известная русская бдительность. Мой дорогой друг Сергей уже боится приглашать меня

домой. Ему, бедному, здорово попало от дядюшки. Это же так страшно — иностранец на квартире советского инженера. А вдруг этот иностранец — разведчик...

Дюк вместе с Ксаной весело смеялись, подтрунивая над Сергеем. И он дрогнул. Будь дядя в Москве, все, возможно, сложилось бы по-другому. Но Сеницын улетел в Вену, на симпозиум, и Сергей решил, что один раз — единственный и последний — можно согрешить. Никто и знать не будет. Племянник не подозревал, что дядя, выйдя из больницы, имел разговор со своим старым другом пенсионером Кругловым — они соседи, на одной лестничной площадке живут. Сеницын рассказал ему о своих тревогах и попросил присмотреть за племянником.

В среду Сеницын улетел в Вену, а в субботу Круглов, возвращаясь поздно вечером домой, услышал доносившийся из сеницынской квартиры — дверь была распахнута настежь — визг пьяных девиц и чей-то надрывный голос: «Я подымаю свой бокал...» На лестничной площадке, спиной к Круглову, стояли двое пошатывающихся молодых людей. Один из них, долговязый, говорил с иностранным акцентом. То ли оба были сильно пьяны, то ли увлеклись беседой, но на Круглова они не обратили внимания. И он услышал, как долговязый отчитывал собеседника: «Так не поступают джентльмены. Владик, вы обещали принести сегодня рукопись. Где она? Я, кажется, поспешил отблагодарить вас...»

Вернувшись из Вены, Сеницын на следующий день заглянул к Круглову. Сосед, не желая расстраивать друга, пытался перевести разговор на шуточный лад: дескать, молодо-зелено, дескать, сами мы в молодости грешили и нет ничего зазорного, если и собралась студенческая компания. Но Сеницын сразу уловил — Круглов чего-то не договаривает.

— Ты не хитри. Рассказывай все, как было.

...Сергей вернулся домой поздно вечером. Обнял дядю и торжественно протянул ему газету — там был опубликован репортаж, подписанный студентом С. Крымовым. Это уже не первая проба пера. Но дядя даже не взглянул на газету, резко отбросил ее в сторону и сухо объявил:

— Все, что происходило здесь в субботу, мне известно. Объясняться не желаю. Могу лишь сообщить другому племяннику, что в течение трех месяцев он

должен перебраться в общежитие. Ежемесячно ты будешь получать от меня сумму, равную повышенной стипендии. И ни копейки больше.

Все это произошло месяцев восемь назад. Места в общежитии Сергею не дали: он не стал рассказывать декану всю правду, а выдумал нелепую байку о капризном дяде. Синицын же после некоторого раздумья разрешил все же племяннику оставаться в его квартире. Но что касается денег, характер выдержал.

Однако строгая денежная репрессия должных результатов не дала. Неизвестно откуда, но помимо «повышенной стипендии» у Сергея появились шальные деньги. И как прежде бывали, правда теперь уже не столь многочисленные и шумные, вечеринки, о которых даже сосед ничего не знал.

Синицын же по-прежнему был в разъездах...

— Вот финал. Я сижу здесь, перед вами, а Сергей арестован органами государственной безопасности... Племянник, приемный сын коммуниста...

— Простите, Вячеслав Владимирович, но я вновь вынужден напомнить вам, что ваш племянник не арестован. Это не казуистика... Думаю, что он вернется домой. И все, что вы рассказали нам, будет в немалой мере способствовать тому.

...Теперь беседа с Сергеем проходила в присутствии Синицына. Ключев знает о Сергее и о его друзьях уже несколько больше, чем дядя. Известно, что в кругу студентов он выглядел таким бонвиваном: одет всегда ультрамодно, любит щегольнуть «информированностью», всегда при деньгах и полон готовности кутнуть. Друзей у него много, но студентов среди них мало. Кто они, эти друзья, чем занимаются, где работают — однокашникам Сергея неизвестно. Крымов не очень разборчив в своих связях, да и связи эти странные. Владик? Что их связывает? Говорят, друзья детства. Подружился с аспирантом МГУ, иностранцем Дюком. Товарищи из Сережиной группы как-то спросили у Крымова: «Где ты с ним познакомился?» Сергей неопределенно ответил: «Мир тесен...» В КГБ, в другом отделе, Дюком интересовались в связи с кое-какими валютными операциями. Есть основание полагать, что аспирант не столько занят обогащением духовным, сколь материальным: спекулирует долларами. Письмо матери Толика — еще одно тому подтверждение. Видимо, именно его имел в виду Сергей, ког-

да говорил Толику о человеке, который «по части дубленок дока...»

Сергей, как утверждают ребята из его группы, «втрескался по уши» в Ирину Рубину. И, кажется, не без взаимности. Она старше его и уже готовится к защите диплома.

В Серезжиной компании Ирина выглядит белой вороной: серьезная, вдумчивая, активная общественница. Сплетничают об этой паре разное. Говорят, что Ирина безуспешно пытается оторвать Сергея от его дружков. Староста группы, Петя Кудрявцев, однажды случайно оказался свидетелем их бурного объяснения. Ирина возмущалась дружбой Сергея с Дюком и Владиком. «Ради бога, прошу тебя, избавь меня от их общества. Я могу, если это тебе так хочется и так необходимо, воспринимать их лишь в микродозах».

...Что скажет сейчас Сергей, после того как побывал в камере? Рядом — Синицын. Ключев дал понять, что, если потребуется, вызовут и Ирину Рубину. Сергей встрепенулся, заерзал на стуле.

— Зачем? Она не имеет никакого отношения...

— А нам кажется, что имеет... Так как — вызвать?

— Не надо. Я очень прошу. Не надо!

— Вы хотите сохранить за собой право смотреть этой девушке прямо в глаза?

— Да...

— Тогда наберитесь мужества и говорите все... До конца...

Сергей рассказал всю правду. Правда оказалась страшнее, чем это можно было предполагать. Дюк, узнав, что дядя лишил племянника возможности тратить деньги без счета, как-то после нескольких рюмок коньяку доверительно сказал Сергею:

— Я имею честь сделать вам, Серж, заманчивое предложение. Вы имеете прекрасное хобби — журналистика... Я уполномочен одним английским прогрессивным журналом платить вам тридцать долларов за репортаж для этого очень интересного издания. Во время каникул вы поедете за счет журнала чудесным маршрутом: Москва — Одесса — Батуми... Три недели будете путешествовать. Одну неделю будете писать отчет. Простите, репортаж. Вы даете вашу работу мне, и я буду платить вам наличными тридцать долларов... Если Серж согласен, мы будем уточнять объекты. И наш договор: двести совет-

ских рублей, как говорят русские, командировочные. Без отчета. И двадцать долларов — аванс. Еще десять долларов: при сдаче репортажа...

Серж «прозрел» слишком поздно, когда уже вернулся из вояжа. Впрочем, не так уж поздно. Он сказал Дюку, что репортаж написать не сможет. Ничего интересного, кроме красот Черноморья. Дюк рассвирепел, сказал, что не ожидал от интеллигентного человека такого трюка, как он выразился. Иностранец пытался выспросить у Сергея, что тот видел, с кем встречался, попытался даже припугнуть. Но Крымов действительно ничего не мог написать, кроме того, что имеется во всех путеводителях по Черноморскому побережью. Иностранцу не хотелось верить, что Сергей догадался об истинной подоплеке «репортажа». Дюк тешил себя мыслью, что юноша увлекся какой-нибудь красавицей и прокутил с ней все деньги. Дюк не знал, что в жизни его «друга» появилась Ирина, что в ее доме Сергея не очень жалуют, что он тщательно припрятал все деньги в надежде щегольнуть перед Ирининым отчимом.

Ирине о всех своих переговорах с Дюком Сергей ничего не сказал, а поездку в Батуми объяснил так: каникулы плюс небольшое задание редакции одного журнала, где его уже давно приветили. А теперь она все узнает.

— Для меня это самое тяжелое наказание. Поверьте... Я многое передумал...

Да, он многое передумал, и раздумья эти чем-то напоминали горькое похмелье.

До последнего времени Сергей считал, что живет полнокровной, интересной жизнью. И, когда, при первой беседе с Ключевым, тот спросил его: «Вы-то сами довольны такой жизнью?» — ответил: «Да, конечно...» И был уверен, что это действительно так. Ключев сказал ему тогда: «Поймите, это только видимость жизни...» Теперь, вспоминая тот разговор, он впервые задумался над глубоким смыслом его слов: «Видимость жизни...»

Кто они, эти парни и девушки, окружавшие Сергея? Кто они — с виду интеллигентные, образованные, с претензией на высокие духовные запросы? Мыльные пузыри, подонки из того особого мира, в котором принято считать, что деньги всесильны: за деньги можно купить все — дублинку, золото, машину, диплом инженера, красивую девушку и красивую сладкую жизнь... И душу человека... И будто стоит сейчас перед Сергеем «златокуд-

рый» Саша Аветисов, валютчик, гастролировавший по Закавказью. Из гастролей он возвращался с пятью-шестью тысячами рублей, приглашал всю компанию в «Арагви» и поражал девочек тем, что посылал на чужой столик малознакомым людям коньяк, шампанское и фрукты... «Вот это да! Вот это дает гастроль!» — вздыхали ошеломленные девочки.

И Сергей старался перещеголять этого хлыща. За дядюшкин, конечно, счет... Среди вздыхающих была красавица Ксана, девушка, которая могла стать архитектором, а стала... продавщицей с черного рынка. У нее дух захватывало, когда она у Дюка выторговывала «зелененькие». У нее слюнки текли, когда валютчик Саша шептал ей: «Фирмы много», — значит, к берегу прибыло много иностранцев и надо спешить дело делать... Ее любовник Давид Круглянский, синеглазый молодой человек неопределенных занятий с внешностью холеного барина, специализировался на спекуляции заграничными джазовыми пластинками. Давид хорошо разбирался в тонкостях этого бизнеса, была у него тут своя клиентура.

Среди клиентов попадались ошалевшие от сионистской пропаганды люди, платившие до пятисот рублей за пластинку с записью молитв главного кантора американской синагоги. «Поет так, что за душу хватает... Знаменит на всех континентах», — расхваливал свой товар Давид Круглянский. И пластинки эти не задерживались: с одной стороны пластинки — секс-джаз, с другой — «Песнь песней» в исполнении главного кантора... А вместе с пластинкой продавалась шестиугольная звезда, позолоченная, с клеймом, свидетельствующим, что сделано в Израиле...

И Сергей хватается за голову: «Бог ты мой, как я низко пал! И почему я не послушался Бориса?» Борис был однокурсником Сергея. Валютчик Саша почтительно говорил о нем: «Далеко пойдет... Головастый...» И тут же пытал Сергея: «Не продаст?» И сам отвечал: «Не выйдет... Увяз». Для Сергея история Бориса осталась загадкой — как случилось, что он вырвался из этого омута? Кто его вытянул, кто открыл ему глаза, в каком «вытрезвителе» пришел в себя? Но теперь это уже не столь важно. Для него, Сергея, важно другое — почему он сам не вырвался, почему не поверил Борису в тот вечер, когда они сидели вдвоем в кафе и один на один вели нелицеприятный разговор? Борис выложил ему начистоту все, что думал о себе и о нем, и о Саше Аветисове, и о красавице Ксане,

и о Давиде Круглянском, и о долговязом Дюке, и даже о Владике, который оставался все время в тени и к их компании вроде не был причастен. Борис сказал о нем: «Теневой кабинет... Все видит, все знает, всем управляет». Сергей и сейчас не хочет так думать о Владике. «Он-то при чем?» Но это так, между прочим. Сергей снова вспоминает Бориса: «Опомнись, Сергей. Ты же отличный парень. Умница. Поверь, глаза дружбы редко ошибаются. Это, кажется, старик Вольтер говорил... Поверь другу... Давай забудем все и сожжем все корабли. Согласен?» Сергей тогда уклончиво ответил: «Хорошо. — И негромко, почти шепотом добавил: — Надо подумать».

Он слишком долго «думал». И вот расплата... Самое тяжкое ждет его там, вне стен камеры, когда придется держать ответ перед людьми, перед Ириной.

Клюев поверил в искренность юноши. Его отпустили домой. На улице Сергей увидел поджидавшего его Синицына. Крымов не выдержал и расплакался...

Два дня Сергей не показывался никому на глаза. Никого не хотел видеть, кроме Ирины. А с ней встречаться страшно. Поймет ли?

...Они встретились на Фрунзенской набережной. Объяснение было трудным. Собственно, это была горькая исповедь человека, который, прожив более двадцати лет, так и не понял, что счастье жизни заключается совсем не в том, чтобы пройти по ней бездумным гулякой. Он говорил тихо и горестно качал головой. А она молчала. И это было невыносимо. Лучше бы она накричала на него, обругала, оскорбила. Тогда ему было бы легче. А она молчит. Молчит и думает. О чем? Не о том ли вечере, когда Сергей рискнул пригласить ее в ресторан, где его ждали Саша, Надя, Давид, Ксана, Дюк и Владик? За весь вечер Ирина не проронила ни слова и лишь испуганно впивалась глазами то в Ксану, то в Дюка, то в Сергея. И резко обозначились складки у губ. Только у самого дома Ирина сказала: «Мне хочется скорее принять душ... Смыть все это... А тебе?» Сергей тогда ничего не ответил, он понял, что хочет смыть Ирина. Ее вдруг прорвало: «Я за самую богатую палитру чувств, за все, что творит настоящая любовь. Но я презираю все те чувства, что разбужены жаждой денег. Это гадкие чувства. Я думала об этом, когда мы сидели в ресторане... Они страшнее болота... Засасывают... И я боюсь за тебя, Сергей».

Он попытался тогда отшутиться. Но из этого ничего

не вышло. Ирина ушла грустная и обескураженная. У него не хватило силы воли порвать с друзьями — через неделю снова состоялось шумное застолье с его участием. Но без Ирины. Так он жил двойной жизнью. Ирина — это светлый мир прекрасных чувств и мыслей. А вся эта братия... Нет, он так и не смог от нее оторваться, хотя раз-зум его протестовал.

Теперь Сергей понимал — то был своеобразный наркотик. Здесь, на набережной, он честно сказал об этом Ирине. Минуты две они стояли, не глядя друг на друга, словно боясь прочесть в глазах что-то еще недосказанное и куда более страшное, чем то, что уже было сказано.

— А теперь ты все понял?.. Надолго ли? — И, не дожидаясь ответа, Ирина продолжала: — Я биолог и хочу тебе напомнить, что жизнь наша ошеломляюще быстро-течна. Надо многое успеть сделать. Пока ты еще ничего не успел. Смотри, не опоздай...

— Ириночка, не казни. Я...

Сергей протянул к ней руки, но она отпрянула. Резко повернулась и, не попрощавшись, застучала каблучками по асфальту. Сергей долго смотрел ей вслед.

А «казнь» была еще впереди. Курсовое собрание студентов. Гневные слова однокурсников хлестали наотмашь, больно, без оглядки, без снисхождения. Ни одного слова в защиту, в оправдание. «Ты живой труп, Сергей». Говорили о нем и о его так называемых друзьях: «Объединение дурных людей — это не товарищество, это объединение сообщников по дурным делам». Осуждая Сергея, осуждали себя: «Одни из нас были равнодушными, другие не решались сказать правду».

Сергей, мертвенно бледный, стоял в углу большого зала и слушал. Слушал и думал: все ли он сказал в те двадцать трудных минут, когда держал ответ перед товарищами? Он говорил без запинки, но речь его оборвалась неожиданно. Сергей хотел что-то обдумать и снова продолжить. Но в это мгновение председательствующий спросил: «Это все?» И Крымов машинально ответил: «Да, мне больше нечего сказать». Сердце глухо стучало. Ему хотелось крикнуть: «Перестаньте! Довольно! Нельзя же бить лежачего». Но он понимал, что не имеет права даже на такое снисхождение. Сергей боялся оглянуться, боялся поднять глаза: вдруг и Ирина среди судей — она могла прийти. И еще с одним парнем он не хотел бы встретиться взглядом, с Борисом. Где он, комсорг их группы? По-

чему молчит, почему не рассказывает про тот их разговор, когда он призывал его «сжечь корабли». Крымов со страхом ждал, когда же наконец попросит слова Борис. Но Борис не выступил. Только бросил реплику распалившемуся в гневной речи комсоргу курса: «Теперь мы все умными стали...»

В один и тот же день Сергея исключили из комсомола и из института. Вечером ему позвонил Владик:

— Старик, не вешай нос на квинту. Ты попал в вагон для некурящих. Это бывает. А Дюк твой изрядный прохиндей. И дурак. Древние говорили — не следует заводить глупого друга. Но я помогу. Давай завтра встретимся...

Сергей ответил коротко:

— Не хочу. Не надо...

И повесил трубку. Он ждал звонка Ирины. Она уже все знала. Но телефон молчал. Тогда Сергей позвонил сам.

— Алло!

— Здравствуй, Ириночка...

И все. Больше он ничего не мог произнести. Он не нашел тех слов, которые хотел, которые нужно было сказать ей. Молча, с телефонной трубкой, прижатой к уху, Сергей простоял несколько минут, пока не слышались частые гудки. Все! Теперь он остался один. Даже дяди нет дома — в длительной командировке. Вот разве только Владик... О нем у Сергея сложилось туманное и несколько противоречивое представление. В общем-то он ведь не виноват, что Дюк оказался подонком... И что вся эта шушера налетела в хлебосольный дом его дядюшки, как комары в летний вечер налетают на свет электролампы. И что сам он оказался падким на «легкую» и «сладкую» жизнь. Тем не менее сейчас Сергей не желал видеть Владика!

Дядя неожиданно для племянника приехал на третий день после исключения Крымова из комсомола. Приехал значительно раньше срока, известного Сергею.

— А я тебя ждал только через месяц...

— И что же... Огорчен? Недоволен?

Сергей ничего не ответил, молча обнял дядю, похлопал его по широкой спине и убежал в другую комнату. К горлу подкатил непрошенный комок...

Через месяц Сергей сдал экзамены и стал шофером-профессионалом — ему, автолюбителю со школьной

скамьи, это было нетрудно. И сразу был принят на работу в таксомоторный парк.

С первой полочки Сергей принес дяде подарок — кожаные перчатки: Вячеслав Владимирович был дома. С тех пор как он досрочно вернулся из командировки, Синицын больше никуда не уезжал. И в тот вечер они вдвоем, за отлично сервированным столом — тут уж дядя постарался! — отметили начало трудовой жизни Сергея Крымова. В разгар пиршества раздался телефонный звонок. Звонил Ключев. Поздравлял Сергея с первой полочкой.

— Хотел нагрянуть к вам в гости. Да вот какая-то хворь одолела... Успеха тебе, Сережа... Ты позванивай. Может, днями и увидимся.

Сергей был растроган, благодарил и сказал, что непременно будет звонить Ключеву. Он и не подозревал тогда, сколь причастен был этот человек и к тому, что дядя досрочно вернулся из командировки и вот уже сколько времени, против обыкновения, никуда не уезжает; и к тому, что так быстро, сразу же после курсов, на которые он и поступил-то по совету Ключева, определился в таксомоторный парк. И уж, конечно, неведомо было ему тогда — Сергей узнал об этом позже, — что Ключев имел долгий разговор с секретарем парторганизации факультета, и что был вызван к секретарю Борис, и что получил он, комсорг группы, ответственное поручение — установить и поддерживать контакт с Сергеем: «Ты в ответе за этого парня». Придет время, Сергей узнает и о встрече Ключева с Ириной. Поначалу чекиста огорчила эта девушка, очень даже огорчила. В сердцах он честил ее, называл «бессердечной вертушкой», а потом, как человек рассудительный, понял: «Чего, собственно, требовать от нее?» Она ему, Ключеву, честно сказала: «Не могу прийти в себя. Сергей мне дорог. Но я не хочу его сейчас видеть. Не надо насильно... Пусть пройдет время».

Но судьбе не угодно было отпустить этой девушке времени, достаточного для проверки чувств.

КЛУБОК

Это произошло поздним августовским вечером на загородном шоссе. Сергей возвращался в Москву. Невесело таксисту отвезти пассажира за город и обратно гнать машину порожняком. А что делать? Сергей, в отличие от не-

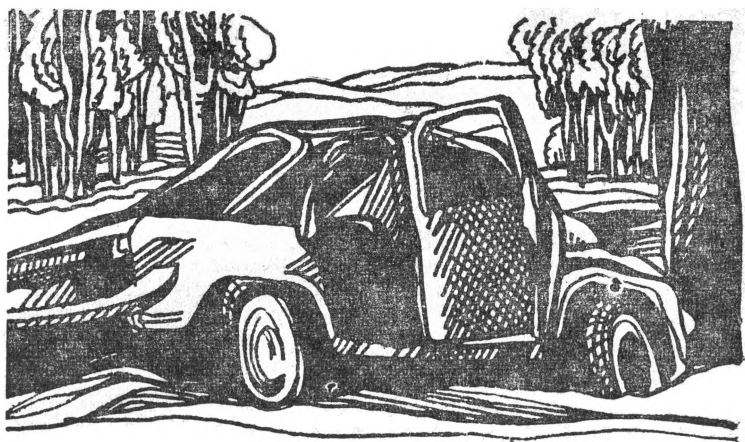
которых своих коллег, никогда не позволял себе отказать пассажиру, желающему ехать за город, никогда не придумывал легенд о «лысой» резине или о необходимости вернуться в парк. Не мог такого позволить себе редактор стенгазеты таксомоторного парка, запевала рейдов «Комсомольского прожектора».

Ему нравилась и новая работа, и новый образ жизни. Все у него складно получалось. Машина в образцовом порядке. План перевыполняет. В комсомоле восстановили. Как это ни странно — инициатором оказалась группа тех самых комсомольцев, которые исключали его. И первая скрипка тут — Борис. Он пришел к нему домой, когда Сергей еще учился на курсах. Гость держался так, будто ничего и не произошло. Ни словом не обмолвился о прошлом. Были и остались друзьями. Один раз даже пытался вытащить друга на студенческий вечер, но Сергей не пошел. Стыдно...

О прошлом ему напоминал разве только Владик. Он настойчиво навязывал свою дружбу, и Сергей не склонен был отказываться от нее. Встречались они, правда, не часто, главным образом у Сергея. И встречи их были уже не те, что прежде. Да и Владик стал не тот: притих, прismsирел. Правда, дядя скептически оценивал эту перемену. «Не притих он, а притаился. До лучших времен». И откровенно говорил об этом племяннику. А тот только острил по поводу дядиной сверхподозрительности.

Так в тот вечерний час, раздумывая о событиях последних месяцев, гнал таксист свою «Волгу». Лишь изредка со свистом пронесется навстречу грузовик. И снова тихо. Дорога прямая, асфальт сухой. Никаких знаков ограничения скорости, и стрелка спидометра трепещет на цифрах 90—100. Благо, впереди, по крайней мере в пределах стометровой видимости, никакого транспорта. И вдруг...

Это страшное в жизни автомобилистов «вдруг», за которым следуют искромсанные жизни. Метрах в пятидесяти слева из-за газонов выскочил на дорогу человек. Реакция мгновенна: пронзительный сигнал, и рука резко выворачивает руль. Машина едва не перевернулась, оторвавшись парой колес от земли. А человек с трудом держался на ногах, и пошатываясь, невозмутимо продолжал топтать к обочине. Между пьяным и газоном образовался узкий коридор, но достаточный для того, чтобы проскочила «Волга». И Сергей, резко затормозив, прижал такси к газону и проскользнул мимо пешехода. Лишь

чуть-чуть задел его. И скорее не от этого, а от испуга пьяный грохнулся на асфальт, изрядно покалечив лицо. Пешеход был спасен, а «Волга», «поцеловавшись» с дубом, влетела в кювет. Сергей вылез из машины и сразу даже не почувствовал кровавых ссадин на лице, боли от сильного удара в грудь. Сейчас шофер думал только об одном — сумеет ли доказать начальству, что человек, даже пьяный, дорожке машины, что в аварии он не виноват? И вдруг...

Второе «вдруг» за какие-нибудь пять минут — не слишком ли много? Но, увы, несчастья подобны камням, которые валяются с горы один вслед за другим.

Из-за газонов до Сергея донесся истошный девичий вопль: «Помогите! Спасите!» Это где-то совсем рядом. Сергей только на какую-то долю секунды задержал свой взгляд на покалеченной машине и ринулся на помощь.

Подвыпившие хулиганы не успели свершить свое гнусное дело. Девушка, обессилев в неравной борьбе с двумя верзилами, металась меж берез, а на земле лежал избитый до полусмерти хлипкий парнишка, бесстрашно заступившийся за подругу.

Сергей мгновенно оценил ситуацию — на помощь хлипкого парня рассчитывать не приходится, и есть у него, Крымова, только один выход: напугав хулиганов, не вступая с ними в драку, завлечь их на дорогу, чтобы дать

возможность девушке спастись бегством, позвать людей. А может, и милиция где-то поблизости? События развивались так, как было задумано, но когда хулиганы увидели корчившегося на асфальте пьяного человека — это был их товарищ, — увидели кровавые пятна на асфальте, покалеченную машину, они завопили: «Кольку таксист сбил». И, заняв позицию «необходимой обороны», с ножами ринулись на Сергея.

...Что было потом, Крымов не помнит — он пришел в себя уже в послеоперационной палате. И первыми словами, которые едва слышно произнес он, были слова, обращенные к девушке, сидевшей у его постели.

— Ириночка... Спасибо!

Он узнал ее. Это больше всего обрадовало медиков: все идет нормально! Нянечка с радостной вестью спустилась вниз, в вестибюль, где дежурили Синицын и Борис. Все идет нормально! Синицын помчался к автомату, чтобы позвонить домой больному Ключеву, обрадовать его. К телефону подошла женщина.

— Кто спрашивает? Вячеслав Владимирович? Здравствуйте. Жена Ключева говорит, Я в курсе дела. Ну, вот и хорошо. Все будет в порядке. А Михаила Петровича два часа назад в больницу увезли... Острый приступ...

Хирург в шутку говорил, что лечат Сергея не врачи, а друзья. В шутке была доля правды. Первые две недели Ирина приходила в больницу ежедневно, как на работу. И все попытки Бориса подменить ее хотя бы в часы трудных ночных дежурств не увенчались успехом.

— И не надо вам пытаться, — говорил ему врач.

И рассказывал про мудрого Авиценну. Пришел однажды этот великий исцелитель к больному юноше поразительной красоты. Взял руку. Проверил пульс. Посидел рядом. Долго беседовал с ним о жизни, друзьях, подругах. Потом вызвал служителя и сказал:

— Мне нужен человек, который хорошо знал бы все кварталы нашего города. Приведите его завтра ко мне.

Назавтра этот человек стоял у постели больного.

— Я попрошу вас вслух перечислить все кварталы города.

Когда был назван квартал одной из городских окраин, пульс больного участился.

Потом Авиценна попросил пригласить человека, который хорошо знает все улицы, все дома этого квартала. Была выполнена и эта просьба. И было зафиксировано,

как участился пульс, когда были названы улица и дом, с которыми связаны все думы юноши. Наконец пришел человек, который вслух назвал всех жильцов этого дома.

— Сухра...

Юноша вздрогнул, глаза его заблестели, щеки покрылись румянцем, и пульс зачастил так, что трудно было сосчитать...

— Этот юноша влюблен в Сухру,— объявил Авиценна.— Исцеление может принести ему лишь свидание с ней.

Была еще одна целительная повязка на тяжкие раны Сергея — в газете появилась заметка о героическом поступке шофера такси Сергея Крымова. Бандиты были схвачены милицией, подоспевшей к месту события, и отданы под суд.

Через два месяца, незадолго до Октябрьских праздников, Крымова выписали из больницы. Когда он, сопровождаемый дядей, Ириной и Борисом, вышел на улицу, то увидел у больничных ворот целую вереницу машин-такси.

— Что это, стоянка такси тут?

Спутники хранили молчание — сюрприз на то и сюрприз, чтобы ошеломить неожиданностью: по инициативе комсомольцев таксомоторного парка, Сергея встречал эскорт из машин. В нарушение правил, озорные водители приветствовали бесстрашного рыцаря «симфонией» гудков...

Дома его ждал еще один сюрприз: телеграмма Крутова. Вылетает в Москву, с нетерпением ждет встречи с другом.

Крутов уже знал, что Крымов исключен из института и стал его коллегой. Но у Сергея не хватило духу написать другу всей правды. Он корил себя за всякие грехи, среди которых неумение разбираться в людях едва ли не самый главный, туманно описывал обстоятельства, в силу которых «он заслуженно вылетел из тележки». В ответ пришло письмо, из которого следовало, что Игорь кое о чем догадывается, но его пугают недомолвки: «Пойми, Сережка, ты мне больше, чем друг. И я имею право претендовать на откровенность. Что-то непонятное происходит в твоей жизни. Собираюсь в отпуск, тогда, видимо, все прояснится. Надеюсь».

...На восьмое ноября был объявлен «большой сбор» старых друзей. Ирина с волнением ждала — кто придет к Сергею на «сбор»? Кто окажется в числе «старых»? Не-

ужели и «те»? Нет, тех не было. Были настоящие друзья. И по факультету, и по таксомоторному парку. Веселые, приятные парни и девушки. И, конечно, Борис, и, конечно, особо дорогой для Сергея гость — Игорь Крутов. Ирина сияла. Лишь, когда узнала, что на «большой сбор» приглашен и Владик, она нахмурилась: у нее особое отношение к этой давнишней привязанности Сергея. Она рассматривала ее как вредный сопутствующий газ, от которого «технологи» пока еще не могут избавиться. Однако какие-то обстоятельства не позволили Веселовскому пожаловать в гости. И это очень обрадовало Ирину. Ну, а самое главное — Игорь, встреча закадычных друзей...

Несмотря на все перемены в жизни Сергея, Ирину не отпускала какая-то неосознанная тревога. И хотелось верить, что встреча с Игорем будет для Сергея чем-то вроде мощного нравственного заряда. Она знала, что Сергей прислушается к словам друга, даже если они будут архижесткими и обидными.

По рассказам Сергея, Ирине многое было известно из жизни Крутова. Он часто вспоминал друга, бережно хранил его длинные и сумбурные письма и иногда давал читать их Ирине. Она знала о его первой неудачной любви, из-за которой он провалил экзамены в вуз. Судя по письмам Игоря, Зоя так и осталась для него незарубцевавшейся раной. Он писал Крымову: «Девушек тут кругом много. И красивых. И приятных. А Зоя — одна». Сергей прокомментировал это дружеское признание коротко: «Ну и дурак».

Крутов был самым близким другом Крымова, он по-настоящему любил Игоря, жил его тревогами и радостями, но Сергею многое оставалось непонятным в образе жизни, в убеждениях этого «карася-идеалиста». В десятом классе они впервые всерьез разошлись в оценках того, что есть нравственно и безнравственно. Виктор Крюков, ученик их класса, нашкодив на уроке словесницы, сумел как-то увильнуть от ответа. Неясно было — кто виноват, Виктор или двое его приятелей? Словесница, Мария Семеновна, вызвала Виктора для разговора с глазу на глаз и сказала:

— Сознайся, что это ты виноват. Сознайся и извинись. Больше никто этого знать не будет. Никто!

Виктор сознался и извинился. А на следующее утро его вызвали к завучу, распекали в присутствии группы педагогов и грозили вызвать в школу отца. Виктор вер-

нулся в класс и заплакал. От обиды. Он никому не хотел рассказывать о случившемся. И был в классе лишь один ученик, которому он не мог не поведать своей горькой обиды, — комсорг Игорь Крутов. Все восстало в нем против словесницы, и комсорг пошел объясняться к завучу.

— Я не защищаю Виктора. Его можно было наказать любым образом. Но Марья Семеновна поступила подло. Она преподавала ученику урок подлости...

— Как ты смеешь...

Завуч аж подскочила со стула.

— Я настаиваю на своем, Марья Петровна. Это же безнравственно, все выведать, обещать хранить тайну, а потом... Нет, так нельзя воспитывать ребят.

История эта получила огласку. И тут Сергей разошелся с Игорем в оценке словесницы.

— А если она иначе не могла добиться истины... В жизни надо быть гибким... И ты напрасно встрял во всю эту катавасию.

Сергей предлагал «пустить дело на тормозах», не ерепениться. А Игорь негодовал, требовал обсуждения поступка учительницы на педсовете. Завуч прикрикнула было на него, но он не испугался и пошел к секретарю райкома комсомола. Тот — в районо.

Педсовет объявил выговор Марье Семеновне. А вскоре она перешла в другую школу.

...Сергей, перечитывая вместе с Ириной письма Игоря, как-то вспомнил эту давнюю школьную историю.

— И до чего же злопамятный. Вот читай.

И он показал Ирине подчеркнутые им красным карандашом строки.

«Дружище! Ты прав — жизнь чертовски сложна. Но я не склонен мириться со всеми и сложностями и болячками. Я не сторонник стандартной и отнюдь не мудрой французской поговорки: «Такова жизнь...» Помнишь наш спор в связи с подлостью словесницы. Ты сказал тогда: «В жизни надо быть гибким». Кисельная формула! Ею обычно легко прикрываются люди беспринципные, приспособленцы. Старик, не обижайся, люблю тебя, как никого. Поверь — это плохая формула! Мне кажется, что ты в своих письмах что-то темнишь, не договариваешь. Боюсь, что стремление быть «гибким» принесло тебе какие-то беды, о которых умалчиваешь. Я против твоего нравственного кредо, какой бы дорогой ценой ни пришлось за это платить».

А платить пришлось действительно дорогой ценой. На общем собрании автоколонны при подведении итогов соревнования Крутов вдруг заявил, что показатели пробега машин выведены липовые, ловко приписана тысяча километров и премии колонна не заслужила. Что же касается рекорда Анатолия Глазова, то и это липа. Так не соревнуются. Ему созданы особо благоприятные условия. За счет других водителей. Так легко ставить рекорды. Это не социалистическое соревнование. Вот если бы всем водителям обеспечили такие же условия, как и Глазову,— это было бы настоящим соревнованием.

Игоря обвинили в противопоставлении своего «я» коллективу, а кто-то заявил, что «выступление товарища Крутова граничит с антисоветским», поскольку он выступает против принципов социалистического соревнования.

«Что было на этом собрании, мне трудно тебе описать, Сергей. Поносили меня цензурно и нецензурно. И даже угрожали «темную» устроить. А тут еще такая история. По моей милости начальник автобазы схлопотал выговор парткома. Моя комсомольская группа содействия милиции установила, что сей начальник не брезгует дарами левых клиентов. Представляешь, как этот начальник ухватился за мое выступление, «граничащее с антисоветским»... В общем-то вся эта история кончилась для меня благополучно. Назначили комиссию для расследования. Мое заявление подтвердилось. Начальника автобазы понизили в должности. А без «темной» все же не обошлось. Вечером, после танцев, подловили меня дружки начальника. Но я и не знал, что ребята из нашей комсомольской группы содействия милиции негласно охраняли меня...»

Сергей бурно реагировал на то, как «живет там в своей заполярной берлоге лобастый». Он восхищался Игорем и негодовал: «И эти подонки смеют угрожать». Но тут же подпускал шпильку по поводу «игры в правдолюбие». «Это же только игра! Согласись со мной, Игорек, дорогой мой! Согласись, не спорь. Суровый век наш безжалостно подминает своими колесами любые разновидности дон-кихотов...» Ответ пришел незамедлительно. Чувствовалось, что писался он с пылу-жару. Игорь, полностью процитировав Сережины строки о суровом веке, писал: «И в наш суровый век иногда полезно голос своих желаний (увы, зачастую низменных) заглушать голосом своих убеждений, принципов. Я это, видимо, делаю чаще, чем ты... Мне тоже хотелось премию получить. Поверь, я не аскет. Да-

же нацелился на покупку транзистора. Но голос убеждения... Да что там объяснять. Ты, Сережа, не хуже меня все это понимаешь... Но одно только понимание недостаточно... Ясно тебе?»

И вот он здесь, рядом с ним, неугомонный Крутов. Они успели о многом переговорить. Крымов поведал другу то, что оставалось недописанным в письмах, что было прочитано Игорем лишь между строк.

В тот вечер было произнесено много тостов, самых разных, всерьез и в шутку. Но один тост был только для посвященных. Сергей незаметно для гостей увел дядю и Ирину в соседнюю комнату. На секретере стояли три рюмки с коньяком и тарелочка с кусочками лимона. Сережа первым взял рюмку и тихо, словно смущаясь чего-то, сказал:

— Давайте выпьем за Ключева... Я ведь, дядя, все знаю, все доброе, что делал этот человек для меня. Женщины, они народ болтливый, язык за зубами держать не умеют,— и, улыбнувшись, кивнул в сторону Ирины. Но улыбка мгновенно исчезла, лицо посуровело, Крымов о чем-то задумался и вот так, в задумчивости, глухим голосом продолжал:— До самого смертного часа не забуду его...

Они чокнулись и молча, не сказав больше ни слова, выпили. Это было похоже на поминки, хотя никто из них еще не знал, что Ключев час назад умер...

...Месяц лечения в санатории пролетел незаметно. И вот завтра Крымову выходить на работу в первую смену. А накануне он провожал Игоря. Самолет улетал ночью, и весь вечер Игорь провел у Сергея. Пришла и Ирина.

Игорь был в приподнятом, предотъездном настроении. Балагурил, шутил, острил, рассказывал забавные истории из жизни шоферов на Севере. А Сергей молчал, хмурился и пребывал в том состоянии, когда человека что-то гложет, не дает покоя, но он не решается сказать об этом. И Ирина не преминула заметить.

— Я понимаю, тебе грустно, Сережа... Прощаешься с другом. Но у тебя такое выражение лица, будто ты только что вышел из кабинета зубного врача. Что случилось?

— Да так... Ничего... Разговор у нас был с Игорем...

— Что было, то было,— улыбнулся Игорь.— Беседа протекала, так сказать, в атмосфере взаимопонимания

и дружки. Однако высокодоговаривающиеся стороны не пришли к соглашению.

— О чем?— встревоженно спросила Ирина.

— Куда путь держать...

Это уже было сказано Игорем всерьез. Крутов предлагал другу поехать с ним в Сибирь, на ударную комсомольскую стройку, где сооружается новый гигант нефтехимии: в Заполярье стройка закончилась, и вместе с большой группой друзей Игорь решил, как он выразился, «открывать Сибирь».

— Что же вам ответил Крымов?— настойчиво спрашивает Ирина у Крутова, спрашивает так, будто Сергея в комнате нет и разговор идет один на один.

— Дрогнул... Сперва отмолчался. Потом сказал: «Предложи ты мне эту стройку полгода назад, немедленно прилетел бы. А сейчас надо, говорит, подумать». Вот и думает. Чапай думает,— сказал он и усмехнулся...

— Вы зря, Игорь, иронизируете. Не собираюсь защищать Сергея, но такие вопросы наскоком не решаются. Даже в нашем прекрасном возрасте... Я не понимаю людей, играющих в романтику... Не понимаю мнимо «настоящих парней», на которых вдруг снисходит «романтический порыв». Они бросают институт, дом, невест, едут на Север, чтобы через год улететь оттуда. Их, видите ли, не поняли там, они, видите ли, не все продумали.

— Перестань, Ирина. Я прошу тебя, перестань...— Сергей поднялся с места.— Мы сами с Игорем разберемся.

— А мой голос в расчет не принимается?— И она осуждающе посмотрела на Сергея.— Вчера мы, кажется, говорили с тобой...

Сергей подошел к Ирине и, не стесняясь Крутова, обнял ее за плечи. Да, вчера они говорили о том, с чем связаны его сегодняшние раздумья, о том, что он не решился еще поведать и лучшему своему другу.

Вчера у них был разговор о будущем. Сергей спросил Ирину, станет ли она его женой. И Ирина ответила: да, она будет его женой, но не надо спешить.

— Не будь мальчишкой, Сережа. Можешь считать меня старомодной, но я не верю в легенду о рае в шалаше, о счастливой семейной жизни в студенческом общежитии. Мне еще год учиться, а тебе...

— Что мне?— прервал он Ирину.— Моя дорога ясная — крути, шофер, баранку.

— А мне она видится совсем другой. Ты подаешь заявление с просьбой восстановить тебя в институте. Борис разговаривал в деканате. Кое-кто из преподавателей считает, что в тебе талант экономиста и нельзя ему пропадать.

Они шли все по той же любимой Фрунзенской набережной. В пылу спора Сергей не замечал пронизывающего осеннего ветра, расстегнул куртку, снял шапку и размахивал руками, полагая, как всегда, что это и есть лучшая аргументация. Нет, Сергей не согласен с Ириной. Регистрироваться можно хоть завтра. Он будет работать, она учиться. А Ирина не соглашалась:

— Я знаю, к чему это в конце концов сведется. Мы сядем твоему дяде на шею. Мой отчим не в счет. Тебе известно мое отношение к нему и его — к тебе...

Сергей не сказал тогда Ирине о своей мечте — уехать в Сибирь вместе с ней: она может перевестись в Новосибирский университет или в Иркутский. Он побоялся даже в самой осторожной форме нарисовать ей такую перспективу.

А на следующий день он побоялся рассказать обо всем этом Крутову. Обделил его господь-бог характером!

«Мы сами с Игорем разберемся!..» Нет, не разобрались они. Так и не узнав все, что тревожит Сергея, Крутов покинул Москву.

...Прошло время, и Сергей вновь стал студентом, а Ирина защитила диплом. Любовь их выдержала все испытания. Ирина работала, Сергей учился, и казалось, что все развивается точно по плану, начертанному этой удивительно волевой девушкой. Но была в том плане одна трудная позиция — возвращение Сергея из рабочего коллектива в студенческий. И сопутствующие тому обстоятельства. Борис окончил вуз и уехал на Урал. Игорь — в Сибири, и письма от него стали приходить редко. Ирина работу совмещала с заочной аспирантурой, занималась с преподавателем английским языком. И все меньше и меньше времени удавалось ей урвать для Сергея. А свято место пусто не бывает. И теперь, пожалуй, в пору вспомнить прозорливость дяди: «Твой Владик при-таился...»

Ирина рассвирепела, узнав, что Сергей стал опять встречаться с Владиком и даже был у него на холостяцкой пирушке — холостяцкой в том смысле, что собрались гости обоего пола, не обремененные семейными узами.

Сергей клялся, что все произошло случайно. «Ты в этот вечер занималась английским, а Владик встретил меня в метро и буквально силой затащил к себе». Она поверила, успокоилась, но первая маленькая трещина в их отношениях так и не заросла. На душе у нее было горько, досадно: «Неужели все прахом пойдет?» А тут еще появился Глебов.

Однажды Ирина твердо решила, что напишет Игорю Крутову и попросит его... О чем? Чем может он помочь, находясь за тысячи километров? Советами издалека? Все это уже было.

И вдруг — приятное известие. Крутов на несколько дней прилетел в Москву. Сегодня вечером Сергей вместе с другом придет к Рубиным. Но застолье, да еще с участием Владика и Глебова, оказалось не лучшим местом для откровенных объяснений. А все остальные дни Игорь был в бегах, и они только один вечер смогли провести втроем у Сергея.

— Мы с тобой, Сережка, толком так и не поговорили. Как дела?

— Нормально...

— Я не понимаю суть этого модного слова. Или у тебя других нет?

Сергей сперва смутился, потом обозлился.

— Опять будешь учить меня уму-разуму... С меня Ирининых наставлений хватит. Сыт ими до начала следующего века. Я просил бы...

Но от зоркого глаза Игоря Сергей не смог скрыть свою душевную неустроенность. И Крутов повел разговор о Сибири, о стройке, об успешных своих хлопотах в ВЦСПС и министерстве — стадион начнут строить уже в этом году, — о сложностях человеческих взаимоотношений в трудовом коллективе. И вдруг совершенно неожиданно, обращаясь и к Ирине и к Сергею, спросил:

— А что это за деятели сидели за столом — Владик и Вася? Пыжились чего-то...

— Наши друзья, — ответил Сергей.

Ирина пожала плечами:

— Я бы их к своим друзьям не причислила.

— Почему?

— Спросите у Сергея... Молчишь?

И Ирина, словно из пулемета — сто слов в секунду, — выпалила все, что думала, все, что наболело, все, что уже однажды говорила Сергею о нем и о его друзьях.

Сергею было стыдно перед Игорем. От ощущения собственной беспомощности он становился еще злее и наконец яростно закричал:

— Ты решила всю мою жизнь наизнанку вывернуть? Игорь примиряюще обнял их и сказал:

— Мир и благоденствие дому сему... Никаких дебатов. Все выяснено, стороны поняли друг друга. Это тоже важно.

Он хотел улыбнуться. Но улыбка получилась кислая. Между бровями углубились резкие морщинки.

Уже прощаясь, Крутов вновь напомнил о своем давнем предложении:

— А что, если вам, друзья дорогие, перебазироваться все же в наши сибирские края? Вот здорово было бы. Что скажете?

Ответа не последовало.

На улицу они вышли вдвоем — Игорь и Ирина. Долго шли молча. И уже на остановке троллейбуса Ирина сказала:

— Хороший вы человек, Игорь...

— Это вы моему начальству сказали бы... Оно иного мнения...

Крутов весело рассмеялся и вскочил в подошедший троллейбус. Ирина помахала ему рукой и, низко опустив голову, пошла по безлюдной улице.

КОМАНДИРОВКА

— Вам все ясно, Никанор Михайлович? Два задания сразу — Крымов и Строков. Вылет сегодня ночью...

Михеев уже все знал о Сергее Крымове. Может, даже больше, чем требуется, больше, чем это известно Бутову, — есть у него впечатления от бесед с Ириной, от ее вскользь оброненных характеристик Крымова, столь же метких, сколь и противоречивых. Сегодня ночью он полетит в Сибирь, чтобы встретиться там с ним. Михееву наконец-то удалось установить, куда и при каких обстоятельствах улетел Сергей Крымов.

...В редакции ему давно была обещана командировка. Среди внештатных сотрудников он шел под первым номером. Был у редакции и дальний прицел — когда Крымов получит диплом экономиста, забрать его к себе: экономические знания плюс неплохая журналистская хватка, острое перо. И просьбу Сергея послать его недели на две

на какую-нибудь большую стройку решили уважить. Крымова только спросили: «А как с дипломом? Не зава-лишь?» Он усмехнулся: «Наш пострел везде поспел...» Оставалось уточнить — куда?

Михееву известно, что Сергей неожиданно отказался от двух предложенных ему на выбор, весьма приятных адресов — Рига и Ереван. Он настойчиво добивался поездки в Сибирь, в глухомань, в тайгу, где поднялся первый корпус нефтехимического комбината, к которому ныне тянут нефтепровод.

Бутов и Михеев озадачены: что побудило Сергея Крымова, парня, любившего беспечную жизнь, отказаться от командировки в Ригу и Ереван, метнуться туда, в комариные края? Чем привлек его комбинат, продукцию которого с нетерпением ждут не только хлеборобы и текстильщики, но и люди из так называемых почтовых ящиков. Нет ли тут тех подводных течений, что дают основание проявить особую настороженность? Бутов так и нацеливал Михеева:

— Вам, Никанор Михайлович, надлежит разобраться — нет ли здесь побочных наслоений на наш главный вопрос касательно той странной телеграммы?.. Нам не-безынтересно знать, почему молодой человек, предложив любимой девушке «ховать игрушки», сам рванулся туда, где будут делать кое-что причастное к «игрушкам» весьма солидного калибра... И рванулся именно тогда, когда к отцу его Ирины появился этот самый господин Егенс...

Есть еще одно обстоятельство, насторожившее чекистов. Установив наконец, какая редакция и на какую стройку отправила студента Крымова, они также узнали, что по дороге на комбинат он должен остановиться в одном из сибирских институтов, причастных к рождению гиганта нефтехимии. В течение нескольких дней запрашивали институт о Крымове: «Нет, не был, не знаем такого». Связались с дирекцией, парткомом стройки: «Нет, не приезжал к нам московский журналист Крымов». Тогда решили проследить по спискам пассажиров Аэрофлота. Вроде бы он, Крымов, должен быть на стройке. Аэрофлотовские документы свидетельствуют: пассажир С. Крымов прилетел в областной центр и в тот же день на самолете местной авиации прибыл в райцентр.

— Вам, Никанор Михайлович, во всем этом разоб-браться следует. Тщательнейшим образом...

...Никанор Михайлович откинулся в авиационном кре-

сле и, смежив веки, вспоминал последние наставления Бутова. Мысли его зацепились за Строкова. Вероятно, по ассоциации вспомнил Костю. Три дня и три ночи проводился он с этим Строковым. И все-таки попал на след.

Константин Викин... Закадычный друг по институту. За двумя сестрами ухаживали, на двух сестрах и женились. Обоих их, Никанора и Костю, в один и тот же день рекомендовали на работу в КГБ. Викина, знавшего четыре языка и особенно хорошо немецкий, сразу же определили в группу, занимавшуюся поисками военных преступников.

Теперь Константина Яковлевича Викина одни называли ходячей энциклопедией, другие — фон Викинштерном, в шутку утверждая, что сам он из древнего рода немецких баронов. И не только потому, что Костя в совершенстве владел немецким языком и всеми его диалектами — он отлично разбирался в тонкостях грамматического строя, произношения, лексики. Викин прекрасно знал историю Германии, ее литературу, искусство, нравы, обычаи, а что касается более близкой ему сферы — родословные, связи, место жительства, служебная карьера военных и политических деятелей гитлеровского рейха, продолжение их биографии в наши дни, — тут уж он был просто академиком. Викин со своими помощниками умудрялся находить улики, вещественные доказательства, свидетелей преступлений там, где, казалось, время стерло все следы.

Надо было обладать недюжинной волей, блестящей памятью и хорошо организованным справочным материалом, чтобы, ухватившись за тоненькую ниточку-паутинку, напасть на след через двадцать — двадцать пять лет со дня свершения преступлений. Приходилось исследовать огромное количество документов, разыскивать свидетелей, изучать дома, улицы, площади, поля, леса, где свершались кровавые злодеяния, рыться в архивах, сличать, сверять, проводить замысловатые экспертизы, следственные эксперименты, а иногда и эксгумацию останков жертв фашистской оккупации. И Константин Викин терпеливо, методично, не опуская рук после целой череды неудач, шел от рубежа к рубежу.

К нему-то и обратился Бутов за помощью. Были в заявлении доктора Рубина строки, натолкнувшие полковника на мысль заняться проверкой «исповеди» Захара Романовича в несколько ином плане: не остался ли в живых

тот самый партизан, на допросе которого Рубин, по его словам, только присутствовал? Быть может, Рубин чего-то не договаривает? Если уж офицер абвера захотел испытать его, то возможно, что он не ограничился столь гуманной мерой — русский доктор стоит в стороне и наблюдает, как истязают русского партизана.

В архивах партизанских отрядов, действовавших в районе, где орудовала особая группа обер-лейтенанта Брайткопфа, была найдена записка: «Берегитесь, доктор Захар — предатель». Кто этот Захар? Рубин — или случайное совпадение имен? Или это кличка? Что знают тамошние партизаны о судьбе командира отряда, попавшего в фашистский застенок? А может, и Захар им знаком?

...Исходные данные были более чем скромными: место, время действия, фамилия нескольких немецких офицеров, названных Захаром Романовичем. И тем не менее Викин обещал Бутову кое-где и кое-что разыскать.

— Много ли потребуется времени?

— Затрудняюсь, товарищ Бутов, назвать точный срок... Бывает, что и целый год ищем, а бывает... Розыском улик против тех, кто в лагере «Дора» орудовал, занимались несколько месяцев. По пятам одного из бывших узников всю Сибирь исколесили.

Бутов нахмурился. Его не очень устраивали такие темпы.

— Вы не расстраивайтесь. Мне кажется, что ваш вариант попроще. Посмотрим наши картотеки, попытаемся отыскать...

Сколько картотек, архивных документов перевернули люди Викина, сколько разных запросов сделали, как его сотрудник вел поиск в том районе, где орудовал упомянутый Рубиним господин Брайткопф, — все это осталось «за кадром». А в «кадре» — лаконичная справка, представленная через три дня: в районе, интересующем Бутова, фашистами был схвачен командир партизанского отряда Строков Сергей Николаевич, 1908 года рождения, бывший секретарь райкома партии.

В июле 1941 года ушел по заданию обкома партии в подполье. Есть основание полагать, что он жив. Партизан Иван Шутов, участвовавший в налете на автомашину, в которой Строкова, едва живого после допроса, везли в лагерь, здравствует поныне. Бутов имеет возможность с ним побеседовать. Автор записки, подававшей тревож-

ный сигнал: «Берегитесь, доктор Захар — предатель», видимо, тот же Строков. Предположительно. Слово это Викиным подчеркнуто дважды. В архиве сохранились документы, написанные Строковым собственноручно. Почерковедческая экспертиза установила, что несколько букв записки и этих документов — идентичны. Возможно, что совпадение случайное, но может быть, Строков — кто знает — писал записку, стараясь изменить почерк...

К Ивану Шутову полетел Михеев. Шутов, теперь уже глубокий старик, сохранил прекрасную память. И со всеми подробностями нарисовал картину смелого налета партизан на тюремную автомашину. В небольшой деревянный мостик через речку вбили остриями кверху гвозди. А для полной гарантии доски посыпали битым стеклом. Расчет оказался точным: машина на мосту застряла. Место это было сравнительно глухое. Вся операция заняла три минуты. Без единого выстрела — в ход пошли ножи. Окровавленного, до полусмерти избитого Строкова партизаны доставили в свой лагерь. Только на вторые сутки он открыл глаза.

Сергей Строков находился в партизанском отряде, пока не настал радостный день встречи с наступающими частями Советской Армии. Как потом сложилась его судьба, Иван Шутов не знает. Только помнит, как в мае сорок восьмого Строков приезжал сюда, в разоренные войной партизанские села. Это было в День Победы. И на митинге выступал...

После митинга бывшие партизаны собрались в своем узком кругу. Во дворе у Шутова. Минутой скорбного молчания помянули павших, а потом пили за здоровье тех, кто до Победы дожил. И жены их за тем столом сидели. Радостные, счастливые. А Строков смотрел на них и все хмурился.

— Не понял я спервоначалу, чего он кукуется. Все не по себе ему. А потом ясно стало. Муторно на душе у человека... Он мне сам про те горести свои поведал. Когда кончилась война, встретил Строков товарища из того же района, где секретарем райкома был. Тоже жинку свою на восток отправлял. В первые же дни войны. Так вот... Эшелон тот разбомбили. И будто среди погибших была жена Строкова. Так оно или нет, товарищ точно не знал, но рассказывали, будто видели ее труп... И все же Сергей Николаевич надежду не потерял. Вдруг жива! Три года искал ее... Запросы посылал. Не нашел. Родных

у нее, считай, нету. Отец умер, когда дочери пятнадцать лет исполнилось. А мать не родная. Строков и фамилию-то ее запомнил. Чужие люди. Родную сестру ее искал. Знал — есть такая. Но опять же фамилия у ней по мужу, а какая — неизвестно. Так и не нашел жинкиных следов. Рассказывал и чуть не плакал... «Видать, Семеныч, она от бомбы фашистской погибла. Да ведь не одна... Ребенка ждали... Мы с ней, Семеныч, только год вместе прожили. Планы какие строили!»

Михееву удалось в соседнем районе найти человека, который прошел со Строковым весь путь до Праги. И опять о том же разговор пошел: жену разыскивал.

— Говорил командир, будто нет у него родных. Из детдомовцев... Одна только жена... Часто вспоминал ее. Все беспокоился — успела ли от немцев уйти... Запросы посылал в разные края. Да только без ответа остались. Куда подался Строков после войны — ведать не ведаю, а думать — думаю. Был у него в полку дружок, сибиряк, все к себе в гости звал...

...Уже из пяти сибирских городов и сел, где проживают Строковы Сергей Николаевичи, 1908 года рождения, пришли в КГБ ответы: ни один из них не партизанил.

И вот шестой адрес. И тоже Сибирь. Работает в областном центре — заместителем председателя комитета народного контроля. Сейчас находится в длительной командировке в райцентре, на нефтехимическом комбинате. Адрес сообщили. Тот же райцентр, тот же комбинат, о котором собирается писать очерк Сергей Крымов. Михеев обрадовался — приятное совпадение! И попросил товарищей из областного управления КГБ дать знать в райцентр об интересующих контрразведку лицах.

СТРАННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ

На аэродроме Михеева встретил старший оперуполномоченный местного отделения КГБ. Когда они шли рядом, казалось, что шагают Пат и Паташон. Высокий, худющий, длиннорукий, длинноногий Никанор Михайлович Михеев и широкоплечий толстяк, все время забегающий вперед Шалва Исидорович Задгенидзе. Он в шутку уверял, что из Грузии ему пришлось ретироваться только потому, что ростом не вышел: «Таких у нас не держат».

За семь минут ходу от самолета до так называемого аэровокзала Шалва успел выдать несколько длинных «очередей» информации: и о ходе стройки комбината, и о

красотах будущего города. Даже в номере гостиницы Шалва все еще продолжал свое «путешествие» в завтра.

— Через пять лет, дорогой друг, прилетишь к Шалве в гости на сверхзвуковом самолете. Без пересадки на «Аннушку». Гостиница будет такая, что москвичи от зависти лопнут... Почему улыбаешься?..

А Никанор Михайлович действительно улыбался, но совсем по другому поводу: ему, конечно, приятно в первые же минуты пребывания на сибирской земле получить информацию о будущем города, но он предпочел бы в первую очередь получить информацию о Крымове, Строкове. Михеев деликатно «приземляет» Шалву и погружает его в мир сиюминутных забот.

— Так как, товарищ Задгенидзе... Сейчас десять ноль-ноль. Смог бы ли я, скажем, в одиннадцать ноль-ноль встретиться с интересующим меня журналистом?

Затянувшийся розыск Сергея Крымова несколько тревожил и Бутова и Михеева. Почему о Крымове ничего не знают в дирекции, парткоме стройки? Где он? Вот Михеев и теревит Задгенидзе. Тот, конечно, знает, почему так настойчив коллега, но старается отшутиться.

— Дорогой друг, зачем спешить? Завтракать надо, отдохнуть надо. Сколько часов в полете был...

— Я попросил бы вас ускорить встречу с журналистом. Надеюсь, вам уже известны его координаты?

По несколько растерянному выражению лица Шалвы Михеев догадался, что с «координатами» пока не все в порядке и экскурс в будущее — небольшая хитрость, так сказать, отвлекающий маневр.

— Все будет хорошо, дорогой друг.— С лица Шалвы растерянность словно ветром сдуло.— Координаты в данный момент уточняются. Пока гость немного закусит с дороги, наши люди найдут его. Он какой-то странный товарищ, ваш московский корреспондент.

— А именно?— встрепнулся Михеев.

— Фантомас,— отшутился Шалва.— В гостинице не проживает, в парткоме, завкоме, дирекции, редакции газеты не появлялся.

— Может быть, он и не прилетал сюда?— неуверенно спросил Михеев.

— Зачем так говоришь?.. Здесь он... Имеем такие сведения.

В это время зазвонил телефон, и Шалва взял трубку. Михееву еще никто звонить не мог.

— Слушай, Петрович, как же так... Скандал! Из-под земли найди мне его. Человек не иголка. Куда уехал? Зачем уехал? Почему глупости говоришь — врача повез. Он, что — шофер?

Вскоре, однако, кое-что прояснилось. Крымов решил лететь прямо на стройку — в Москве он узнал, что группа научных сотрудников из интересующего его института сейчас находится на комбинате. А прилетев на строительную площадку, Сергей позволил себе приятно провести несколько дней в обществе своего друга Игоря Крутова, прославленного водителя самосвала. Не очень еще искушенный в требованиях «протокола» корреспондентской деятельности, Крымов решил, что дней пять он проживет у Игоря в общежитии — есть свободная койка, — и никому не дал знать о себе. А потом уж собирался явиться в дирекцию, партком и переехать в гостиницу. Иначе бы он не настаивал в редакции на командировке в Сибирь, а поехал бы в Ереван: кто откажется встретить весну в горах Армении? Была лишь одна притягательная сила, побудившая Сергея отказаться от столь заманчивой поездки, — Игорь Крутов.

В общежитии Крымова не оказалось. Ночью на самосвале он отправился к «Якову» — так назывался находящийся километров за сто от райцентра крохотный поселок экспедиции разведчиков нефти. Во главе экспедиции Яков Трофимченко, и поселок — пять палаток — так и окрестили «Яков». В полночь от «Якова» в райцентр поступил сигнал тревоги: «Срочно требуется хирург». Из дирекции позвонили на автобазу — немедленно снарядить самосвал, так как машина «скорой помощи» к «Якову» не проберется — и без того плохую дорогу теперь еще и размыло...

Самосвал выделить — не проблема. А где взять водителя? Половодье натворило много бед. Вторые сутки авралят шоферы. Четверо вышли из строя. Игорь Крутов едва держится на ногах, но не сдается. В общежитие он вернулся часов в одиннадцать вечера, ему разрешили поспать до шести утра, а там снова на вахту. Но в полночь его, начальника колонны, подняли с постели: «К телефону зовут, говорят, срочная надобность имеется». Когда он вернулся в комнату, Сергей уже не спал.

— Что случилось?

— Водитель на самосвал требуется... Хирурга к «Якову» везти.

...Через полчаса водитель первого класса Сергей Крымов повел самосвал. Вернется он от «Якова» только поздно вечером, и Михеев, не теряя времени, занялся Строковым. Представителя областного комитета народного контроля на стройке знали все. Кое-кто здесь недолюбливал его: «Всюду нос свой сует». А кое-кто и побаивался: «Этот поддаст жару... Хлебнешь из-за него...» Во всяком случае, к его сигналам, предложениям, критическим замечаниям относились с уважением и вниманием.

В полдень в номер гостиницы вошел невысокий, крепкого сложения человек. Из-под копны серебристых волос колюче сверлили собеседника большие черные глаза. Поздоровавшись, он сухо спросил: «Чем могу служить?» Михеев уловил в его голосе нотки настороженности и счел нужным без промедления внести ясность.

— Присаживайтесь, Сергей Николаевич. Простите, что потревожил вас. Могли бы, конечно, ограничиться и письменным вопросом. Но так уж получилось, что некоторые обстоятельства, к вам не имеющие отношения, привели меня сюда. Заодно решил и вас повидать.

...Второй час длится беседа. Михеев больше молчит, слушает и только изредка задает вопросы. Строков старается держаться спокойно, но ему это плохо удается. Да, он и есть тот самый Строков, бывший секретарь райкома партии, бывший командир партизанского отряда, которого допрашивал русский человек по имени Захар.

— Допрашивал или только присутствовал на допросе? — уточняет Михеев.

Строков посмотрел на Михеева и закусил губу.

— Может, не надо вспоминать... Больно... Будто снова хлещут... — И он незаметно — так ему казалось — достал из кармана стеклянную трубочку. Михеев растерялся — как быть? Эта трубочка хорошо знакома ему — нитроглицерин. Он предложил перенести разговор на другое время. Но Строков, видимо, догадался, что «нитроглицериновая конспирация» раскрыта.

— Вы не обращайте внимания... Сердце сердцем, а дело делом. Вот уже и прошло все. Слушаю вас...

— Простите, Сергей Николаевич... Я понимаю ваше состояние. Нам надо с абсолютной точностью установить: упомянутый вами Захар Рубин сам допрашивал вас?

— Да...

— А если чуть подробнее. Как протекал допрос?

— Так, как было принято в том заведении. По всем

правилам. Не хочется вспоминать. Да и к чему это...

И вдруг его прорвало. Строков выплеснул все, что пережили в ту пору. Ничего не забыл. И как допрашивал его Захар Рубин, и как в лагерном бараке мучительно вспоминал, где он встречал раньше этого негодяя. И как обрадовался, когда вспомнил, — будто легче от того, что теперь знает, кто допрашивал его? Незадолго до войны он был на партийном собрании в местной больнице, и ему представили двух приехавших из Москвы молодых хирургов-практикантов. И оттого, что один из них оказался предателем, Сергею Николаевичу было особенно тяжело, словно и он, секретарь райкома, нес за него ответственность. Нет-нет, да и ловил он себя на нелепой мысли: «Моя недоработка... В партийном, комсомольском коллективе жил этот ублюдок...» Строков понимал, что мысль эта бредовая, да и возникала она в воспаленном мозгу человека, который после очередного допроса сам пребывал в полубредовом состоянии. Строкову удалось раздобыть клочок бумаги, на котором и нацарапал: «Берегитесь, доктор Захар — предатель». Фамилию доктора он сразу вспомнить не мог.

Строков еще не нашел способа передать записку товарищам, и лежала она спрятанной в бараке, когда случилось то, на что он уже не надеялся: налет партизан на тюремную автомашину...

Михеев достал из портфеля фотокопию записки и показал ее Сергею Николаевичу.

— Она?

— Да. Тогда я старался изменить свой почерк. Сейчас вижу, что не сумел...

— Сергей Николаевич, я прошу вас напрячь память и ответить на мой вопрос совершенно точно: да или нет... Рубин избивал, пытал вас? Собственноручно?

Строков удивленно пожал плечами. Ему, не знавшему всех обстоятельств дела Рубина, не очень-то понятно, какое значение имеет эта, с его точки зрения, малозначащая деталь: предатель есть предатель. Независимо от того, просто ли допрашивал или допрашивал и бил. Ему не ведомо, как важна для контрразведчиков эта «деталь»: что означало участие Рубина в допросе партизана — желание Брайткопфа ту же завязать петлю, которую он накинул на шею завербованного агента, или же агент этот отличнейшим образом вошел в новую роль и занялся испытанием советских людей?

— Так как дело было, Сергей Николаевич?

Строков в упор смотрит на Михеева и говорит твердо, решительно:

— Нет, не бил. Это делали другие...

— И еще один вопрос, Сергей Николаевич: у вас не возникало желание найти Захара? Где он, что делает, ходит ли по советской земле?

— Это вопрос или упрек?

— Ну, какой же может быть упрек? Нет, нет! Ни в какой мере... Но нам важно...

Строков прервал Михеева и тихо, внятно сказал:

— Я понимаю, что это важно. Искал, пытался найти. Но не из желания рассчитаться, а по долгу совести. Предпринимал ряд мер. Безуспешно...

Строков тяжело откинулся к спинке кресла и, не глядя на Михеева, спросил:

— У вас будут еще вопросы?

— Вопросов пока нет. Есть просьба — показать город, стройку... Вы никуда не спешите?

— К вашим услугам.

...Они вышли на окутанную промозглым туманом улицу с непролазной грязью и серыми, еще начисто не смытыми, ноздреватыми сугробами.

Беседуя, не заметили, как оказались на окраине городка, откуда уж и рукой подать до строительной площадки.

Лицо Сергея Николаевича просветлело, когда он заговорил о комбинате. Для него он — родное дитя. И вдруг распалился.

— А о природе-матушке зря забывают. Возмутительно! «Давай, давай, быстрее давай». А как тут люди жить будут... Одержимость иногда становится опасным недугом. Река рядом, а с очистными сооружениями непорядок. Москвичи ваши разработали проект, а в нем прорек — тьма-тьмушая. Мы протестуем, общественность поднимаем...

— Кто это «мы», Сергей Николаевич? И много ли вас?

Строков ухмыльнулся.

— Мы — это партийная и комсомольская организации, комитет народного контроля, весь актив... Печать в помощники зовем. Сюда недавно из Москвы приехал молоденький паренек, корреспондент. Занятный, между прочим, человек. Мы с ним подружились. Весьма, я бы сказал, самобытен. Скромно, неприметно входит в дело.

А главное, чертовски наблюдательный. Отлично в тонкостях экономики разбирается. И слушать умеет, с полуслова ухватывает... У него тут друг детства шофером работает, Игорь Крутов. Так москвич с аэродрома прямо к Игорю в общежитие. Там и поселился...

— Кто вас познакомил с корреспондентом?

— Крутов... Он у нас «Комсомольский прожектор». По одной и той же цели огонь ведем — очистные установки. Москвич, правда, чуть испугался, когда узнал, кто я. «Вы меня, — говорит, — не выдавайте. Хочу у вас несколько дней, так сказать, неофициально пожить. Осмотрюсь кругом, а потом и к начальству заявлюсь».

— Как зовут корреспондента?

— Тезки мы с ним. Сергей... Сергей Крымов...

— А вы знаете, Сергей Николаевич, что я именно к нему и приехал...

— То есть как?..

— Помните, я говорил, что обстоятельства, к вам не имеющие отношения, привели меня сюда. Так вот, у тех обстоятельств есть имя и фамилия — Сергей Крымов.

И Михеев поведал изумленному Строкову все, что считал нужным и возможным рассказать о тех самых обстоятельствах, которые побудили его не дожидаться возвращения Сергея в Москву, а отправиться к нему на стройку.

Интуиция, за которую иной раз и попадало ему от начальства, никогда не обманывала Михеева. Так вот эта самая интуиция подсказывала, что Строков из числа тех, кому можно доверять. А Михееву важно знать — что думает Строков о Крымове сейчас, после всего услышанного о нем? По-прежнему, все так же восторженно воспринимает журналиста? А Строков задумчиво смотрит вдаль, словно для него сейчас куда важнее рассмотреть вон те молодые березки, что стоят на другом берегу реки...

Что же сказать? Дыма без огня, конечно, не бывает. Не станут чекисты тревожить человека, не имея на то веских оснований. Но ведь и тревожить можно с разными целями. Сдается Строкову, что парень этот все же настоящий, из тех, с кем не страшно в разведку идти, кто способен все объяснить, на все твои вопросы ответить, не виляя, не замечая следов.

Мысли эти Строков высказывает вслух, будто разговаривает сам с собой. И вдруг вопрос Михееву:

— Вы, вероятно, считаете, что все рассказанное вами о Крымове — для меня откровение? Раскрыл, так сказать,

глаза человеку: «Смотрите, Строков, каков ваш новый знакомый».

— Может, и не совсем так, но...

— А я ведь все это знал... Сергей мне рассказывал. И о себе, и о дружках, и об Ирине. А потом Игорь добавил. Этот больше комментировал. Так вот, видите, какая история... Я сейчас всякие мысли вслух высказал, а главного еще и не сказал. Я сопоставил все, что мне Сергей о себе говорил, и все, что вы рассказали о нем. Полное совпадение. И вот какой вывод делаю: есть в характере этого парня очень ценное, на мой взгляд, качество — честность...

— О телеграмме он вам тоже рассказывал?

— Нет... Вот это действительно откровение для меня. И загадка... Странно... Однако не допускаю мысли...

— Всякое бывает... Полагаю, что завтрашнее утро внесет ясность. Рассчитываю на отмеченную вами черту его характера — влиять не будет...

КАК ЭТО БЫЛО...

Он действительно не вилял. Михеев с удовлетворением отметил это в первые же минуты их беседы. И то, что на прямо поставленный вопрос: «Как понимать вашу телеграмму?» — Сергей не ответил сразу, а стал долго, подробно и достаточно откровенно рассказывать о себе, Дюке, Владике, Глебове, Ирине, Крутове — не поколебало сложившегося убеждения: Крымов говорит искренне, не щадя себя. Но, видимо, почувствовав некую неловкость за то, что его занесло так далеко в сторону, Сергей смущенно сказал:

— Простите за длинную преамбулу. Но мне кажется, что иначе не все будет ясно в истории с этой дурацкой телеграммой.

Потупился и умолк.

— Что же это вы?.. Продолжайте, — с мягкой настойчивостью обронил Михеев.

— Я уже рассказал вам... Глебов и Ирина... — Он говорил сбивчиво, отрывисто, не скрывая волнения. — Я не мог не заметить... Я имею в виду повышенный интерес Глебова к Ирине... Вы знаете, какое место она заняла в моей жизни. И вот появляется Вася Глебов. При содействии Владика. Сводня!

И снова задумался, видимо что-то вспомнил. Потом продолжал:

— Где-то я читал, что любовь имеет свои законы развития, свои возрасты, как цветы, как человеческая жизнь. У нее своя роскошная весна, свое жаркое лето, наконец, осень... Для одних она бывает теплой, плодотворной, для других — холодной и бесплодной. Я принадлежу к «другим». Холодная, гнилая... Я читаю на вашем лице: «Учитесь властвовать собой, молодой человек». Не могу! Вы должны понять меня, понять мою обиду... Я вам, кажется, говорил, что от щедрой дядюшкиной материальной помощи я решительно отказался. Стипендия плюс нерегулярный приработок — гонорар. И все. В глазах Захара Романовича Сергей Крымов «нищий студент», голяк, Ирине — не пара. То ли дело Глебов — жених первой категории. И он знает себе цену...

— Перестаньте заниматься самоуничижением, Крымов. Это не достойно мужчины...

Михеев тут же спохватился: нельзя так. По долгу службы ему надлежит спокойно слушать и молча делать выводы, а не поучать. Но что поделаешь, прорвало!

— Простите, это я сгоряча... Я вас слушаю. Итак, Глебов. Этот, по вашим словам, жених первой категории доставил вам массу неприятностей. Ну, и что же дальше?

— Дальше? Дальше идут мерзости. Так взболтал свое чувство, что оно дало пену. Отвратительную пену. Было бы естественным объясниться с Ириной. А я — не могу простить себе этого! — как мальчишка решил досадить ей: стал встречаться с Владиком, которого она терпеть не может, считает ничтожеством. Ужасно это глупо, но я потерял контроль над собой. Была у меня даже такая бредовая идея: по душам поговорить с Владиком — друг ты мне или не друг? И попросить его достаточно решительно сказать Глебову то, что говорят в таких случаях порядочные люди... Сейчас я понимаю, как это было наивно... Порядочные люди и Владик! Но, видимо, я потерял контроль над своими чувствами. И над разумом тоже. В тот апрельский вечер я пошел к этому подонку, чтобы излить душу. Теперь мне отвратительна сама эта мысль. Владик встретил меня с распростертыми объятиями, облобызал и тут же усадил за стол. Мы крепко выпили. Ни разу в жизни не было на душе у меня такой смуты. А после выпивки все забурило. Будто невзначай, я обронил: «Во все времена, в любом обществе деньги были всеильны. И никто не лишил их этой силы. У кого деньги — у того власть. Над вещами и сердцами».

Я хотел поговорить о Глебове, о «женихе первой категории», но даже после выпитого коньяка не решился довериться Владику. Может, еще и потому, что в тот вечер я, пожалуй, впервые ясно увидел то, что старался не видеть: Владик — подонок. Все низменное, грязное липло к нему.

Владик поспешил поддержать разговор о всесии денег, но совсем в другом и несколько неожиданном плане. Сергею и сейчас еще не ясно — было ли все это заранее продумано, или сказалась изрядная доля алкоголя, или, уловив озлобленность Сергея, Владик решил, что есть благодатная почва для заготовленных им «семян»?

Так или иначе, но Крымов отчетливо помнит, как хозяин дома повел речь о том, сколь тяжело жить в мире, где жестоко подавляется индивидуальность, частная инициатива деловых людей, где нет свободы мыслей, слова, где тебе навязывают сомнительной ценности идею о всесии не денег, а труда — дескать, он, труд и есть источник всех богатств...

— Трудись, старик, трудись! Авось и сподобишься милости доктора Рубина — выдаст он за тебя Ирэн... Конечно, ты, мой дорогой друг, — христосик! Его шлепают по одной щеке, он услужливо подставляет другую. Он готов примириться с любой несправедливостью... Квашня! А ведь есть у нас парни — настоящие бунтари, дети века, вздыбленные нашим безумным временем.

Вообще-то Сергей уже слышал от Владика нечто подобное, но тогда это казалось шуткой. А теперь — с открытым забралом!

И может быть, именно поэтому Сергея охватила неумная злоба против Владика, выиграло желание унижить его, раздавить силой своих аргументов. Нет, он не согласен с этим «вздыбленным дитятей века». Он даже не согласен с тем, что «дите» это «вздыблено».

— Какой, к черту, из тебя боец, Владик... Тебе это не дано... Тебе нужна не справедливость, не свобода мысли, а свобода паразитировать, свобода загребать деньги. Любым способом. Что, не так?

Сергей ходил по комнате и, споря, резко рассекал воздух рукой. В тот вечер он сказал Веселовскому все, что думал о нем, и о себе, и о Саше-валютчике, и об образе их жизни, который претит ему, и о том, как он, Сергей Крымов, понимает свободу вообще и свободу мысли — в частности.

— Ты изволил что-то буркнуть насчет Авраама Линкольна и американских свобод. Почитай книгу Теодора Г. Уайта «Как создавался президент», и ты узнаешь, сколько миллионов долларов вкладывают финансовые тузы в предвыборную кампанию... Первая поправка к американской конституции устанавливает свободу слова. Однако Гэс Холл и Генри Уинстон провели многие годы в тюрьмах за попытку воспользоваться этим правом.

Владик прервал его:

— Старик, перестань читать мне уроки политграмоты... Историю партии, диамат, истмат я в свое время сдал на «отлично».

— Не перестану... Это уроки не политграмоты, а жизни... В последние годы она многому научила меня.

И снова ринулся в атаку. Владик слушал его, сдерживая накапливавшееся раздражение, он старался придать своему лицу выражение полного безразличия или же одаривал друга все той же хорошо отработанной насмешливо-снисходительной улыбкой:

— Давай, давай, перековавшийся Сережа! Бей, дави его, Владика, продажного агента империализма!

Он захохотал, а успокоившись, заговорил ровным голосом:

— Старик, мне искренне жаль тебя... Иноходец сошел с круга... Пора кончать наши дебаты. Это чертовски скучно. Если ты еще не забыл школьный курс физики, так должен знать, что есть равнодействующая двух сил. Я предлагаю выпить за нее, за эту равнодействующую. Где-то же должны сойтись наши точки зрения. Надо найти общий язык. Мы найдем его, старик! Обязательно найдем! Давай еще по одной. За конвергенцию — так, кажется, принято сейчас выражаться...

Они выпили еще по одной. Владик крикнул от удовольствия и щелкнул пальцем.

— Нектар! Божественно! Как считаешь, старик?

Сергей ничего не ответил. Говорить ему уже было трудно — он опьянел. Да и не хотелось больше разговаривать. Они молча сидели минуту-другую, потом Владик поднялся с места, открыл секретер, достал лист бумаги, авторучку, положил их перед Сергеем и торжественно объявил:

— Будем проверять истину самым высшим критерием — практикой. Так, кажется, нас учили на семинарах по диамату. Пиши, старик.

Сергей осоловело посмотрел на Владика.

— Что?

— Сейчас объясню... Мы вели с тобой спор о всяких свободах. Предлагаю провести эксперимент. Ирина укатила к тетке. Отлично. Сейчас мы сочиним ей загадочно-таинственную телеграмму, так сказать, призывающую милых телеграфисток к высокой бдительности. Давай пари держать — пять бутылок коньяку против одной: у тебя не примут эту телеграмму. Вот тебе и вся свобода.

Сергей пьяно ухмыльнулся, налил большую рюмку коньяку и, покачиваясь, подошел к Владiku.

— Это можно. Поспорить. Это я всегда готов. Мы не из пугливых. Ставлю пять бутылок против твоей одной. Диктуй!

Сергей не может сказать Михееву, была ли та телеграмма заранее подготовлена Владиком, или он сочинил ее на ходу. Во всяком случае, диктовал он ее медленно, обдумывая каждое слово...

— Вы вдвоем пошли на почту?

— Нет. Я один. Но когда я вышел из почты на улицу, столкнулся с Владиком — лицо у него было красное, и дышал он тяжело. Видимо, бежал, хотел догнать, остановить.

Владик накинулся на Сергея с площадной бранью.

— Ты что, с ума спятил? Шуток не понимаешь или принял лишнего? Теперь сам расхлебывай. И не вздумай меня впутывать в эту историю.

Владик быстро протрезвел. Да и Сергей пришел в себя. Разговаривали они теперь так, будто вот-вот перейдут в рукопашную. Но до этого дело не дошло. Владик вдруг стал канючить:

— Старик, если дело дойдет до всяких расследований, твердо стой на одной позиции: «Выпил лишнего, был зол на Ирину, хотел испортить ей настроение...» Меня не упоминай. Вдвоем — это уже сговор. Тут всякое припасть могут... — И снова воинственно: — Ты со мной не шути, старик. Я страшен в гневе. И вообще... Отрекись — вся недолга. Знать ничего не знаю... Привет, старик, прощай...

Несколько минут Сергей молча шагал рядом с Владиком, потом остановился, мрачно посмотрел на него и зло отчеканил:

— Экспериментатор! Свободолюбец! Эх ты, мразь! И, не попрощавшись, свернул за угол.

— В тот вечер,— закончил свою исповедь Крымов,— я дал себе слово: с Владиком все, конец!

Михеев улыбнулся и не удержался от того, чтобы не заметить собеседнику:

— Поздновато, конечно! Но, как говорится, лучше поздно, чем никогда... А сам он не пытался больше встретиться с вами?

— Пытался... Третьего мая рано утром Владик позвонил мне и с тревогой в голосе сообщил, что срочно хочет видеть, что есть чрезвычайные обстоятельства, побуждающие к тому. Но я резко оборвал его и сказал, что не желаю встречаться с ним. Через два часа я улетел в Сибирь.

— И вас не заинтриговал звонок Владика?

— Все, что касается Владика, теперь меня не интересует.

— Но ведь чрезвычайные обстоятельства могли касаться и вас. Вы не подумали об этом?

— Нет...

— А ведь обстоятельства действительно чрезвычайные, товарищ Крымов... Глебова-то нет в живых...

И Михеев рассказал обо всем, что случилось после той злополучной телеграммы. Он сообщал только факты. Разговор об этом впереди, и есть у него в этой связи вопросы к Сергею. Но Крымов, кажется, не сможет сейчас отвечать на них. Он оторопело посмотрел на Михеева, зажал лицо ладонями и тихо простонал: «Боже мой, что я натворил!» Сергей отчетливо представил, как рассвирепела Ирина, получив его телеграмму, и, вероятно, назло ему отправилась с Глебовым в горы...

Михеев внимательно наблюдает за Сергеем, старается успокоить.

— Ирине уже ничего не угрожает. Она в полном здравии вернулась в Москву, домой, и, если вам угодно, можно быстро получить с ней разговор. Желаете?

Сергей покачал головой: «Нет».

— Как угодно. А продолжение нашей беседы перенесем, видимо, на вечер. Вам надо прийти в себя.

— Нет, нет, не будем откладывать.— Крымов сказал глухо, не поднимая головы.— Я вас слушаю. Я готов ответить на все ваши вопросы.

— Скажите, пожалуйста, знал ли Владик о поездке Ирины, о том, что в пути она...

— Знал, все знал! — единым духом выпалил Сергей.

Сергей вспомнил день отъезда Ирины. На вокзале он встретил Владика, и тот, болтая с ним о том, о сем, будто невзначай стал расспрашивать о поездке Ирины к тетке. Теперь ему ясно: он сообщил об этом Глебову...

— Зачем? У вас есть какие-нибудь соображения на сей счет?

— Я уже говорил вам, что он сводня.

— Значит, желание удружить Глебову? Но ведь удар наносился другу детства? Так?

— Не знаю... Не берусь утверждать... Впрочем...

Сергей запнулся, задумался, посмотрел в окно, стал зачем-то протирать глаза и вдруг вскочил.

— Я не уверен, что это имеет отношение к делу — судите сами, но сейчас в памяти всплыл случайно подслушанный разговор: Владик и Василий не знали, что я слышу их, а мне ни к чему было давать знать о себе... Дословно я не помню, а суть такова — Владик напоминал Глебову, что от него ждут обещанной информации о докторе Рубине. Так и сказал: «Ждут».

— Когда был этот разговор?

— Сейчас, сейчас... Минуточку...

И тут же нахмурился — исключение из комсомола, из института раскололо его жизнь надвое: до и после. И, пытаясь вспомнить что-то, он всегда мысленно прикидывал — до или после? Так и сейчас. Вот он и уточняет:

— Это было незадолго до того, как меня исключили...

— Постарайтесь вспомнить: Дюк тогда находился в Москве?

— Да, Дюк был еще в Москве. Но его уже выдворяли из страны...

И еще один неожиданный для Сергея вопрос:

— Владик не говорил вам о своих родственниках, друзьях или подругах, живущих вне Москвы?

— Родственников у него нет. Друзей? Вне Москвы? Нет, не знаю... А по части подруг... Тут у него богатейшая коллекция. И в разных городах. Как поедет на курорт — в коллекции пополнение.

— Откуда это вам известно?

— Он любил хвастать своими мужскими победами. Самая последняя — врач из-под Курска. Владик несколько раз ездил к ней в гости.

— Это все, что вам известно о «коллекции»?

— Нет, еще Рита из Новосибирска. Он знакомил меня с ней в Москве. На ниве снабжения промышленности. В Моск-

ву она приезжала в качестве толкача от какого-то крупного завода.

— Какого?

— Не знаю.

— В какое министерство?

— Станкостроительной промышленности... Если мне не изменяет память...

Сергей уже не удивляется странным вопросам Михеева. Он помнил урок, преподанный ему в свое время Ключевым: «Здесь вопросы задавать буду я, а не вы...» И все же...

— Я знаю, это не полагается... Ключев однажды отчитал меня за «любопытность». И тем не менее не могу не спросить вас. Ирина в чем-нибудь виновата? И отчим ее... Вы в чем-то подозреваете его? И Ирину тоже?

— Видимо, Ключев мало чему научил вас... Придет время, и получите ответ на все вопросы. А пока извольте слушать и отвечать... Честно, правдиво... Все, что знаете, что помните...

И Михеев долго еще расспрашивал Сергея о Рубине, Владике, об Ирине, о их взаимоотношениях, о встречах Глебова и Захара Романовича. Для Михеева в рассказе Крымова, пожалуй, ничего нового не было. Разве только вот Ирина... Сергей не может ей простить: почему она сбила его с толку, когда Игорь Крутов предлагал поехать в Сибирь? Да, года два-три им было бы трудно. И ему, и ей. Но не случилось бы всего того, что затем наслоилось.

...Они провели вместе весь день. Михееву было интересно слушать Сергея — что думает этот молодой человек о жизни, о любви, товариществе, о стройке, журналистике. Михеев слушал его и думал: «Удивительно, как сконцентрировались в нем столь противоречивые черты — романтика, одержимость и подспудная, плохо скрываемая жажда всех благ жизни... Всех сразу. И любой ценой».

Сергей говорил сбивчиво, часто возвращаясь к прошлому. И тут же стал рассказывать, как Игорь познакомил его с человеком, который в глазах Сергея олицетворяет совесть партии, — со Строковым.

— У него в жизни много всяких обязанностей... Мелких и крупных, заметных и незаметных. Но есть у него одна обязанность, которую он исполнял и исполняет отличнейшим образом, — быть Человеком среди людей.

И, не будучи уверен, что Михеев по достоинству оценил глубину его мысли, повторил:

— Да, да, быть Человеком... Думаете, это легко?

И, не ожидая ответа, продолжал:

— До чего же головастый дядя... Я вас познакомлю с ним.

— А мы уже знакомы. Случай свел нас...

Крымов удивленно посмотрел на Михеева, но промолчал.

...Вечером Сергей, Игорь, Шалва и Строков собрались у Михеева в номере гостиницы. Говорили больше о делах стройки, о будущем города, который поднимется в тайге. Крымов и Строков, каждый в отдельности предупрежденные Михеевым — хранить в тайне разговор с ним, — теперь «дули на воду». Главным образом Крымов. Если, скажем, Крутов пускался в воспоминания о днях минувших, то Сергей тут же резко обрывал: «Да брось ты, Игорь, чего там вспоминать». И садился на любимого своего конька — экология. Это его последнее увлечение — видимо, не без влияния Ирины. Он носится с фантастическими идеями спасения лесов, рек и всего живого в них. Кому-то эти идеи, может, действительно покажутся фантастическими. А Строков в восторге. Он убежден в их реальности.

— А иначе катастрофа... Да, да, вы не улыбайтесь... Бывает, что ночью я просыпаюсь от страшного сна. Я вижу толпы изможденных людей, судорожно вдыхающих воздух, начисто лишенный кислорода... Я вижу толпы людей, пытающихся утолить жажду грязной водой. Это страшно!

Михеев слушает, наблюдает и с радостью отмечает неистребимый жар души седовласого Строкова. Уже почти решено — по делам, связанным с проектом очистных сооружений, Комитет народного контроля снаряжает Сергея Николаевича в Москву. Что же, значит, не придется его вызывать. А он потребует Бутову по делу Сократа, это уж Михеев знает доподлинно.

Что же касается Сергея, то тут, кажется, все ясно. Через несколько дней он вместе со Строковым вылетает в Москву. На стройке его удерживает лишь профессиональный журналистский долг. А всеми своими мыслями, тревогами он там, рядом с Ириной. «Что с ней, что думает о нем, как встретит его? Скорей бы...»

— Вот так, Виктор Павлович... Туман вокруг таинственной телеграммы, как видите, рассеялся, и тут же появилась еще одна дымовая завеса: Владик — Глебов — Рубин...

Михеев уже второй час докладывает Бутову о результатах поездки в Сибирь. Как ни старался он быть кратким, ничего не получилось. Впрочем, это уже идет от Бутова: слушает, молчит, внимательно следит за докладом капитана и вдруг:

— Позвольте, позвольте, Никанор Михайлович. Вы говорите — «еще одна дымовая завеса». А я целых две вижу, Никанор Михайлович. Одну из них вы точно определили: повышенный интерес Владика и Василия Глебова, подстрекаемого Веселовским, к персоне доктора Рубина. Тут, надо полагать, дело не только в эмоциях инженера. Не стоит ли кто-нибудь за спинами двух молодых людей, из которых один уже покойник? И вот дымовая завеса номер два: свидетельство Строкова. Почему Захар Романович скрыл от нас, что сам допрашивал партизана? Значит, не всю правду выложил, значит, что-то темнит...

Так в простом, казалось бы, деле доктора Рубина выявился ряд немаловажных обстоятельств, побуждающих контрразведчиков к настороженности.

Бутов узнал, на каком теплоходе совершал свой вояж Захар Романович. Был известен и порт его приписки. Полковник уже связался с коллегами из областного управления КГБ и попросил поинтересоваться: как прошел тот круиз? Сегодня получен ответ. В стамбульском порту теплоход задержался на сорок пять минут. Ждали пассажира, заблудившегося на стамбульском базаре. Фамилия пассажира — Рубин. Доктор. Москвич. Что же, такое бывает: заблудился, отстал от группы. Серьезного значения случившемуся тогда не придали. В официальных документах об итогах очередного рейса, среди всяких коммерческих, технических показателей и прочих итоговых данных, происшествию в Стамбуле посвящены две строчки машинописного текста. Возможно, что оно большего и не заслуживает, но Бутов счел нужным узнать подробнее об обстоятельствах, при которых доктор Рубин не смог вовремя выбраться из торговых рядов.

Виктор Павлович разыскал старосту группы туристов, в составе которой путешествовал Рубин, и сегодня соби-

рался побывать у него — вдруг да обнаружится какая-либо ниточка, пусть самая тонкая? Имеются у него еще кое-какие соображения по поводу взаимодействия с соседями, работниками другого управления КГБ, но об этом он должен посоветоваться с генералом.

— Садитесь, Виктор Павлович... Есть новости? Что Тропинин? Не нашли? Жаль, жаль... Затягивается, значит, поиск... Возможно, вам придется выехать на место. Но об этом — потом. Вам удалось найти старосту туристской группы? Отлично. Сегодня встречаетесь? Хорошо... Но сегодня объявился более важный источник информации. Рона прилетела в Москву. С делегацией каких-то врачей. Очень кстати. Не так ли?

— Думаю, что встреча с Роной поможет нам дальше потянуть ту самую нить... Я имею в виду протокол допроса Медички. Будем надеяться, что Рона сейчас скажет нам о Рубине нечто более важное, чем тогда, на допросе...

И они тут же стали детально обсуждать разные варианты взаимодействия с Роной. Стамбул — доктор Рубин. Прага — Глебов. Егенс — Рубин. Где связующие звенья? Есть ли они? Сложный многоугольник. Чем сможет помочь контрразведке Рона, какие вопросы поставить перед ней?

Рона — это та самая Оля-медичка, которая в свое время училась в московском медицинском институте. По заданиям шефа она вошла в семью советской молодежи, чтобы изучать ее настроения и наводить мастеров идеологических диверсий на подходящие «объекты», помогать в организации этих диверсий.

Медичку разоблачили и, когда она направлялась домой, на каникулы, задержали на границе, в Бресте. Оля во всем призналась, рассказала, как ее, девчонку, позарившуюся на легкую жизнь, на шальные деньги, завербовали агенты разведцентра, какие давали задания, чем интересовались. Призналась и помогла нашей контрразведке выявить все нити, которые связывали ее с хозяевами, с их человеком в Москве. Ольга поняла меру своей вины — и перед советской семьей доктора Васильевой, принявшей ее в Москве как родную дочь, и перед родителями, которые жили когда-то в России. «Они проклянут меня, когда узнают все, — говорила она на следствии. — В нашем доме всегда желанными гостями были антифа-

шисты, люди, близкие к компартии. Одна из подруг моей матери — коммунистка». Ольга не просила снисхождения. Она просила только об одном: «Я понимаю, что не смогу искупить своей вины, прошу лишь поверить мне, поверить, что я вам сказала правду...»

...Когда Медичку задержали, к ее родителям, ожидавшим приезда дочки на каникулы, ушла из Москвы телеграмма Ольги: «Задержалась выездом». А позже — из Минска еще одна телеграмма: «В пути заболела воспалением легких. Сняли с поезда. Все в порядке. Скоро буду дома. Целую. Ольга». И она вернулась домой.

В штаб-квартире разведцентра для Ольги уже была подготовлена подходящая работа: теперь ей сравнительно часто придется выезжать в разные страны...

Через год Ольга (Рона) оказалась в Женеве и сразу же дала знать о себе Якову, сотруднику КГБ, поддерживающему с ней связь. На «курорт», так зашифровывался штаб хозяев, приезжал русский человек по имени Георгий и передал координаты какого-то советского инженера, с которым он пытается установить контакт. Есть у этого инженера друг, время от времени выполняющий задания из-за рубежа. Фамилия и его точные координаты Роне пока неизвестны. И сообщить о нем может немного: он москвич, но сейчас переехал в Западную Украину, где работает на большой стройке. Рона продолжает сбор дополнительных сведений, но пока еще не располагает для этого необходимыми возможностями.

Попытка генерала Клементьева практически реализовать сообщение Роны в свое время не увенчалась успехом — неизвестно было даже где устанавливался контакт с инженером: в СССР или за рубежом? Слишком неопределенным был адрес «Западная Украина», «на какой-то большой стройке». К тому же советской контрразведке известно, как порой агенты типа Георгия ловко водят за нос своих хозяев из разведцентров, стараясь подороже продать «товар» весьма сомнительной ценности, выдумывая легенды о липовых «контактах», «письмах», «мемуарах», «стенограммах», «встречах с заслуживающими доверия людьми», подсовывая «липовые» адреса в Москве, Ленинграде. Может, и Георгий такой же ловкач?

Сравнительно недавно генералу стало известно, что Роне удалось заполучить кое-какие дополнительные ценные материалы, связанные с тем самым неизвестным инженером. Нити потянулись дальше, оказалось, что фигу-

ра номер один — это не инженер. В Москву собирается «курортный» зубр с каким-то важным поручением. К нему причастны и инженер, и его ближайший друг. Рона по делам своей официальной службы побывала в Англии, Турции, Чехословакии и выполняла там ряд заданий штаб-квартиры, а сейчас готовится к поездке в Москву и предпочла бы лично передать имеющиеся у нее сведения.

...Утром Ольга прилетела в Москву, а уже после обеда она звонила Якову.

— Здравствуйте, это Рона. Я в Москве и хочу повидать вас.

— Приветствую вас, Рона, на московской земле. Рад буду повстречаться.

— Когда, где?

— Завтра, в двадцать пятнадцать. Устраивает вас? Вы свободны?

— Одну минуту... Сейчас посмотрю наше расписание. Да, свободна. Где встретимся?

— У выхода из метро «Речной вокзал». Садитесь в первый вагон и сразу к выходу. Вы меня поняли?

...Вчера Бутов беседовал со старостой туристской группы Рубина, потом в министерстве встретился с капитаном судна, на котором совершал свой вояж Захар Романович, разыскал нескольких его спутников, и вот теперь лежит на его столе еще и микропленка — подробнейшее сообщение Роны, имеющее прямое отношение к операции «Сократ». Сообщение это, конечно, потребует дополнительных запросов. Но уже есть возможность сопоставлять, анализировать и на основе «археологических раскопок» воссоздать хотя бы приблизительную картину давно минувших событий.

«НАНДОР И К°»

...В погожее августовское утро советский лайнер с турецким лоцманом на капитанском мостике вошел в Галатскую гавань. Рассекая предутренний туман, судно пришвартовалось к причалу стамбульского порта. Послышались знакомые пассажирам команды капитана и отклик старпома.

Солнце только-только взошло, и в неярких лучах его

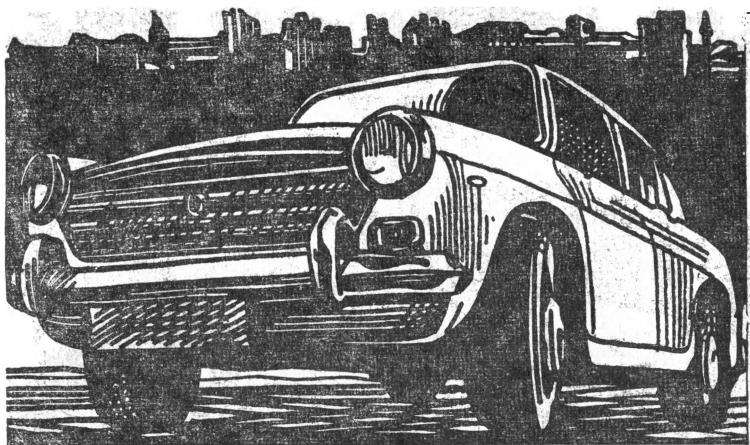
древний город, широко раскинувшийся по обоим берегам Босфора, казался сказочным. На теплоходе уже давно все бодрствовали — таков удел туристов: два часа назад вместе с лоцманом на борт судна поднялись пограничники, полицейские, таможенники, представители санитарной и ветеринарной служб. Они уже закончили свои дела, всегда вызывающие известную нервозность, даже тогда, когда для этого нет никаких оснований. И пока в салоне первого класса итоги осмотра фиксировались в судовых документах и скреплялись росписями, печатями, туристы высыпали на палубу.

Получив паспорта, пассажиры спустились на набережную и заняли свои места в уже давно ожидавших их автобусах. Автобусы сразу же влились в поток легковых машин на нешироких и кривых улицах древних кварталов города. Традиционный туристский маршрут! Квартал Фенер с подворьем вселенского патриарха — в свое время здесь были дома крупных греческих купцов, банкиров, ростовщиков, а теперь ютится греческая беднота; квартал Энинею, где в эпоху султаната находилась «Блистательная порта», — правительственные здания, памятники средневековой византийской архитектуры. И самый примечательный среди них — храм Святой Софии: десять тысяч человек строили его пять лет. Туристы слушают гида, всматриваются в пестрые улицы, в непривычный облик людей, и никто, конечно, не обращает внимания на изрядно потрепанный «ситроен», «прилепившийся» к автобусам еще на набережной.

За рулем этой машины — Сабир. Рядом с ним — напарник, Керим. У гида — работа. У них — тоже. Каждый по-своему зарабатывает на жизнь. Сабир и Керим выезжают на встречу гостей из СССР, как на службу. В общем-то служба эта немудрящая — по пятам следовать за советскими людьми, сошедшими на берег. Не имеет значения — кто они: туристы, матросы, специалисты, прибывшие в служебную командировку, или люди, приехавшие в гости к родным. Но у всех у них советский паспорт, и этого вполне достаточно, чтобы Сабир и Керим на своем «ситроене» ринулись на поиск «добычи». Механика поиска отработана до автоматизма — найти любой повод, чтобы вступить с гостем в разговор, постараться установить контакт, если надо, то и слезу пустить: «Такая тоска по родине, по земле отцов и дедов, да благословит ее аллах! По воле судьбы мы вынуждены мыкать горе на чужбине».

Затем следует монолог «доброжелателя», на всю жизнь сохранившего в своем сердце любовь к советской земле. Но вот «очевидцы» рассказывают, что... Сабир и Керим говорят тихо, вкрадчиво, мягко, осторожно: «Вы многое не можете знать... От вас скрывают... Вот возьмите». И суют какие-то брошюры, листовки, памятки. Это всегда при них. Но все труднее и труднее сбывать «товар». Один швырнет листовку в лицо и отругает, другой возьмет и тут

же молча бросит ее, а иные шарахаются от них, как от зачумленных. Год от года дела идут все хуже — надежды хозяина на возможность установить контакты с советскими людьми в Стамбуле рушатся, вербовочная работа проваливается. Ничего не получается и со сбором информации об СССР — расчеты на не в меру подвыпившего моряка торгового флота или гуляки-туриста не оправдывались.

Когда Сабир с Керимом пускали горькую слезу по поводу тяжелой жизни на чужбине, они не очень были далеки от истины. В начале войны Сабир и Керим дезертировали из Красной Армии. Служили в карательных отрядах СД. После разгрома гитлеровской Германии бежали в Западную Германию, где быстро нашли новых хозяев. В специальной школе их обучали правилам поведения разведчика после высадки на чужую территорию, искусству вести военный и экономический шпионаж. Сабир и Керим были безмерно счастливы, когда узнали, что их не забросят на территорию возможного противника, так иногда инструктор называл Советский Союз. Их отправили в Стамбул, под «опеку» хозяина лавки на базаре...

В свое время, в Мюнхене, Сабир познакомился с каким-то русским человеком — не то Каризовым, не то Чаразовым, — судьба которого сложилась так же, как и его, Сабира. Новый знакомый много говорил о великом при-

вании «освободить Россию от ига коммунистов», о существовании «патриотической», «свободолюбивой», «независимой» организации. Но после второй бутылки вина «русский патриот» честно признался: «Мы оба, дружище, работаем на одного хозяина и получаем деньги из одной и той же кассы». И еще узнал Сабир, что его мюнхенский «друг» с подложным паспортом польского коммерсанта был в свое время направлен в Голландию, чтобы там, в порту, заниматься тем же грязным делом, каким он, Сабир, занимается в Стамбуле.

Но как долго они смогут, по словам Керима, «ходить по канату»?

Работа их теперь уже далеко не безопасна. Не только потому, что в любое время может разразиться страшный скандал с липовыми донесениями. Если бы только это! Два дня назад Сабир выследил группу моряков, сошедших на берег с советского торгового судна. Он знал, что теплоход этот приписан к Одессе, — значит, бывает и в Севастополе, и в Ялте. Родимые крымские края. Познакомился с моряками, разговорились. Сабир поведал о своей горькой судьбе, стал расспрашивать про Одессу, Крым, про Ялту. «О, пусть аллах возьмет у меня десять лет жизни только за одно мгновение ступить ногою на крымскую землю». Один из матросов оказался родом из Алушты и охотно рассказывал о Крыме. Далее все шло по давным-давно отработанной методике. «И все же вы не все знаете, братцы... Вот возьмите. Очень почитать интересно». Каждому из трех моряков Сабир вручил книжечку, где на листочках папиросной бумаги было написано много всякой антисоветской пакости. Морячки, не проронив ни слова, с непроницаемыми лицами приняли книжечки, на ходу полистали их, а когда зашли в какой-то тихий безлюдный переулочек, остановились, сунули книжицы в карманы и так отдубасили Сабира, что и сегодня его правая рука еще не действует. А тот, что из Алушты — косая сажень в плечах, с кулаком-кувалдой, — стукнул его по носу, Сабир рухнул на землю, и по асфальту потекла струйка крови...

В невеселых раздумьях о своем житье-бытье, Сабир и Керим следовали за автобусами с советскими туристами. Время от времени Керим, незаметно для Сабира, поглядывал на синяк, украсивший лицо друга, но ни о чем не спрашивал. Ему и так все ясно.

Они «отработали» новый — так им казалось — прием:

провокация на спекуляции валютой и скандал, с угрозой вызвать полицию. Случалось, что кое-кто из так называемых барахольщиков и попадался. Вот и сейчас они больше всего рассчитывали на такую провокацию.

В последнее время шеф — глава обосновавшейся на базаре фирмы «Нандор и К°» — все чаще повторял: «Теперь уже нет большой пользы от того, что всучишь кому-то из советских граждан брошюрку или листовку. Не верят им!» Перемена курса была вызвана еще одним важным обстоятельством — ожидался приезд инспектора из штаб-квартиры. И господин Нандор требовал активных действий. Он лично инструктировал своих подчиненных. Прежде всего, найти (он выражался более цинично — «учуять») среди советских граждан людей падких на тряпье, транзисторы, магнитофоны, красивые восточные сувениры.

— Я знаю, таких учуять нелегко, — говорил Нандор. — А за что же вам платят деньги? Если не можете, убирайтесь к чертям собачьим, идите работать в каменоломни, — распалялся хозяин, переходя на крик. Но, накричавшись вдоволь, он снова, уже более спокойно, начинал поучать, словно читал лекцию.

— Когда субъект, отвечающий вышеуказанным требованиям, окажется в поле вашего зрения, вы находите повод, пусть даже самый пустяковый, для провокации... Действовать надо молниеносно, чтобы гость не успел прийти в себя, что-то сообразить, прикинуть... Старайтесь запугать его, создайте такую обстановку, которая показалась бы ему безвыходной. И тут вы появляетесь на сцене в роли друга, спасителя, доброжелателя. «Я тоже советский человек, — восклицаете вы, — хотя и заброшен судьбою на берега Босфора». Вы считаете своим долгом спасти соотечественника. И совсем за ничтожную плату. Да, да, вы знаете, что у него нет валюты. Ее и не потребуется. Потребуется малозначащая информация, которую вы хотели бы в порядке дружеской помощи передать своему родственнику, работающему над книгой об СССР... Фантазии, больше фантазии, господа! — призывал Нандор, не желая признаться даже самому себе, сколь стандартны его советы. — Наша работа — это творчество, высокий полет мысли, изобретательности и деликатности. Мягко, тонко вы намекаете о возможности конспиративных связей. Каким способом? Пусть это не волнует вашего «друга», вы гарантируете абсолютную безопасность. И, разу-

меется, солидный гонорар. «Если вам будет угодно,— скажете вы,—мы откроем на ваше имя счет в Швейцарском банке».

Господин Нандор добросовестно излагал программу, преподанную ему в штаб-квартире. Там возлагали большие надежды на фирму «Нандор и К^о»: хорошее прикрытие нелегального разведцентра. Но прошло достаточно много времени, пора бы уже получать проценты на вложенный капитал. Между тем, пока зафиксированы одни только убытки. А в штаб-квартире теребят господина Нандора — где координаты будущих агентов?

Вчера вечером Нандор пригласил к себе в кабинет Сабира и Керима. Разыгралась сцена почти по Гоголю. Он сообщил, что в ближайшее время к ним с инспекторской миссией пожалует представитель штаб-квартиры господин Егенс.

Экипаж потрепанного «ситроена» почтительно внимал голосу шефа — высокого, плотного мужчины, с мясистым носом и бульдожьими челюстями: его так и называли — бульдог. Нандор пребывал в мрачном настроении и потому говорил язвительно.

— Смею заранее предупредить вас, господа, благодарности нам не объявят, премий не дадут. Простите, — и он широко развел руками — не за что! Что? Вы хотите говорить, Сабир? Я вас слушаю...

Сабир робко заметил, что они работают в поте лица, но такова воля аллаха — иноверцы отворачиваются от них...

— А о нас с вами будут судить, господин Сабир, не по тому, сколько трудов мы потратили. Результаты! Результаты! Где результаты — спрашиваю я вас, что мы можем предъявить, кого нам удалось завербовать? Адреса так называемых «надежных людей»? Благодарю покорно! Мы можем забавляться этой игрой здесь, в Стамбуле, но я не смею водить за нос господина Егенса. Это весьма суровый господин...

Наступила тягостная тишина.

— Есть только один выход — сделать в ближайшие дни все возможное и невозможное для того, чтобы установить с русским человеком такой контакт, после которого можно быть уверенным: этот будет работать на нас. Я еще раз хочу напомнить вам — не разбрасывайтесь. Ищите, выбирайте. У вас должен быть нюх гончей. Помните, штаб-квартиру интересуют в первую очередь ученые,

люди, имеющие доступ к источникам самой различной информации, представители так называемой творческой интеллигенции. Вы читаете английскую, американскую прессу, я выписываю ее специально для вас. Вы знаете не хуже меня, где участок наиболее благоприятного прорыва, в какой среде легче найти недовольных. Действуйте не растопыренными пальцами, а умно, целенаправленно. Я все сказал, господа. — И, о чем-то подумав, многозначительно добавил: — Хочу предупредить — мы рискуем оказаться за бортом, а там... Вы не хуже меня знаете, что значит для нас оказаться за бортом.

Плечи «бульдога» вяло опустились, и, не глядя на собеседников, он сказал голосом, звенящим от злости:

— Спокойной ночи, господа, приятных сновидений.

...Автобусы подкатили к Святой Софии. Поблизости, за углом, остановился и «ситроен». Керим и Сабир незаметно влились в толпу туристов. Гид, красивая смуглая девушка в ярко-зеленом платье, неплохо владела русским языком. Она бойко рассказывала про уникальный мраморный пол, мозаику, про облицованную бронзой мраморную колонну желаний: в одном месте бронза пробита, и в мраморе образовалось небольшое углубление. «Это от прикосновения пальцев, — улыбается девушка. — Легенда гласит: прикоснись — и исполнятся твои желания».

Путешествуя по Стамбулу, экскурсанты вели себя по-разному. Одни внимательно слушали, с наслаждением погружаясь в глубь веков. Другие спешили запечатлеть себя и своих спутников на фоне храма, мечети или крепостной стены и в поисках съёмочной точки иногда отбегали в сторону. Вот эти, другие, и привлекали внимание экипажа «ситроена». Сабир сразу нацелился на лысого человека с красивым, энергично вылепленным, далеко не молодым лицом, волевым подбородком и тонким носом с горбинкой. В руках он держал кинокамеру, на шее висел фотоаппарат с телеобъективом. «Ему, пожалуй, за шестьдесят», — наметанным глазом определил Сабир, решив почему-то, что перед ними или актер или ученый. «Лысый», теперь он прикрыл голову кремовой кепкой, присел на корточки и, как заправский фотокорреспондент, старался захватить в кадр мечеть Алтын со всеми ее шестью минаретами. Потом минуту-другую послушал гида и снова отошел от группы, осматриваясь по сторонам.

Можно было подумать, что он кого-то или что-то ищет. Кого, что? И ищет ли? Сабир и Керим вспомнили наставления Нандора — искать, выбирать, действовать...

Автобусы подкатили к базару. Гид три раза хлопнула в ладоши и объявила: «Я прошу всех подойти поближе и не отдаляться от группы. Здесь легко заблудиться и отстать. Сейчас мы с вами осмотрим один из самых знаменитых базаров Востока».

Шумит, гудит, звенит пестрый многоязычный стамбульский базар, переливаясь всеми цветами радуги. Словно магнит притягивает покупателей этот город в городе. У него свои законы, традиции, обычаи, свой облик «улиц» и их «жителей». Это лавина диковинных фруктов и разноцветных фесок, чеканка по металлу, шитье золотом, изделия мастеров, чье великолепное искусство передается из поколения в поколение. «Лысый» оказался в самом хвосте туристской группы и, пожалуй, чуть дольше, чем его соотечественники, задерживался то у витрины магазина, то у груды товаров, разложенных прямо на земле или на прилавках.

Здесь, на базаре, у каждой витрины — своя манера зазывать покупателя: «Посмотри, дорогой, купи, дорогой!» А эта, пожалуй, выделялась среди всех других сочетанием европейской строгости, даже некоторой чопорности, с азиатской пестротой. А может, это все показалось «лысому» — магазин расположен на бойком месте, недалеко от центральных ворот базара, потому и привлекает. Так или иначе, недолго потоптавшись у входа, турист решительно переступил порог магазина с яркой вывеской: «Нандор и К°». А чуть ниже: «Здесь говорят на английском, немецком и русском языках».

В тот момент, когда иностранный турист, к тому же еще из СССР, появляется в торговом зале, закулисная машина начинает действовать. Все причастные к хозяйству Нандора уже знают — как и что им надлежит делать.

Керим спешит к черному ходу. Кабинет шефа имеет два входа: один парадный, прямо из торгового зала, другой неприметный, известный лишь посвященным. А Сабир остается на улице. Рядом с ним некто в ярком мундире, напоминающем форму местной полиции. Это не полицейский, а швейцар, но у Нандора свой расчет.

Через витрину и настежь открытую дверь Сабир видит, как навстречу «лысому» услужливо, чуть склонив голову

набок, с улыбкой семенит продавец Яфи. У него удивительно наметанный глаз, у этого Яфи. Он видит и покупателя, и Сабира, незаметно подающего сигнал. Яфи знает, что означает этот сигнал: «Принять по высшему классу, не торговаться, и если вещь понравится, то можно продать и за бесценок».

Яфи владеет несколькими языками. Нандор только таких берет на работу. Яфи может объясняться и по-русски, но по соображениям тактическим знания русского языка остаются в резерве. А пока установив, что с помощью немецкого языковой барьер будет снят, Яфи приступил к исполнению своих обязанностей. О, это был вдохновенный певец — иначе не назовешь, так виртуозно он выкладывал перед туристом заморские ткани, восточные миниатюры, сувениры, невиданной красоты четки. Он изгибается, жестикулирует, говорит о товаре так, словно читает стихи. Даже когда монолог сменяется диалогом и покупатель, выбрав сувенир, считает, что цена слишком высока, продавец сумеет убедить: таких низких цен, как у «Нандора и К⁰», нет на всем стамбульском базаре. Наконец, наступает пауза. Продавец и покупатель вопрошающе смотрят друг на друга, и Яфи угадывает то мгновение, когда пора сделать жест, означающий — «хорошо, согласен, берите». «Лысый» достал из бумажника советский десятирублевый банкнот. Вот, оказывается, о чем они вели диалог: согласен ли Яфи принять советские деньги? «Лысый» получил четки, уложенные в обтянутую красным бархатом коробочку, а в придачу подарок фирмы — миниатюрный макет храма Святой Софии. И еще какую-то безделушку. Сунув все это в карман, турист вышел из лавки и, оглядываясь по сторонам — где его спутники, — направился к главному выходу. Он не сделал и ста шагов, когда к нему подошли Сабир и нандоровский швейцар. Сабир вежливо поклонился и сказал — тут уже в ход пошел русский язык:

— Мы вынуждены задержать вас, господин. Вы украли в магазине...

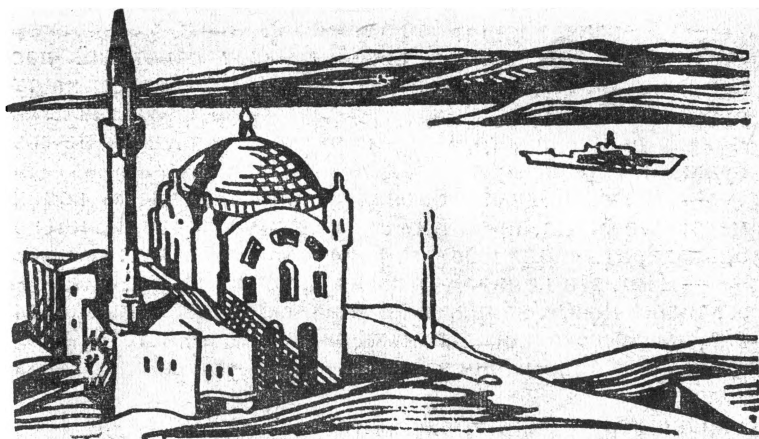
«Лысый» резко прервал Сабира, стал возмущаться, потом лепетал что-то несуслазное, побледнел, лоб покрылся бисеринками пота, глаза округлились. А Сабир все так же любезно продолжал:

— Зачем возмущаться, господин. Пройдемте с нами, мы сейчас все выясним, уточним. Аллах справедлив и мудр.

И задворками они привели «лысого» в кабинет господина Нандора. Русского туриста уже ждали здесь. Нандора легко было принять за полицейского комиссара. Он был изысканно вежлив, говорил негромко, но с достоинством человека, наделенного властью.

— Садитесь... Сигару? Сигарету? Не надо волноваться. Сейчас мы вызовем потерпевшего. Я допускаю, что он напрасно поднял шум.

Нандор набрал какой-то номер телефона, сказал несколько слов, и минут через пять в кабинете появился Яфи. Когда Яфи показал советский банкнот, хозяин накинулся на него с кулаками. Продавец положил банкнот на стол и стал объяснять:

— Видит аллах, господин русский не вор. То есть он формально не вор. За купленную вещь уплачено столько, сколько полагается. Но уплачено советскими деньгами, которые... Я не хочу обижать господина русского, но по нашим законам... О, пусть покарает меня аллах, если я не хотел сделать приятное покупателю... Это священный долг продавца. И я не виноват, что господина сейчас привлекают за воровство. Перед мудростью закона все падают ниц.

Яфи говорил не переводя дыхания, пока его решительно не прервал Нандор. Можно уже кончать представление: лежавшие на столе сувениры, десять советских рублей, спорящие Нандор, Яфи и «лысый» — все это уже зафиксировано кинокамерой, записано диктофоном. И теперь Нандор переходит к завершающему этапу операции.

— Что скажете, уважаемый господин?

Турист уже давно потерял дар речи, он сидел подавленный, растерянный, не зная куда девать свои дрожащие руки.

— У вас есть при себе документы?

Нандор неторопливо перелистывает советский паспорт, внимательно смотрит на фотографию, потом на туриста. Так повторяется два-три раза — профессиональная манера полицейского. Все в порядке. Но паспорт не возвращает. Кладет его на стол перед собой.

— Вы свободны! — объявляет шеф. «Лысый» поднимается со стула, протягивает руку к паспорту, хочет поблагодарить «полицейского комиссара», и вдруг:

— Нет, это не к вам относится, господин. — И, окинув взглядом Яфи, Сабира, швейцара, еще двух каких-то типов, неизвестно когда появившихся в кабинете, Нандор резко, уже тоном приказа, повторяет: — Я, кажется, сказал ясно...

Они исчезли бесшумно, словно их ветром сдуло. В кабинете остались двое, с глазу на глаз — Нандор и «лысый».

...А Керим тем временем наблюдал, как туристы, вернувшись с базара, толпились у автобусов, тревожно оглядываясь по сторонам, о чем-то шептались. Двое отделились от группы и отправились на базар. Вернулись ни с чем. Туристы, посматривая на часы, еще минут пять ожидали исчезнувшего товарища, потом сели в автобусы и отправились в порт, сопровождаемые все тем же потрепанным «ситроеном».

Уже прошел тот час, когда судно по расписанию должно было отчалить, а капитан все не отдавал приказа: «Поднять якоря!» Он терпеливо ждал, хотя знал, сколько всяких неприятностей сулит это опоздание. И вдруг кто-то из пассажиров, разглядывая набережную в бинокль, радостно воскликнул: «Идет!» Слово «идет» в данном случае не совсем точно выражало способ передвижения туриста: запыхавшийся, бледный, на ходу вытирая платком потное лицо, он бежал, казалось, из последних сил.

Тяжело дыша, он проследовал на первую палубу, и тут же был поднят трап. И вот уже между бортом советского теплохода и турецким причалом легла полоса босфорской воды. Корабль осторожно разворачивался, чтобы лечь курсом в Мраморное море.

...Керим долго стоял на берегу, тоскливо провожая судно, приписанное к Одессе, городу, в котором он весело пожил в годы войны, когда верно нес службу фашистского полицая.

ИНСПЕКЦИЯ

Егенс прибыл в Стамбул вечерним экспрессом. Как было заранее условлено, справа от главного входа на стоянке его ждал «ситроен». За рулем сидел Нандор. Он даже не повернулся, когда гость открыл дверцу машины: вокзал не лучшее место для взаимных приветствий.

С вокзала Нандор повез Егенса в отель «Хилтон», где был заказан номер-люкс. По дороге они уточнили время встречи. Условились, что вечером у подъезда отеля гостя будет ожидать Сабир за рулем «ситроена».

...После окончания юридического факультета Егенс мечтал о собственной конторе, богатой адвокатской практике, славе, больших деньгах, знаменитых судебных процессах, о которых потом будут говорить: «О, его защищал сам господин Егенс». Увы, все сложилось совсем не так, как рисовало пылкое воображение молодого адвоката. Вскоре после защиты диплома Егенса пригласили на пятый этаж ничем не примечательного дома на тихой зеленой улице. Дом этот мало отличался от других современных многоэтажных зданий, заселенных служилым людом. Никаких вывесок. Стандартный подъезд, стандартный вестибюль с швейцаром и лифтером. Егенс терялся в догадках, зачем его просят зайти в одиннадцать часов утра к господину, фамилия которого ему ни о чем не говорила. Господин этот принял новоиспеченного юриста весьма любезно. Вначале говорили о разных разностях, потом Егенсу было задано несколько вопросов, обычных при встрече двух незнакомых людей, один из которых собирается как-то определить свое место в жизни. И, наконец, последний, конкретно поставленный вопрос — как относится господин Егенс к тому, чтобы начать свою дружбу с Фемидой под опекой весьма ответственной службы, обеспечивающей безопасность государства? Егенс растерялся, пробормотал что-то невнятное об отсутствии опыта, знаний, особенностях своего характера, воспитания, о своих склонностях. Собеседник внимательно слушал его, потом поднялся с места и довольно резко сказал:

— Выкиньте всю эту чушь из головы! Ваш покойный батюшка, владелец крупного универмага, в свое время говорил нам примерно то же самое.

Среди многих слов, сказанных суровым господином,

слова «контрразведка» не было. Молодой смысленный юрист мог только догадаться, что речь идет именно о ней.

— Ваша работа будет связана с обеспечением безопасности нашего государства... Это очень почетно, вы будете уважаемым человеком в обществе. Материально вас хорошо обеспечат...— Он улыбнулся и добавил:— Трудно сказать, что было главной статьей в доходной части бюджета вашего покойного батюшки — универмаг или сотрудничество с организацией, которая сейчас столь благосклонно обратила на вас свое внимание.

Егенс снова повторил, что не имеет необходимого опыта, но собеседник прервал его:

— О, нет, эта работа вам по плечу. Поверьте, это ваш профиль. Вы же юрист. Работа, о которой идет речь, требует тонкого знания законов. И нашей страны и других государств. Вы хотите подумать? Это делает вам честь. Мы не станем вас торопить. Подумайте.

...Несколько лет Егенс трудился в отделе, который следил за местной компартией, членами ее Центрального комитета. На шестой год при очередной аттестации в формуляре Егенса появилась запись, суть которой сводилась к следующему: приобретен хороший опыт по борьбе с компартией, ее людьми, их попытками завоевывать массы; способен самостоятельно анализировать оперативные документы; конспиративен; физически развит; связи благонадежны; свободно владеет тремя языками, в том числе русским.

Пройдет время, и Егенс из контрразведки переведут в разведуправление. Теперь перед ним один противник — Советы, Кремль...

Первые четыре года он работал в Москве в посольстве. Это была отличнейшая практика, и начальство осталось довольным, хотя никаких ощутимых результатов труда господина Егенса не дали. Но он, как это было зафиксировано в аттестационном формуляре, приобрел в Москве богатый опыт по установлению контактов и собиранию сведений из вполне легальных источников. С помощью коллег — прикрытые у них было иное, чем у Егенса, — он учился покупать (когда за доллары, а когда за бутылку шотландского виски) слухи, сплетни, анекдоты, всякую словесную солянку, в которой нет-нет да и всплывала ценная информация. Он учился искать молодых, так называемых «интеллектуалов», «бунтарей», которые на проверку оказывались падкими на даровую выпивку и за-

куску. Он присматривался к работе своих многоопытных коллег — одни из них располагали корреспондентскими билетами, другие — полномочиями какой-то фирмы, акционерного общества. Егенс примечал, как иной его коллега, оказавшись в компании советских людей, начав со скабрзных анекдотов, перескакивал на политические анекдоты из жизни своей страны. А потом переходил к разговорам о советской политике. Егенс научился действовать в обществе русских мягко, деликатно, доброжелательно и осторожно. Разговор он начинал с того, что является поклонником таланта русского народа, и тут же вскользь ронял несколько слов о таланте своего собеседника, одаренного, гениального (инженера, врача, ученого, геолога, физика).

— Но, увы, в вашей стране таланты не награждают по заслугам, их не ценят... Я понимаю — плановое хозяйство, коммунистическая сознательность. Но согласитесь, нужен стимул. Вы не обижайтесь и не говорите тривиальных слов о том, что все сказанное мною есть пропаганда, но сила капиталиста, частного предпринимателя заключается прежде всего в том, что он оценивает талант, инициативу не только словом. Он платит деньги, какие никому из вас и не снились. За изобретение господина Н. у нас уплатили бы...

Он перенял у давнишнего своего шефа манеру не договаривать, надеясь на сообразительность собеседника. А среди них попадались разные. Егенс и этому научился — подбирать подходящих, с его точки зрения, людей. Правда, тут бывали и серьезные просчеты. Но что поделаешь? Издержки...

Перед отъездом Егенса в Москву шеф нацеливал его на «околотворческую» интеллигенцию — непризнанных «гениев» с болезненным самомнением, завистливых, обиженных, которые считают хорошим тоном быть чем-то недовольными. Но в Москве все оказалось куда сложнее. Неудача следовала за неудачей. Хотя кое-кто, захмелев, согласно кивал головой: «Да, вы правы, господин Егенс». Но были и такие, что, выслушав монолог Егенса о частной инициативе, вдруг спрашивали:

— Вы уже успели ознакомиться со всеми достопримечательностями Москвы?

— Нет, конечно, но я очень многое видел и восхищен. Изумлен. Москва — это есть прекрасный город...

— А вам не показывали большое здание на площади

Дзержинского, не говорили о тех, кто в нем работает?

Егенс кисло улыбался, пытался отшутиться, а собеседник, не подав руки, удалялся.

...Прошли годы, и Егенс уже слыл «кремлевведом», знатоком России. Теперь он действовал с иных плацдармов, с территорий разных стран, появляясь в Советском Союзе то с паспортом канадского промышленника, то в качестве представителя какой-то новозеландской торговой фирмы. В Москве он бывал наездами. Шеф требовал: «Вы должны видеть Россию такой, какой она есть сегодня, вам нельзя отставать от прогресса Советов, иначе легко сбиться на неверную дорогу. Мы с вами, Егенс, должны быть реалистами и всегда держать руку на пульсе... Произведения наших антикоммунистов — это не для нас с вами. Мы должны руководствоваться своим собственным объективным анализом».

Егенс, вернувшись из Москвы, как-то сказал шефу: «Не верьте легендам о легионах молодых бунтарей. Миф! Ничтожная кучка. А легионы — это молодые люди, одержимые идеей построения коммунизма. Поверьте, наши отечественные «новые левые» с их проповедью непримиримости личности и общества, с призывами Даниэля Кон-Бендита «Долой авторитеты!» куда взрывоопаснее». Шеф не гневался. Он делал свои выводы: тем важнее находить в России этих одиночек-бунтарей и поддерживать их... Тем важнее создать видимость целого движения. «Ищите их, господин Егенс, среди обиженных и не обиженных, молодых и не молодых. Пусть вас не смущает, что пока это только искра».

Егенс не спорил с шефом, но мало верил в успех. По крайней мере до сих пор его разведывательная деятельность против Советов не дала таких результатов, о которых можно было бы говорить всерьез. Однако все это не помешало ему получить хорошую служебную характеристику. И не потому, что хозяева были либерально настроены. Нет, они все видели, все понимали и трезво оценивали. Но у людей, которым служил Егенс, существовал свой подход к оценке работников. У Егенса не было провалов: жирный знак плюс. Он умел вовремя что-то подсказать, посоветовать, назвать подходящего человека, навести на след — и в его досье появилось еще несколько плюсов.

Конечно, он мечтал о большой законченной операции с многообещающими результатами. Но, увы, не получа-

лось. Егенса это огорчало, однако лишь в той мере, в какой он опасался за свое будущее. Во всяком случае, разведчик отнюдь не испытывал угрызений совести по поводу бесплодно затраченных долларов, франков и фунтов стерлингов. На сей счет у него была своя философия, сводившаяся примерно к тому, что деньги не пахнут и с худой овцы хоть шерсти клок. За его «смелостью» в оценках истинного положения дел в России, за его так называемыми реалистическими позициями скрывались выгодные для него соображения: пусть не обольщаются в своих надеждах, пусть не рассчитывают на богатый улов...

Что касается высоких идей, то они для Егенса были категориями преходящими, ценность их определялась очень утилитарно — самая прогрессивная идеология та, которая дает наибольший дивиденд. Он готов служить черту, дьяволу, сионизму, буддизму, христианству, мусульманству, капитализму — только платител!

...Егенс рассматривает в зеркало свое стареющее лицо и мысленно прикидывает, что даст ему инспекция хозяйства Нандора: стоит ли учинять разгром, или нужно только слегка приструнить, дать понять, что штаб-квартира недовольна низким коэффициентом полезного действия — так выразился шеф. Егенс передаст его слова, выскажет ряд конструктивных соображений, о которых потом можно доложить в штаб-квартире. Пожалуй, это выгоднее. Но что он предложит Нандору, с которым его связывают годы совместной работы? Что скажет ему? Низкий коэффициент полезного действия... Только ли у Нандора?

...С шумного проспекта, залитого светом реклам, они свернули в безлюдный переулок и оставили «ситроен» на стоянке. Минут семь-восемь шли пешком. Молча. Не глядя друг на друга. И только когда переходили улицу, Сабир говорил «разрешите» и почтительно брал Егенса под руку. Через узкую калитку — Егенс никогда бы сам и не приметил ее — они проследовали на территорию базара, к стоявшему особняком зданию. Хозяин ждал гостя у главного входа.

— Я рад вас приветствовать, господин Егенс! Прошу...

— Как дела идут, господин Нандор?

Нандор насторожился:

— Какие?

Егенс дружески похлопал хозяина по плечу.

— Куда спешишь, старина? О главных мы на ходу говорить не будем...

Осторожно прощупывая намерения гостя, хозяин проводил его в свой кабинет, где, кажется, каждый звук поглощался дорогими коврами.

Керим вкатил столик на колесах — сок манго, ананас, вода со льдом, поджаренные бананы, кофе, коньяк. Коньяк был армянский — Нандору известны вкусы Егенса: когда он рассказывал о своей службе в России, то казалось, что из всего московского самое сильное впечатление произвел на него армянский коньяк. Выпив рюмку за благоденствие дома Нандора, Егенс удобно расположился в мягком кресле и всем своим видом говорил, что весьма признателен хозяину за радушную встречу.

— Значит, так мы и живем, старина! Рад за тебя...

— Да, пока живем, — как-то неопределенно и не без подтекста ответил Нандор.

Наступила пауза. Каждый из собеседников что-то обдумывал, предпочитая вступить в игру вторым. Наконец, Егенс понял, что начинать придется ему, и объявил:

— Я приехал, чтобы кое о чем сообщить тебе, старина, и кое-что узнать. Сенсационных новостей не жди, но могу сказать следующее — нас систематически знакомят со сводками аналитического управления Ленгли. Сводки, правда, куцые, однако, судя по ним, все более отчетливо прослеживаются наши известные успехи в получении информации о Советском Союзе с помощью технических средств. Я имею в виду данные радио и космической разведки, поступающие к нам после тщательной обработки материалов искусственных спутников Земли типа «Самос», «Дискаверер». Я имею в виду круглосуточные перехваты советских радиоизлучаемых средств — на земле, в воздухе и на море. Обработка этих перехватов позволяет нам получить достаточно обширный фактический материал о потенциальных возможностях Советов.

Но тут Егенс улавливает плохо скрываемую улыбку на лице Нандора и умолкает. «Эту хитрую лису не проведешь. Он почтительно слушает меня, а сам думает: «Крик петуха еще не делает рассвета. Не трать зря времени, Егенс. Я все это без тебя знаю. Переходи к делу». Ну, что же, изволь — глотай пилюлю!» И Егенс продолжает все в том же наставительном тоне:

— У нас нет серьезных успехов на главном направлении — агентурное проникновение в Россию через самих

русских. Некоторые надежды шеф возлагал на господ из НТС. Иногда им кое-что удается. Но чаще они оказываются большими мастерами пускать мыльные пузыри. Под своих мифических агентов в России, которые якобы ведут большую подпольную работу, они получают огромные гонорары. А на поверку — пшик. Прости, старина, я не хочу тебя ставить рядом с этими «освободителями» России. Но штаб-квартира поручила мне оценить деятельность фирмы «Нандор и К°» именно с этих позиций. Мы много лет с тобой работаем вместе. Однако я не смею во имя дружбы пренебречь... Ты меня понял, Нандор? И не обижайся... Я с добрыми намерениями...

Он поднялся с места, подошел к Нандору и положил руку с длинными тонкими пальцами на широкую, сейчас полусогнутую его спину. Егенс заранее обдумал, как и что он скажет старому другу. Он старался говорить спокойно, чтобы голос звучал мягко, дружелюбно. Но сорвался — не мог скрыть глухого раздражения. Нандор это почувствовал. Он слишком хорошо знал нравы штаб-квартиры и цену дружбы в этом мире, чтобы всерьез принимать слова Егенса о «добрых намерениях». Нандор тоже поднялся с места.

— Я жду ваших указаний, господин Егенс.

— Не надо так... Зачем же... Садись... Нам надлежит вместе с тобой обдумать некоторые позиции... Нужны смелые поиски новых приемов, методов. Любой ценой мы должны иметь в России надежную агентуру из среды самих русских. На данном этапе это самое важное. Все остальное — гарнир... Так считает шеф. Его не всегда удовлетворяют те агенты, которых мы внедряем в Россию извне. Он говорит о них: «Зыбкие гастролеры». Конечно, бывают и удачи. Но, увы... Я буду с тобой откровенен, Нандор. Наши люди стали слишком часто проваливаться в Москве. И я не склонен объяснять это талантом советской контрразведки.

— А чем же?

— Иногда мы бываем необычайно доверчивы. В особенности тогда, когда надеемся на «патриотов», что в разные времена по разным причинам покинули Россию. Ты, конечно, слышал, как провалился наш Руби... С ходу — и в лапы контрразведки. А ведь шел к «верному человеку». Кто адрес дал? Кто заверял: «Можете на него положиться». Все те же господа из НТС. И вот совсем

недавно. Не знаю, дошла ли до тебя эта история молодого венесуэльца Николаса Брокс-Соколова. Ничего не слышал? Еще один провал. И при том поучительный.

ПОТОМОК ВЕНЕСУЭЛЬСКОГО КУПЦА

...Родители его — русские. До революции жили в России. После Октября семнадцатого года эмигрировали сперва в Югославию, потом в Венесуэлу, в Каракас. Там собралась небольшая колония русских эмигрантов и был среди них некий господин, тесно связанный с НТС. Он часто бывал в достаточно богатом доме Брокс-Соколовых и, видимо, уже тогда обратил внимание на юного Николаса.

Когда Николас после окончания гимназии в Каракасе отправился во Францию, в Гренобль, чтобы получить там высшее образование, к нему неожиданно явилась там миловидная девушка Роза и сказала, что она русская, приехала из Парижа с поручением от господина Славинского.

— Я не знаю Славинского, кто он? — спросил Николас.

Роза мило улыбнулась.

— Важно, что он вас знает. Ему сообщили о вас из Каракаса. Впрочем, вы можете познакомиться с ним. Я приглашаю вас на его лекцию здесь в Гренобле.

В клубе, после лекции, они и познакомились — Николас Брокс-Соколов и господин Славинский, видный представитель НТС в Париже. Позже, уже в Москве, на следствии Николас показал:

— Почему я пошел на лекцию Славинского? Это была лекция «О подпольной литературе в Советском Союзе». Так она и называлась. Меня это заинтересовало. В наших газетах я много читал о существовании подпольных литераторов в России, о том, что некоторые из них арестованы за свободомыслие. Так у нас писали. Меня все эти вопросы волновали еще и потому, что я поступал на литературный факультет. На лекции Славинский возносил до небес «гражданский» подвиг «смелых борцов» с коммунизмом, за демократию. Он называл их фамилии, говорил, что это рыцари творческого подполья в СССР, и заявил, что руководство НТС установило тесные контакты с ними, что энтээсовский журнал «Грани» регулярно получает от них материалы для публика-

ции, в том числе произведения, которые не хотят печатать советские журналы.

После лекции — Славинский читал ее на русском языке — выставка. Среди ее экспонатов были антисоветские, подпольно издававшиеся машинописные «журналы» «Феникс» и «Синтаксис».

Прощаясь, Славинский сказал: «Не теряйте с нами связь. Вас будут навещать наши люди». И его навещали. Из Парижа частенько наведывалась Роза, потом какой-то парень по имени Виктор. Разговоры шли все на ту же тему: «Мы обязаны помочь тем, кто в России ушел в подполье».

Однажды Николас поделился с Розой и Виктором застенной мечтой — побывать в России.

— О, прекрасно! — воскликнул Виктор. — Ты настоящий русский человек. Обязательно поезжай. Но если поедешь, твой долг — выполнить наше поручение.

— Какое?

— Связаться с нашими друзьями в России и помочь им.

И тут же были названы уже знакомые Николасу фамилии «борцов за свободу».

В назначенное время Николас приехал в Париж. Там его встретили Виктор и Роза, взяли у него паспорт и молниеносно оформили необходимые документы.

Позже на допросе его спросят: «Кто вам дал деньги на поездку?» Он растерялся и не сразу ответил: «Я их накопил». Этот же вопрос позже задаст ему и отец, приехавший в Москву на свидание с сыном. «У тебя же не было денег, Николас. Где ты их взял?» Николас промямлил что-то неопределенное, но отец понял: деньги дали хозяева.

Настал день отъезда Николаса в Москву. Теперь в Париже его провожали уже трое — Роза, Виктор и неизвестный ему господин из Мюнхена. Туриста привели в какую-то квартиру и стали инструктировать. Знакомили с правилами конспирации, давали практические советы, как устанавливать контакты с нужными людьми. И вручили несколько конвертов. «Вы бросите их в любой почтовый ящик Москвы. Только не вздумайте ездить на окраину города и не спешите выполнять это задание». Так поучала его Роза, уже бывавшая в Москве. В конверты были вложены отпечатанные в типографии листовки с призывами — помогите жертвам КГБ!

Но письма — это так, между прочим. Главное — торжественно врученный ему пояс, который Николас не должен снимать, пока не встретится с тем, кому он предназначен. От туриста не скрыли: операция опасная, но осуществить ее надо во что бы то ни стало.

— Я точно не знал, что в этом поясе, — показывал на следствии Николас. — Но судя по тем мерам предосторожности, что были предприняты, в нем находилось что-то очень нужное советским подпольщикам. Мне дали телефон, по которому я должен буду позвонить на работу человеку по фамилии Гуреев, условиться с ним о встрече и передать пояс. Я так и сделал.

Когда турист прибыл в Москву, Гуреев уже был арестован. Сотрудник научно-исследовательского института, он возглавлял группу лиц, занимавшихся печатаньем и распространением антисоветских листовок. Группа эта была организационно оформлена и называлась «Свободная Россия». Ее руководитель, Гуреев, решил, что надо как-то дать знать о существовании этой подпольной организации деятелям НТС на Западе — будь то Лондон, Париж или Мюнхен. Но как, через кого? Подсказали соратники: разглагольствуя о «свободе личности», они не брезговали фарцовкой и по вечерам шныряли у подъездов отелей, где жили иностранцы. Им удалось затащить на квартиру Гуреева француза и американца. «Туристы» обещали попытаться связать руководителя «Свободной России» с его единомышленниками на Западе.

Из двух посланий Гуреева на Запад одно, видимо, попало в верные руки. Через некоторое время к нему заявился турист-иностранец и сказал, что на Казанском вокзале в камере хранения для него оставлена посылка. Сообщив соответствующий шифр, иностранец исчез, не пожелав отрекомендоваться. То ли насмерть перепуганный Гуреев не решился сразу же идти за посылкой, то ли иностранец поскупился и оплатил хранение лишь в течение двух суток, но так или иначе операция эта сорвалась. Когда Гуреев приехал на вокзал, его шифр был уже недействителен: срок прошел, и посылку передали администрации камеры хранения. А тем временем тучи над подпольной организацией стали сгущаться. Молодые советские люди, которых Гуреев пытался привлечь к своей антисоветской деятельности, сообщили об этом в КГБ. Гуреева и его сообщников арестовали. Он во всем признался и рассказал о посылке. Его привели на Ка-

занский вокзал, и он указал ту самую камеру, из которой изъяли «сувенир». В посылке оказались антисоветские листовки и письмо, подписанное неким Соловьевым. Вслед за всякими программными декларациями и сообщением о том, что письмо Гуреева он получил, идут практические инструкции, касающиеся связи по почте, курьером, по радио. Тут и часы работы радиции и радиоволны, и позывной Гуреева, и шифр, и условные адреса, фамилии, и сформулированная по пунктам программа деятельности подпольщиков вообще и на ближайшее время в частности. «Постарайтесь проникнуть в студенческую среду... Если не сможете, то в круг молодежи — будь то студенты, литераторы, рабочие... Издавайте подпольные печатные органы с указанием имени издающей группы... Для начала мы сделали для вас первый номер. Газета составлена так, что она в течение долгого времени не устареет». И тут же — рекомендации: какие требования следует выставлять в подпольной газете... И просьба: послать образец подпольной газеты по пяти адресам — в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске.

Письмо имело не очень-то щедрое «приложение» — пятьсот рублей на покупку пишущей машинки и прочие расходы.

Когда чекисты прочитали письмо господина Соловьева, им стало ясно: в ближайшее время Гурееву следует ждать гонца с Запада. Были все основания полагать, что Соловьев и его хозяева еще не знают об аресте Гуреева.

Курьер не заставил себя долго ждать. Прибыв в Москву, Николас на следующий же день позвонил Гурееву в институт. Ему ответили: «Гуреева сейчас нет, он будет в пять вечера». Ровно в пять вечера Николас снова позвонил.

— Я прошу Гуреева.

— Гуреев слушает.

Они договорились о встрече в метро «Сокольники». Что было дальше, представить нетрудно. Николаса радушно приветствовал ...оперативный сотрудник КГБ.

— Здравствуйте. Чем могу служить?

— Я приехал из Парижа. У меня для вас пояс, в котором кое-какие материалы и три тысячи рублей. Я сейчас...

Ему не дали снять пояс. Брокс-Соколова арестовали. Пояс сняли в присутствии понятых. В нем было запря-

тано примерно то же, что и в посылке Гурееву. Деятели НТС решили, видимо, на всякий случай продублировать...

Егенс устал, охмелел и, склонив голову набок, кажется, слегка задремал. В комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь тихим посапыванием гостя. Прошло не более двух-трех минут, и Егенс встрепенулся. Гость попросил чашку кофе, быстро проглотил ее и все в той же тональности — само дружелюбие — продолжал:

— Итак, чем порадуешь шефа, старик? Слушаю тебя...

Чем он порадует шефа? Увы, нечем. Все, что за год сделано его людьми, Сабиром и Керимом, конечно, не заслуживает внимания штаб-квартиры. Правда, судьбе было угодно привести в его магазин русского туриста, которого он сейчас постарается представить в наилучшем виде. Но о нем Нандор скажет чуть позже, его он припас для десерта. А пока вот, извольте, господин Егенс. И, подобострастно склонившись над креслом гостя, он протянул ему зеленую папку в прозрачном целлулоиде.

— Я подготовил для вас письменный отчет. И буду рад, если вы найдете время, чтобы познакомиться с ним. Здесь — отчет о нашей деятельности за год. Не нам судить о ней. Как говорили римляне, тут не многое, но много... Однако я хотел бы обратить ваше внимание, господин Егенс, на одно важное обстоятельство: в отчет не вошла последняя наша операция, и, на мой взгляд, весьма серьезная. Доклад о ней мы отправили сегодня на ваше имя. К докладу приложено несколько фотографий и кинопленка. Все это вы посмотрите позже. И тем не менее я считаю необходимым сейчас изложить суть дела.

И Нандор рассказал об операции с участием русского туриста.

— В посланном вам докладе есть фамилия, имя, отчество и необходимые установочные данные. Я имею основание полагать, что мы его крепко прихватили. В кармане у него оказалось еще двадцать рублей, и мы объявили, что турист обвиняется в контрабандном провозе валюты, спекуляции валютой, в нарушении таможенных законов «страны пребывания». Он вначале даже не понял нашей терминологии. Но мы ему популярно объяснили, что это значит и что за это полагается по нашему закону. Когда было заявлено, что мы его не отпустим, что он дол-

жен предстать перед блюстителями закона, турист побледнел, затрясся, хотел что-то сказать, но так и не смог вымолвить ни слова — перепугался насмерть. Нам не стоило большого труда заставить его подписать соответствующий протокол. Однако на главном направлении мы еще не добились успеха — русский решительно уклонился от разговора о сотрудничестве с нами. Правда, у нас было мало времени для работы с ним — вы не хуже меня знаете капитанов советских морских судов, какие они закатывают скандалы, если их пассажира задержат на часок-другой. Нам это чертовски осложняет жизнь. Мы вынуждены были отпустить русского, не успев всерьез поговорить с ним. Но где вы видели вербовку с первого захода?

Егенс ничего не ответил. У него своя точка зрения на этот счет. Но он не считал нужным излагать ее.

— Продолжай. Это все очень интересно.

— Мы вынуждены были доставить туриста в район порта на своем автомобиле, иначе отход судна задержался бы надолго, и тут скандал неминуем. У нас на руках не осталось ничего, кроме подписанного русским протокола плюс соответствующие фото- и кинодокументы. Но есть наблюдения, так сказать, психологического порядка. Я почти уверен, что турист никому не расскажет о своих приключениях на базаре. Я смею заглянуть дальше. В соответствующей обстановке составленный нами протокол, фото- и кинодокументы да еще запись диктофона могут оказаться весьма эффективными. Турист не оставил впечатления стойкого человека.

И Нандор впервые за весь вечер позволил себе хихикнуть. К нему возвращалась обычная уверенность, и он уже не столь подобострастно продолжал свой монолог.

— Я попросил бы вас, господин Егенс, поручить вашим людям тщательно проверить русского туриста по картотеке централизованного учета. Я понимаю, что это бредовая идея, шансы на успех ничтожны, но вдруг... Жизнь полна неожиданностей.

— Мы обязательно проверим.

Нандор подлил гостю коньяка. Егенс поморщился, но выпил. Потом посмотрел на часы. Было уже далеко за полночь.

— Пора... Я, кажется, несколько отяжелел, Нандор. Проклятый закон природы — годы идут...

Нандор поднял брови, вздохнул:

— Неправда, господин Егенс. На Востоке мудрые люди утверждают, что время вечно, оно не уходит. Это мы с вами уходим...

Егенс ухмыльнулся.

— Пусть будет так. А пока живем — надеемся, действуем. Каждый в меру своих сил...

— У меня их пока достаточно, — с вызовом сказал Нандор. — Вы не согласны?

Егенс уклонился от прямого ответа, на мгновение задумался, а потом решительно объявил:

— Шеф недоволен твоей поездкой в Карлсбад. Он считает, что в главном ты не добился успеха. Тебе не удалось установить нужных контактов с отдыхающими на курорте русскими. Шеф ожидал более глубокого анализа обстановки. Скоро грянет буря. Шеф должен знать, что думают по этому поводу русские.

Нандор помрачнел, сжал тонкие губы: «Ох, уж этот Карлсбад!»

СФИНКСЫ

Вот уже несколько дней, как Нандор живет в Карлсбаде с паспортом австрийского коммерсанта. Он остановился в отеле «Империял», каменной громаде, поднявшейся на скале.

Комфорт, уют, отменная кухня, прекрасные врачи, услужливые сестры, а главное — милые соседи, соотечественники его папы и мамы: в разгар сезона здесь отдыхает много советских граждан, с которыми можно поболтать о том, о сем... Он, Нандор, обожает Достоевского, Льва Толстого, Федина, Шолохова, русская натура всегда привлекала его своей душевной красотой. И папа настоял на том, чтобы он с детства изучал русский язык. Таким Нандор и предстал перед соседями по столу, спутниками по прогулкам. Коммерсант зарекомендовал себя здесь первоклассным мастером бильярда. «Иные кормились музами, а я — лузами», — любимая его присказка, относившаяся к поре ранней молодости, передавалась в отеле из уст в уста. «Остряк шары кладет мертвой хваткой».

Перед отъездом из Мюнхена его тщательно проинструктировали.

— Ваша задача ежедневно общаться с русскими,

наблюдать за ними, изучать, беседовать, устанавливать контакты, собирать о них максимум сведений, обмениваться адресами. Там это делать нам проще, доступнее, чем у них в стране. Да и безопаснее.

Австриец методично работал по заданной программе. В кинозале он обычно усаживался в самой гуще советских людей, вместе с ними спускался и поднимался на фуникулере, отправляясь к источникам. Дамский угодник, он был душой компании женщин на прогулке — мужья в это время разыгрывали пулюку.

Постепенно в его дневнике, маленькой тонкой записной книжке, накапливались кое-какие записи, которые, возможно, и заинтересуют шефа: фамилии, имена, отчества, место работы людей, с которыми встречался, беседовал. Он давал им беглые характеристики и даже фиксировал рассказанные ими анекдоты.

...К «Империалу» Нандор подкатил на шикарном «мерседесе» и в первые же дни стал предлагать дамам прокатиться, посмотреть окрестности. Желающих составить компанию не оказалось. И вдруг удача: очаровательная блондинка из Одессы, преподавательница музыки, этакая экзальтированная хохотушка, явно искавшая мужского общества, Оксана — так ее звали — охотно приняла предложение Нандора.

Они уехали после обеда, а вернулись, когда во всех окнах уже погасли огни. В ту же ночь он записал в дневнике: «Красива, болтлива. Преподавательница музыки из Одессы. Рассказала несколько пикантных политических анекдотов. Падка на сувениры. В первый же день приезда ринулась в магазины. Много рассказывала об Одессе, о своих знакомых в высших сферах города». На следующей странице был дан список этих знакомых.

И снова запись об Оксане, теперь уже с некоторыми комментариями. Он сопровождал одесситку в ее очередном путешествии по магазинам, прислушивался к ее беседам с продавцами.

Но одна Оксана — это не так уж много. И в кино Нандор вновь пытается установить контакты, вовлечь русских в разговор. В ход пущен давно задуманный прием — он приберег его, как самый сильный козырь. Австриец вскользь заметил, что в этом зале проходила конференция руководителей социалистических стран:

— О, это было очень знаменательно... Вершители судеб мира...

И вскользь заметил, что было бы интересно узнать, где находится та мебель, которой пользовались главы делегаций. Нандор уже приготовился сделать следующий ход, как одна из дам, взметнув брови, не без иронии заметила:

— По моим сведениям, эту мебель разобрали, распилили и по кусочкам увезли в качестве сувениров туристы из Австрии...

Нандор смутился, пробормотал что-то о голосах истории, и тут же в зале погас свет. В общем, широкие контакты с русскими у него никак не устанавливались, а шел уже десятый день его пребывания в Карлсбаде. Он утешал себя удачей с Оксаной и тем, что ему удалось перемолвиться кое с кем из местных литераторов, рекомендованных мюнхенским деятелем. И не без пользы для дела, которому он служит. Прогнозы шефа о надвигающейся буре недалеко от истины. Но это известно штаб-квартире и без Нандора. А вот что думают по этому поводу люди из Советского Союза? Они гуляют, отдыхают, читают, смотрят кинофильмы, играют в шахматы, преферанс и почему-то не склонны поддерживать разговор с Нандором, когда он вдруг начинает разглаживать, о последних статьях в «Руде право». Да, ему, кажется, не повезло — странные попались курортники. Разве только вот эта красавица из Одессы. Да и она — может это ему показалось — уже второй день избегает его общества. Единственным верным собеседником Нандора оставался князь из Сенегала. Он все время жаловался на кухню и умолял помочь ему объясниться с администратором ресторана. Нандор похлопал князя по плечу и сказал:

— Дорогой князь! К чему объясняться. Вы находитесь в социалистической стране. Вот вам все объяснение.

Желаю, месье, спокойной ночи и приятных сновидений...

Нандор раскланялся и удалился. В номере его ждала телеграмма. Он прочел и поморщился. Шеф предлагал ему вернуться домой. Тогда Нандор терялся в догадках — почему? Теперь он знает почему. Знает и ждет горьких пилюль. Но Егенс спешит успокоить «старого друга».

— Не расстраивайся, старик... Шеф уже отошел. Сейчас, кажется, опять подумывает — не отправить ли тебя снова в Чехословакию? Штаб-квартира прогнозирует быстрое развитие обнадеживающих событий. По нашим прогнозам, ожидаются серьезные социальные катаклизмы, в ходе которых Восточный коммунистический блок даст глубокие трещины. И, возможно, ты окажешься в кратере вулкана. Тогда уж не зевай!

Егенс долго разглагольствовал о «кратере вулкана», потом повел разговор о скачках, футболе, и теперь уже, кажется, можно было расходиться. Но Егенс явно не спешил.

— Старик. — Гость произнес это тихо и проникновенно. — У меня тут небольшая партия героина. Я попросил бы...—И протянул полированную шкатулку.

Нандор понял: можно не тревожиться— доклад инспектора будет максимально «объективным».

— Сочту за честь, господин Егенс. Мы же друзья... Отличнейшим образом реализуем. Восток без героина — не Восток...

И полированная шкатулка перекочевала в стальное чрево несгораемого шкафа, закамуфлированного под стенную панель. На следующее утро Егенс осматривал хозяйство Нандора. Делал он это без всякого интереса — больше для протокола. А вечером гость улетел. Когда самолет, оторвавшись от бетонной дорожки, взмыл к звездам, Нандор облегченно вздохнул. «Кажется, пронесло! Благодарю тебя, аллах, что есть на свете... героин!»

Через некоторое время пришла телеграмма шефа. Нандора вызывали в штаб-квартиру. По срочному делу, «Лысый» хорошо известен центру как Сократ.

РЫЖИЙ ДЬЯВОЛ

— Знакомьтесь, Нандор...

— Очень рад. Я, кажется, помешал вам...

— Нет, что вы... Мы уже заканчиваем... Впрочем, эта работа бесконечна, как бесконечен этот океан инфор-

мации. — И Медичка — Ольга, — это была она, — окинула взглядом большой стол, заваленный газетами, журналами, уставленный длинными узкими ящиками с карточками.

Нандор застал своих коллег погруженными в океан информации. Из самых разных источников. Главным образом из советских газет, журналов, бюллетеней. Иностранная разведка очень тонко препарирует их. После тщательного анализа комплектов некоторых советских научно-технических журналов было высказано предположение, что русские ученые активно исследуют проблемы влияния коротких радиоволн на человека и животных. Группе опытных специалистов было поручено проверить правильность такой гипотезы. Параллельно с этой группой и в какой-то мере в помощь ей действовала и штаб-квартира, на службе у которой пребывали Егенс, Нандор и Ольга. Егенса особо интересуют «стыки» в работе биологов и физиков. Интерес этот несколько субъективен. Русский доктор трудится, кажется, на той же ниве. Радиобиология, человек и радиация...

Такова пока еще смутная информация о деятельности Сократа, неожиданно оказавшегося в поле зрения штаб-квартиры. Но, пожалуй, не это обстоятельство побудило штаб-квартиру поручить Егенсу всерьез заняться этим русским доктором. Военное прошлое Рубина, бережно сохраненные в досье главной штаб-квартиры страницы его биографии той поры, информация Медички и, наконец, сообщения Нандора — вот что вызвало столь повышенный интерес к русскому доктору. Шеф предложил Егенсу вызвать Нандора и Медичку, чтобы вчетвером проанализировать все известное им по делу Сократа и решить, как действовать дальше.

Друга своего Егенс встретил радушно.

— Привет, старина! Дай-ка посмотрю на тебя. Ты прекрасно выглядишь. Хочешь что-нибудь выпить? Присаживайся. В тринадцать ноль-ноль явится шеф, и мы приступим к делу...

Ему, конечно, очень хочется узнать о судьбе шкатулки с героином, но мешает Медичка. К тому же сейчас придет шеф. И Егенс, взглянув на часы, улыбнулся:

— Можешь сверять часы, Нандор. Сию минуту он будет здесь.

Высокие старинные часы со звоном пробили один раз, и в это мгновение распахнулась массивная дверь. Порог

перешагнул высокий сухопарый человек с трубкой в зубах и с огненной шевелюрой. Рыжий молча кивнул в сторону Егенса и Нандора, поцеловал руку Ольге и занял председательское место за столом. Его звали «рыжим дьяволом», хотя ничего дьявольского ни в манере говорить, ни в его облике не было. А вот хватка у него была действительно дьявольская.

— Разрешите начать, сэр?

— Да, прошу вас. — И, попыхивая трубкой, шеф уставился в окно, за которым раскачивались высоченные сосны.

Энергичный, много знающий и много видевший, отдавший тридцать лет службе в разведке, шеф полон сознания значимости своей роли на этом узком совещании четырех. Доклад Егенса об инспекционной поездке к Нандору заинтересовал штаб-квартиру, и теперь надо решать — кого посылать к русскому доктору с «приветом от Воронцова и бритвой «Жилет»? Ему и решать. Но шеф хочет снова выслушать доклад Егенса, посоветоваться с Медичкой, хорошо знающей Москву, москвичей, посоветоваться с Нандором, человеком, который видел Сократа, беседовал с ним... В общем, все сидящие за столом должны помочь ему ответить на вопросы: «Как установить контакт с Сократом? С чем пойти к нему? Привет от Воронцова или от Нандора? Или и то и другое? Есть ли уверенность, что он не работает сейчас на чекистов? И в этой связи, какова степень безопасности того человека, который поедет устанавливать первый контакт с русским доктором? Первый контакт — что мы ждем от него? Можем ли уже сейчас планировать более отдаленные цели?»

Егенс понимает, что ответ на все эти вопросы должен дать его доклад, с предложениями, с откровенно высказанными сомнениями, догадками. Нандор и Медичка, пожалуй, это самые вероятные кандидаты на поездку к Сократу. Их надо сейчас более основательно вводить в курс дела.

— Итак, господин Нандор, я уполномочен сообщить вам, что анализ вашего доклада о русском туристе Рубине дает обнадеживающие основания...

Шеф прерывает Егенса:

— Прежде всего, он дает нам основание сделать отнюдь не лестное для вас заключение, господин Нандор. Вы оказались не очень-то расторопным. Результаты вашего диалога с господином Рубиным могли быть куда бо-

лее эффективными. Судя по вашему докладу и по некоторым вашим данным, к турецкому берегу волной прибило крупную рыбу. Но вы не смогли должным образом использовать дар судьбы. Вы — опытный мастер своего дела, Нандор, а тут оплошали...

Нандор беспомощно обвел взглядом присутствующих, он словно искал у них поддержки и в первую очередь, конечно, у Егенса: ведь операция «героин» чего-то стоит? Но коллега более чем подобострастно смотрит на шефа, и на лице его нетрудно прочесть: «Рассчитывай только на себя».

— Я смею заметить, не в порядке оправдания, а лишь для уточнения истинного положения вещей, что у нас были серьезные основания прервать операцию. Я уже говорил об этом господину Егенсу. Смею повторить... Допустим, что я, продолжив диалог с Рубиным, кое-чего и добился бы, но это потребовало бы много времени... Из-за Рубина отход судна задержался бы надолго. Советская контрразведка, разумеется, сразу же взяла бы Рубина на прицел. И, таким образом, мы не имели бы и тех обнадеживающих оснований, о которых, видимо, собирается говорить мой коллега.— И он кивнул в сторону Егенса.

— Ну, ну... Допустим, что микродоза логики присутствует в вашем объяснении, Нандор... Прошу вас, Егенс, продолжайте... — Губы шефа дрогнули в насмешливой улыбке. Рыжий свое дело сделал — сбил спесь, с которой Нандор пришел: купец переоценил свой товар...

— Я позволю напомнить,— Егенс продолжал доклад в том же почтительном тоне, все время поглядывая на шефа, — что мы проанализировали доклад господина Нандора и по картотеке Центра проверили данные о «лысом». Там имеется карточка на русского доктора Рубина по кличке Сократ. Это досье — наши трофеи, в свое время перехваченные у гитлеровской разведки. Обнаружено личное дело Сократа. Вот основные сведения о нем...

...Бутов особо внимательно читает эти строки сообщения Роны. В основном все совпадает с исповедью Захара Романовича. Но есть небезынтересные детали, на которые счел нужным обратить свое внимание и Егенс.

— Абвер решил перед отправкой Рубина в Россию проверить его на детекторе лжи, хотя, как известно, в ту пору их аппаратура была еще далека от совершенства, проводились лишь первые эксперименты. Показатели Сократа оказались ниже среднего. На вопрос: «Вернувшись в Москву, вы явитесь в НКВД?» — последовал ответ: «Нет». Однако кривая кровяного давления при этом резко скакнула вверх. Видимо, в абвере решили пренебречь этой кривой. Не до нее тогда было, — улыбается Егенс. — После переброски Сократа в Россию связи с ним оборвались. По крайней мере в досье нет данных, подтверждающих такие связи. Но вопрос этот остается открытым и даже в какой-то мере загадкой, над которой...

— Послушайте, Егенс, а вам никогда не приходила в голову мысль, что где-нибудь имеется еще одно досье, не попавшее в наши руки?

— Да, сэр... Такой вариант возможен. И мы кое-что предприняли в этой связи. Сейчас ведутся розыски господина Брайткопфа. Если они окажутся успешными, то мы сможем получить ответ на интересующий нас вопрос. Нам, кажется, удалось набрести на след одного из сотрудников абвера, работавшего с Брайткопфом до весны сорок пятого. Мы надеемся...

— Егенс, вы долгое время были нашим резидентом в Провансе... Тогда вам должна быть известна тамошняя поговорка — надежда как молоко: если ее долго хранить, она прокиснет...

Голос шефа звучал язвительно:

— Поймите, Егенс, что мы должны исходить лишь из того, что знаем о русском докторе бесспорно, а не тешить себя надеждами на успех розысков господина Брайткопфа.

Шеф сел на свое место и теперь уже спокойно, любезно повторил:

— Ваши соображения?

— Я попытался проанализировать: почему абвер так и не побеспокоил завербованного агента? Тщательное изучение досье дает основание полагать, что Сократа вербовали с дальним прицелом — на длительное оседание. Это не был агент-скороспелка, которых во время войны немцы забрасывали в тыл русских буквально десятками. И нет оснований считать, что Сократ сам явился в НКВД.

— Почему?

Егенс подошел поближе к шефу и склонился над его креслом.

— Первое. Русские никогда не доверили бы ему работу в секретном институте, если бы знали все, что произошло с ним в плену. Даже если бы он явился с повинной...

— А вы не думали о другом варианте: Рубин явился с повинной и до сих пор работает по заданиям КГБ.

— Эта версия отпадает: обращаю ваше внимание на запись разговора русского туриста и господина Нандора. Человек, связанный с КГБ, соответствующим образом проинструктированный ими, повел бы себя на базаре иначе... Он сам пошел бы на контакт с Нандором и уж во всяком случае не отбивался бы от сетей, брошенных им. Вы согласны со мной, господин Нандор?

— Да-а-а... Пожалуй...

— Я посмею сделать вывод: КГБ не знает всех обстоятельств пребывания Сократа в плену.

— Каждый видит то, что хочет видеть... Мне кажется, что вы несколько торопливы в своих суждениях, Егенс. — Шеф направился к круглому столику, выпил виски с содовой, помолчал и вдруг задал совершенно неожиданный вопрос: — Послушайте, Егенс, вы же юрист по образованию. И, кажется, даже доктор... Вам должно быть знакомо советское уголовное право. Не так ли?

Егенс неопределенно мотнул головой.

— Хорошо... Допустим, вы, как юрист, не обязаны знать всех тонкостей советских уголовных законов. Но, как разведчик, — и голос его вновь обрел обычную жесткость, — вы обязаны знать ту статью советского уголовного кодекса, которая имеет прямое отношение к нашей работе. И, в частности, к тому уравнению с несколькими неизвестными, которое мы решаем с вами здесь.

— Я буду благодарен вам, сэр, если вы сочтете возможным напомнить мне ее...

— Извольте. — И он на память процитировал: — «Не подлежит уголовной ответственности гражданин СССР, завербованный иностранной разведкой для проведения враждебной деятельности против СССР, если он во исполнение полученного преступного задания никаких действий не совершил и добровольно заявил органам власти о своей связи с иностранной разведкой». За последние годы в КГБ все чаще приходят люди с повин-

ной — они знают, что если ими не совершено деяние, преступное с точки зрения советского закона, если они только «оступились», как принято выражаться в советской прессе, то их не отдадут под суд...

— Мне это известно, сэр... И статья уголовного кодекса тоже... Законодатель сформулировал в юридической норме нынешнюю практику деятельности советских карательных органов. В ней произошли большие перемены. К сказанному вами я мог бы многое добавить. Наш человек в Москве сообщает, что недавно ответственные работники КГБ выступали в университете. Чекисты вели откровенный разговор о том, что у русских принято называть бдительностью, а потом отвечали на десятки самых каверзных вопросов... И еще одно сообщение. В Москве советская контрразведка напала на след подпольной группы, занимавшейся распространением антиправительственных листовок. Руководители этой группы были арестованы и судимы. Но двое или трое молодых людей, которых пытались завербовать в эту организацию, остались на свободе. Их не судили. А в тот научный институт, где они работали, приехал работник КГБ и выступил на общем собрании. Он рассказал о деятельности двух молодых людей, сидевших в это время в зале. И там их судили. Их же друзья, коллеги. У русских это называется общественный суд, а у чекистов — профилактика. Они верят в нее. И, кажется, не без оснований. Как видите, сэр, я в курсе новых веяний в практике советских карательных органов.

Шеф, все время смотревший в окно, резко повернулся в сторону Егенса.

— Так какого же черта вам не придет в голову очень оригинальная мысль: русский доктор тоже знает об этих изменениях... Господь бог не обделил Рубина житейской мудростью, и он догадывается, что чекисты могут узнать о случившемся в лавке Нандора из других источников. И тогда вся эта история обернется для доктора не лучшим образом. Что вы скажете по этому поводу, господин Нандор? Нам важно знать ваше мнение. По существу.

Вся эта история с русским туристом неожиданно для Нандора подняла пошатнувшийся было престиж его фирмы. И сейчас, кажется, самый подходящий момент высказать несколько соображений общего порядка об активизации деятельности возглавляемого им филиала

штаб-квартиры, о рентабельности затрат. Но шеф настойчиво повторяет: «По существу»... А по существу ему хотелось бы сказать, что психология человека мелкого, слабовольного, охваченного страхом, иногда побуждает его действовать вопреки элементарным законам логики, а порой и во вред себе. По существу ему хотелось бы верить, что турист накрепко схвачен им, что в КГБ он не пойдет, и в КГБ его не вызовут, и со временем Нандор заслужит благодарность — завербовал агента! Конечно, Нандор понимает, что, трезво оценивая ситуацию, нельзя не согласиться с предположением шефа.

И потому о своей уверенности в успехе Нандор лишь думает, а вслух:

— Пожалуй, и такой вариант не исключается...

Шеф тут же подхватывает:

— Вот именно. Не исключается... Согласитесь, Егенс, что все это очень возможно. Доктор приходит в КГБ, рассказывает о происшествии на базаре, о домогательствах хозяина лавки, и некий чекист советует ему: «Вы не упирайтесь, если к вам пожалует гость от имени хозяина лавки или сам хозяин...»

— Но ведь это всего лишь гипотеза, сэр? — робко замечает Егенс. — Вы справедливо говорили по поводу житейской мудрости доктора. Он ведь понимает, что стоит ему прийти в КГБ и сказать «А», как чекисты заставят его сказать и «Б». Стоит только Сократу оказаться в поле зрения чекистов, как военное прошлое его всплывет наружу. Тогда ответ придется держать по всей строгости законов.

— Кажется, есть резон в ваших словах, Егенс...

— Я того же мнения, сэр, — поспешил присоединиться Нандор, явно заинтересованный в том, чтобы события развивались по Егенсу.

— Я тоже, — заметила Медичка.

И все четверо сошлись на том, что вопрос о связях Сократа с КГБ остается открытым.

— К сожалению, это не единственный вопрос, оставшийся без ответа. Мы достаточно хорошо осведомлены о военном прошлом русского доктора. Но, увы, наша информация о сегодняшнем образе его жизни весьма скудна. Что вы скажете по этому поводу, Егенс?

— Да, сэр, мы слишком мало знаем о Сократе наших дней, хотя в последние годы русский доктор вновь проходил по некоторым нашим картотекам. И отнюдь не

в связи с известными нам обстоятельствами. Источники были разные. Один из них вам знаком, сэр...

— Да, конечно...— И, привстав со стула, шеф отвесил поклон в сторону Медички. Она ответила ему улыбкой и спросила:

— Есть ли необходимость в моем докладе?

— Я читал ваши сообщения из Москвы. И тем не менее попрошу вас, господин Егенс, кратко сформулировать их. Для полноты картины. К тому же Нандор... Он тоже должен знать все. Все детали...

Егенс постарался быть максимально кратким.

— Сократ оказался в списке двадцати москвичей, на которых мисс Ольга дала нам свою разработку. Первая же ее информация о Рубине вызвала интерес штаб-квартиры... Медичка характеризовала его, позволю себе процитировать досье, как «человека гнилого, которого без особого труда можно «свалить». Получив данные о докторе, мы стали искать его в картотеке. И тут нас подвела роковая ошибка машинистки или какого-то другого технического работника. В списке двадцати москвичей доктор значился под фамилией Губин, а не Рубин... В картотеке Губина не оказалось. Мы завели на него новую карточку. И только спустя некоторое время, после дополнительных сообщений Медички, после тщательного сопоставления двух карточек, Губина и Рубина, удалось установить, что это одно и то же лицо — Сократ. Но, увы, Медичка в ту пору уже отбыла из Москвы. Я хотел бы, сэр, ознакомить вас с ее последним сообщением о Сократе.

Егенс достал из папки листок бумаги и прочел: «Большой круг знакомых. И медиков, и актеров. Среди них друзья покойной жены и друзья ее друзей. В доме бывают литераторы, фамилии которых установить не удалось. За гостеприимство они расплачиваются всякими литературными сплетнями». Егенс умолк и вопросительно посмотрел на шефа.

— У вас есть вопросы?

— Я хотел бы знать, мисс Ольга,— вы лично встречались с доктором Рубиным? Как он попал в поле вашего зрения?

— Я была на его публичной лекции. После лекции молодежь горячо обсуждала, в какой мере реальна та фантастическая картина будущего, которую он нарисовал. Среди участников этого оживленного разговора ока-

зался студент, хорошо знавший и доктора Рубина и его дочь Ирину. Мы вместе возвращались домой. Он пригласил меня в кафе-мороженое. Съели мороженое, выпили сухого вина. Мой кавалер чуть охмелел и долго рассказывал об Ирине, о ее папе, точнее, отчине. Мы встречались с этим студентом. Он познакомил меня с Ириной, с ее молодым человеком, и как-то в воскресенье мы оказались у нее в гостях... За столом был и доктор Рубин.

— Какое впечатление он произвел на вас?

— Веселый, жизнелюбивый человек, которому, несмотря на его почтенный возраст, многое хочется...

— Возраст — понятие относительное, мисс Ольга... — Шеф ухмыльнулся, однако тут же переключился на строго деловой тон. — Это все, чем мы располагаем, Егенс? Я имею в виду досье господина Рубина... Это все, что вы можете сообщить?

— Нет, сэр, это еще не все. Совсем из другого источника получены дополнительные данные об образе жизни доктора Рубина, о его настроениях, о людях, близких к нему. В общем-то эти данные подтверждают характеристику, которую дала Сократу мисс Ольга, — «гнилой человек». Смеею добавить: перспективный для нас человек. За столом гостеприимный хозяин любит пофилософствовать о жизни на советской земле и от замечаний, касающихся частных недостатков, иногда переходит к довольно смелым обобщениям... Я хочу обратить ваше внимание, сэр, на то, что обобщения эти в какой-то мере перекликаются с теми, которые наше пресс-бюро дает «Свободной Европе»... Зафиксирован его доверительный разговор в узком кругу друзей, резкие суждения по поводу некоторых аспектов советского образа жизни.

— Кто источник информации? Степень достоверности? Степень близости к Сократу? — Шеф словно строчил из пулемета...

— Степень достоверности? Вы задали деликатный вопрос. Но согласитесь, что мы далеко не всегда можем быть абсолютно уверены в достоверности информации наших людей. Что поделаешь? Кто любит огонь, должен терпеть дым. Это, между прочим, тоже французская поговорка...

— Ваша служба во Франции многому научила вас, Егенс, но вернемся к источнику информации. Кто он?

— Я уже обращал ваше внимание на то, как порой перекрещиваются направления наших контактов. Я имею в виду источники, поставляемые нам «свободолюбцами».

— Не очень рентабельное предприятие,— буркнул шеф.

— Согласен, но...

— Их люди, подготовленные за наши деньги, в последнее время проваливались чаще, чем следовало ожидать. Эти «освободители» России доверчивы, как дети. Кто-то прислал им из Москвы или Петрограда письмо с благодарностью за их литературу, а они уже подбрасывают его нам как «глубоко законспирированного агента». Чертовски обидно, когда наши парни проваливаются из-за этих господ. Мы дали деньги на обучение какого-то прохвоста Кравца. Он кончил нашу школу разведчиков и должен был работать на двух хозяев. С двумя нашими парнями он был сброшен на берег Черного моря. Через три месяца его схватила советская контрразведка, и этот хлюпик выдал всех...

Шеф распалился, говорил раздраженно, запальчиво.

— Я разделяю ваше негодование, сэр. Инспектируя господина Нандора, я тоже счел нужным предостеречь его от неосмотрительных сделок с людьми, принимающими желаемое за действительное. Но я смею заверить вас, сэр, что мы с должной осторожностью отнеслись к рекомендованному нам молодому человеку. Его фамилия Глебов.

— Мы имеем досье на господина Глебова?

— Да, сэр. Прошу вас.— И Егенс протянул шефу папку.— Здесь немного информации, сэр. Но я мог бы дополнить, прокомментировать...

...Бутов листает фотокопии страниц глебовского досье, вспоминает сообщения Михеева о беседе с Ириной, ее рассказ о Глебове. Полковник вновь прослушивает все эти записи и перечитывает материалы, изъятые при обыске машины и комнаты покойного Глебова. Перечитывает и вновь анализирует ход событий: именно в то утро, когда доктор Рубин узнал об автомобильной катастрофе, он отправился в КГБ. Случайное совпадение? Возможно. Но теперь Бутову ясно — он не ошибся, когда протянул нить от Глебова к Рубину. Нельзя было не

включить эту нить в запутанную схему связей Захара Романовича.

Что связывало Глебова с Рубиным, почему он попал в сферу внимания Дюка? А неотправленное письмо к другу? Кто этот друг? Эти и многие иные вопросы возникали у Бутова, пока он листал досье.

...Глебов — молодой инженер-строитель, но о нем уже говорили как о специалисте вдумчивом, дерзающем. После вуза направили в проектный институт. Глебов проработал там недолго и сам попросился на стройку.

Отец, крупный геолог, большую часть года проводил на Севере, в экспедиции. Сын оставался под опекой матери, учительницы. В доме Глебовых — полный достаток. Отец зарабатывал много. Были и машина, и дача, и много редкостных картин в квартире. И сберкнижка с солидной суммой. Но мать, Татьяна Петровна, даже после того, как перешагнула пенсионный рубеж, не захотела бросать работу в школе — любила она свое дело самозабвенно. Воспитание сына отец передоверил супруге, и она верила в талант Василька и в те нравственные начала, что были заложены с детства... Увы, Татьяна Петровна не учла, что и на хорошем фундаменте иногда поднимается убогое здание. Отличный педагог в школе, мать оказалась неспособной воспитывать сына дома. Она по-матерински снисходительно относилась к его болезненному самомнению, самовлюбленности, к тому, что в кругу сперва одноклассников, а потом и институтских однокашников ее Вася возомнил себя таким «пророком», который полагал, будто лишь ему одному известно «что есть что».

Ко времени описываемых событий отец умер, а мать вынуждена была уйти из школы и коротала свой век с холостым сыном в богатой трехкомнатной квартире.

От отца Василий унаследовал кипучую энергию, трудолюбие, а от матери — интерес ко многому, что лежит за пределами его узкой специальности. Василий оказался не только одаренным инженером. Он писал стихи, любил и знал историю искусства, современную литературу, древнюю историю. Прекрасно разбирался в музыке и живописи. Увлечение отца передалось сыну — покупал картины. Одно из любимых Васиных занятий — прогулки по залам художественных выставок. И еще любил потолкаться в магазинах, берущих на комиссию картины из частных собраний.

В кругу друзей Глебов слыл человеком, легко поддающимся всяким порывам. Молодому жизнелюбцу не чуждо было желание прихвастнуть, блеснуть в обществе друзей особым, идущим вразрез с общепринятым, взглядом на какие-то социальные события, явления. При этом свою точку зрения он формулировал туманно, но с претензией на многозначительность.

Очутившись в компании, Глебов любил доверительно, шепотом, этак небрежно, невзначай обронить: «Читал, братцы, повесть... В рукописи... Ни в одном журнале не приняли... Это из совершенно достоверного источника. А написано-то как! Сила обличения какова!»

Срабатывал действующий, со времен Адама и Евы, закон сладости запретного плода. «Ах, не печатают, тогда почитаем». К тому же приятно щекотала нервы атмосфера, в которой протекало приобщение к неизведанному. И он даже не замечал, что иногда друзья добродушно посмеивались над его потугами подняться на пьедестал «экстраизбранного».

С Владиком Веселовским, однокашником по институту, Глебов встретился случайно, в ресторане, на свадьбе общего знакомого.

— Что строишь, друг? Где промышляешь? — небрежно спросил Вася.

Веселовский сперва напустил какого-то тумана — понять, где он работает, нельзя было. Но после четвертой рюмки водки он стал словоохотливее и внес ясность: с дипломом инженера Владик промышлял сперва в каком-то промкомбинате техноруком, а сейчас числится техническим директором комбината, процветающего на рекламном поприще.

После цыплят-табака гости шумно поднялись с мест — потанцевать, размяться... И Вася, оказавшись вместе с Владиком в кругу молодых людей, по обыкновению решил, что пора ему выходить на любимую орбиту: «Читал, братцы, повесть...» И пошло! Интересы к повести гости не проявили, а кто-то вскользь заметил: «Я, кажется, что-то слышал о ней... Говорят, написана в достаточной мере примитивно, хотя и с претензиями». Только Владик весьма высоко оценил «выход» друга на ту орбиту. Он отвел Васю в укромный уголок и, оглянувшись по сторонам, шепнул: «Есть о чем потолковать... Я, между прочим, тоже поклонник такой литературы. Вместе пойдем домой. Договорились? О'кэй!» И тут же отошел в сторону, при-

мкнув к шумной компании, обсуждавшей перипетии вчерашнего большого футбола.

Было уже далеко за полночь, когда они возвращались со свадьбы. Владик предложил не спешить с поиском такси. Они шагали по набережной. Глебов говорил о работе, о начальнике. «Нас он призывает к высокой сознательности, энтузиазму, самоотверженности, любит рассуждать о силе моральных стимулов, а сам хапает где можно и где нельзя». Затем пошли исторические параллели. Потом — обобщения. Владик только изредка поддакивал, а Глебов все больше распалялся.

— Меня, Владик, отец учил так: жить — значит сражаться. Я считаю, что наше поколение должно сражаться со всем тем злом, что еще сохранилось в современном обществе. А ты как считаешь?

Как считает Владик? У него свой подход ко всем явлениям жизни. Он слушает друга и думает о том, что, пожалуй, «Глебов уже созрел», пора переходить к атаке. И сдержанно, еще не очень откровенно, но уже без всяких туманных намеков, Владик поведал тайну: интерес к пикантной, как он выразился, литературе свел его с неким Дюком, иностранцем, аспирантом МГУ.

— Занятный тип. Любит весело провести время, знает цену деньгам и считает, что на нашей грешной планете все можно купить и продать. Твердит, что политика его не интересует... Но как-то проговорился, что на Западе среди его близких друзей есть люди, у которых по особому заострен интерес к делам России. Одни хотят спасти ее от коммунистов, другие — спасти советских евреев от Советской власти, а третьи — ратуют за «самостийную» Украину.

— Ну и что же? — Глебов не сразу понял смысл столь широких связей господина Дюка.

— Ты слушай меня и на ус мотай — Дюк может быть весьма полезен тебе, если интересуешься... — Владик сделал какой-то неопределенный жест рукой, многозначительно поднял брови и добавил: — Этим самым...

Что значит «этим самым», Владик объяснять не стал, полагаясь, видимо, на сообразительность собеседника. И продолжал:

— Однако ты учти, он не такой уж добрый малый. Услуга за услугу. Как у филателистов, я тебе принца Уэльского, ты мне — короля шведского...

Расстались они почти на рассвете, договорившись

встретиться у Владика дома в ближайшую субботу вечером.

Дальше события развивались не очень быстро. Ни Владик, ни Дюк не форсировали их. Обработка новичка велась исподволь, и поначалу Глебову казалось, что и Владик и Дюк действуют на чисто коммерческих началах. Он как должное принял, когда однажды ему пришлось уплатить Владiku солидную сумму денег за «пикантную рукопись», а что касается «услуги за услугу», то в меру своих возможностей он, конечно, готов ответить. Хотя возможности у него ограничены. Как-то один из сослуживцев тайком, с тысячью всяких предупреждений и оговорок, дал ему кое-что почитать на вечер. Так в руки Владика попали рукописные опусы не очень именитого поэта и стенограмма какого-то закрытого диспута. Владик позаботился о технике быстрого размножения. У Глебова и в мыслях не было, что это и есть тот самый товар, который интересуется Дюк. И, конечно, он не подозревал, что Дюк за все это щедро расплачивается с Владиком дорогими сувенирами. Иногда, правда, у него возникали смутные догадки: фирма «Дюк—Владик», видимо, предприятие не только коммерческое. Но он старался не думать об этом. Какое, собственно, ему дело до каких-то таинственных связей Дюка со «спасителями» России. Правда, Владик от случая к случаю возвращал его все к тем же догадкам. Однажды он дал Глебову листок бумаги с двумя адресами, на французском и английском языках. Лондон и Париж...

— Что за адреса?..

— Подарок от Дюка. Если пожелаешь получить Авторханова, пошли по одному из этих адресов открытку.

— Кто такой Авторханов?

— Вася, как тебе не стыдно?.. Считай, что ты и не задавал такого вопроса. Эрудит первого класса... И вдруг — кто такой Авторханов?

Он восторженно говорил о «гениальном теоретике», но в «детали» не стал вдаваться. О «деталях» — Авторханов предатель Родины, расстреливавший советских людей, — Владик не счел нужным распространяться.

— Тебе надо обязательно почитать его «Технологию власти». Только не вздумай действовать в открытую. Напиши, что напоминаешь об обещанном лечебном препарате. И подпишись — Афанасий Крылов. Дальше не твоя печаль. Все будет о-кэй! А листок этот подальше спрячь.

И запомни — Дюк ждет чего-нибудь новенького... Ясно-понято? Тогда привет, прости-прощай!

Листок с адресами Глебов спрятал подальше, но про себя решил, что открытки в Париж и Лондон посылать не станет.

ДЮК ПЕРЕДАЕТ ЭСТАФЕТУ

Вот уже второй час шеф совещается с Егенсом, Нандором, Медичкой, но по-прежнему не все ему ясно.

— Послушайте, Егенс, перед тем как посылать человека в Москву, я хочу знать о русском докторе то, что до сих пор не знал, или то, что знал, но в другом ракурсе. Операция Дюк — Глебов кое-что внесла новое. И тем не менее...

Операция Дюк — Глебов... Егенс не без чувства профессиональной гордости только что докладывал о ней шефу.

— Вы были правы, сэр, когда сетовали по поводу «гнилого товара», который иногда подбрасывают нам здешние «русские патриоты». Но на сей раз «товар» оказался добротным. Дюк установил контакты с двумя молодыми инженерами. Оба очень перспективны. Один уже, собственно, созрел для дела. Его все знают как Владика. Фамилия — Веселовский. Дюк напрямую сомкнул его со своими хозяевами. А другой Глебов... С этим еще придется работать. Но уже сейчас оба они могут быть использованы для активного внедрения в дом Рубина. Оба бывали у него, знакомы с его дочерью Ириной. На ком же остановить выбор? Вот задача. Я решил ее в пользу Глебова. Дюк сообщил, что Ирина хотя и знакома с Веселовским, но называет его не иначе как подонок и всячески старается отвадить от своего дома. Она терпит его общество лишь потому, что со школьной скамьи Владик дружит с ее будущим мужем, Сергеем. И мы с Дюком решили поручить Сократа Глебову. Есть еще одно важное соображение в пользу Глебова: у Рубина и Глебова общее хобби — картины. У доктора в кабинете — картинная галерея, и он усердно старается пополнять ее. А Глебов в этом отношении человек полезный.

В общем, Егенс и Дюк сошлись на том, что кандидатура Глебова наилучшая. Тогда же была разработана легенда. Дюк, которому Глебов кое в чем обязан, просит инженера оказать ему пустячную услугу. В Москву,

в длительную командировку, должен приехать дядя Дюк: медик, ученый, который занимается исследованиями в той же области, что и доктор Рубин. Именно он, Рубин, по просьбе гостя, вероятно, будет руководить им в пору научной командировки. Так вот, не сможет ли Глебов поближе познакомиться с Захаром Романовичем, чтобы Дюк смог проконсультировать дядю: не ошибся ли тот в своем выборе? Речь ведь идет о довольно долгой совместной деятельности двух ученых... Глебов согласился. Операция прошла успешно. И тут немалую роль сыграло пристрастие доктора к литературе, которую Владик деликатно обозначил одним словом: «пикантная».

Однажды Глебов дал почитать Рубину изданную за рубежом на русском языке книгу Солженицына. Захар Романович с благодарностью принял и спросил:

— Откуда это у вас?

— Есть добрые люди, Захар Романович. Помогают поднимать «железный занавес».

Рубин ничего не сказал, но, когда возвращал Глебову книжку, счел нужным заметить:

— Если вам еще попадется что-нибудь такое-этакое... — И он щелкнул пальцами. — Премного буду благодарен...

Так у них установился контакт: их связала маленькая тайна. Впрочем, и скупка картин порой требовала известной конспирации, обе «договаривающиеся стороны» понимали, что афишировать подобные акции не следует.

Наконец, было еще одно обстоятельство, в немалой мере облегчавшее миссию Глебова: он, кажется, всерьез увлекся Ириной.

— Так или иначе, — заключает эту часть своего доклада Егенс, — мы получили достаточно подробную справку о жизни и деятельности Сократа... Вот она, сэр...

Пока шеф читает справку, Егенс пристально всматривается в лицо хозяина: доволен, раздражен? Судя по тому, как он неторопливо подошел к Егенсу и положил руку на его плечо, шеф доволен.

— Неплохо сработано... Смышленный малый. Черт возьми, он и служебный телефон Рубина сообщил... И адрес института... И список знакомых.

Но тут шеф делает паузу, желая, видимо, придать особое значение тому, что он скажет сейчас.

— Послушайте, Егенс, и все же вам не приходится в го-

лову такая мысль: Сократ водит за нос Дюка. Вот именно — за нос... Действует по заданию чекистов... Когда Глебов приступил к операции?

— Месяцев восемь назад, сэр...

— Когда вы имели последние сведения о том, что Глебов еще на свободе?

— Месяца три назад, сэр.

— У чекистов есть еще время поиграть с этим Глебовым...

— Вы вновь полагаете, сэр, что Сократ...

— Я не полагаю, Егэнс, а только предполагаю... Мы должны с вами принять столь важное решение, что не имеем права игнорировать любое предположение. На карту поставлена судьба человека, который поедет в Москву к Сократу. И если есть хоть малейшее подозрение, что Сократ связан с ЧК, мы должны все взвесить. Вы можете связаться с Дюком в Москве?

— Нет, сэр. Не могу... Дюк вынужден был покинуть Москву при обстоятельствах...

— Провалился?

— Да, сэр. Связался с не очень надежным парнем. Я вам говорил о нем... Сергей Крымов... Молодой человек заинтересовал чекистов и при первом же разговоре со следователем выложил все начистоту...

— Было стоящее дело? — небрежно спросил шеф.

— Пустяки... Тривиальная комбинация. Молодой человек привык жить широко, на дядюшкин счет. А дядя возьми, да и прикрой этот счет. Дюк не преминул воспользоваться и предложил юноше тридцать долларов за путевой репортаж Москва — Батуми для издательства, которое готовит книгу о России. Сергей сразу же согласился... А потом «завалил» Дюка. Ему дали два дня на сборы. Но он сумел оторваться от «хвоста» и передать эстафету Веселовскому...

— Глебов знает о случившемся с Дюком?

— Думаю, что нет, сэр. Веселовский предупредил Крымова: «О Дюке — никому. И упаси тебя бог Глебову рассказывать... Трепач, всем растрезвонит». Сергей, кажется, послушал его.

— Откуда у вас эта информация? Ведь Дюка нет в Москве...

— Сразу два источника. Первый — сам Дюк. Глебов в качестве туриста приезжал в Прагу и встречался там с ним. Дюк затащил его к себе в гостиницу и деликатно

«прощупал», что русскому известно о нем. И убедился — Василий не знает истинных причин отъезда из Москвы иностранца-аспиранта. Полагает, будто тот завершил свои занятия. На прощание Дюк подарил Глебову дорогой сувенир и сказал: «Это от моего дяди... В благодарность за любезное внимание. К сожалению, его поездка в Россию отсрочена. И тем не менее он будет рад всякой информации, касающейся будущего руководителя его работ». Они расстались, обменявшись адресами.

— Дюк дал ему свой настоящий адрес?

— Нет... Дядюшкин...

— Это — один источник. А другой?

— Веселовский... Через Дюка... Правда, в последнее время контакты Дюка с Глебовым и Веселовским прервались.

— А контакты Владика и Глебова?

— Глебов часто бывает в Москве, и они каждый раз встречаются. С доктором Рубиным — тоже...

Кажется, все сказано, все выяснено и пора принимать решение. Но шеф не спешит. Вытянув длинные ноги, он угрюмо смотрит на носки своих до блеска начищенных ботинок: «Кого же послать в Москву? Егенса, Нандора... Можно Медичку». Он неподвижно сидит несколько минут. Ему, бывшему офицеру королевских военно-воздушных сил, пришло в голову сравнить положение доктора Рубина с самолетом, удачно «схваченным» лучами прожекторов. Теперь только бы не выпустить. И добить.

Он вспомнил информацию Медички: «Человек гнилой, которого свалить можно без особого труда». Так ли? Кому же поручить? Нандор? Его, пожалуй, надо приберечь для второго захода. На первый раз рискованно. Ведь вопрос так и остался открытым: как поступил русский доктор после истории на стамбульском базаре — сообщил в КГБ или нет? Если сообщил, то Нандору нельзя показываться в Москве. Медичка?.. Эта хорошо знает Москву, москвичей. Но нет ли за ней «хвоста»? Пожалуй, Егенс... Шеф встает, подходит к Егенсу и говорит так, будто его внезапно что-то осенило.

— Послушайте, Егенс, а вам не пришла в голову такая весьма не оригинальная мысль — для поездки в Москву, для установления первого контакта с русским доктором самая подходящая кандидатура — это вы. Не так ли?

— Да, сэр... Я готов, сэр...

Шеф попрощался с коллегами и уже хотел было выйти из комнаты, но в дверях остановился и откашлялся. Егенс знал эту манеру «рыжего дьявола».

— Послушайте, Егенс. Как по-вашему, Глебов не догадался, что история с дядей Дюка — блеф?

— Думаю, что нет, сэр... Его перепроверят, сэр...

— Господин Глебов нас интересуется, так сказать, в плане более отдаленном. Но нам надо знать, в какой мере можно рассчитывать на него в будущем...

— Я предусмотрел этот вариант, сэр. Веселовский имеет поручение Дюка держать Глебова в поле зрения.

ПЕРЕПРОВЕРКА

Виктор Павлович аккуратно складывает несколько папок, убирает со стола диктофон, пленки. Рона, пожалуй, сделала максимум того, что можно было сделать. А что касается «перепроверки» Глебова, то и здесь многое проясняется.

...В конце апреля Глебов поехал в Москву утверждать проект. Ирина вспоминает об этом приезде с тревогой, что-то недоговаривая, а может, попросту сказывается недавний шок. Погиб человек, который... Она сама не знает, был ли он ей безразличен. Нет, нет, главное — Сергей. Он все. А Глебов?

— Станный это был человек. Для меня — загадка. Умный, образованный и в то же время с шорами на глазах, с каким-то узко-обывательским взглядом на жизнь... Писал стихи, обожал музыку, живопись... В тот день Глебов встретил меня утром, когда я шла на работу... Я спросила его: «Что это с вами? На вашем лице выражение такого восторга. Весна?» — «В том числе и весна... Посмотрите, как весело играет солнце в окнах домов, как ослепительно белы мохнатые облака в голубизне высокого неба... Тс-с-с! Прислушайтесь — вы слышите, как пощелкивая, лопаются почки на деревьях. Не слышите? А я слышу. И еще что-то слышу, чувствую... Вы спросили — что со мной, весна? Я вам ответил — в том числе и весна. А главное — вы...»

Ирина резко оборвала его тогда.

— Перестаньте сюсюкать, Глебов. Все это как-то неестественно...

— А для меня естественно, как вдох и выдох.

— Я прошу вас... Будем просто друзьями. Хорошо?

Глебов ничего не ответил и сухо попрощался.

В тот день Ирина пришла домой раньше обычного. Захар Романович был у себя в кабинете — ему нездоровилось. Но кто это у него там, с кем он так оживленно беседует? Пока она слышит только голос отчима. Захар Романович говорил о событиях в Чехословакии. Собеседник поддакивал. Но вот и собеседник подал голос. Глебов! До чего же назойливый молодой человек! Кажется, утром договорились?

Ирина распахнула застекленную дверь кабинета отчима. Ее поразило: оживленный разговор мгновенно прервался, и Глебов стал что-то лепетать о картинах...

— Я принес Захару Романовичу Модильяни... Вы представляете, что это такое — альбом Модильяни? Днем с огнем не сыщешь. И еще журнальчик... С перцем...

Ирина не стала задерживаться. Она сказала, что не хочет мешать им вести деловые разговоры. Глебов попытался переключиться на шутливый тон. Но Ирина тут же отправилась в свою комнату. Через десять минут она услышала, как хлопнула дверь. Глебов ушел.

В тот вечер она спросила у отчима: «Что это за журнальчик с перцем? Все из той же серии?» Ей известно было, что отчим собирался заняться сексологией и всерьез утверждал, что в наш век проблема секса становится столь же актуальной, как и экология. Захар Романович ответил уклончиво:

— Не совсем из той, Ириночка. Но тебе это будет не интересно.

Через два дня, в воскресенье, в канун возвращения Глебова на стройку, Владик устраивал пирушку. Были тут Ирина с Сергеем, Глебов и еще несколько друзей хозяина дома. Часов в одиннадцать утомленные и изрядно «нагруженные» гости расходились. Последним уходил Глебов. «Вася, задержись. Есть дело...» — шепнул хозяин. Пьяный, он не заметил стоявшую рядом Ирину. Тогда она не придавала никакого значения его словам.

«Есть дело...» Теперь Бутов догадывается, что это за «дело». Найденные при обыске письмо господина Соловьева, уже известный полковнику «коктейль» из магнитофонных записей, наконец, неотправленное и недописанное письмо другу... Тут, пожалуй, и домыслить нетрудно.

Полковник представил, как Владик на прощание передал другу все это «хозяйство». И тем не менее оставалось темное пятно. Сейчас, после гибели Глебова, может,

это и не столь важно. Однако и мертвые иногда могут свидетельствовать «за» и «против» живых. И Бутов вновь вспомнил сообщение Роны: перепроверить Глебова — вслепую ли действовал? И тут Бутова осенило. Это и была перепроверка! Вместе с магнитофонными записями Владик сунул ему фотокопию письма некоего Соловьева. Для Глебова это новая ступень той скользкой тропы, на которую он уже вступил. Владик сунул письмо и выжидал — как будет реагировать? Обычная проверка... Бутов уже знает, чем она кончилась. Он читал неотправленное письмо Глебова. «Нет, дружище, я не приемлю послание Соловьева... Мне чуждо и непонятно все, что я прочел в оставленном тобой письме. Может быть, ты случайно передал его мне? Случайно ли? Нам надо встретиться и о многом поговорить».

Они не встретились, не поговорили. И пока только чекисты знают результат учиненной по заданию Дюка перепроверки Глебова... Да, видимо, где-то стали действовать сдерживающие центры, что-то начинало проясняться в сознании молодого человека, барахтавшегося в сетях, заброшенных Дюком и Владиком. Не Ирина ли тому «виной»? Все может быть. Но Глебов мертв, и никто не объяснит...

Позже Веселовский покажет на допросе, как он хотел перепроверить Глебова: Бутов не ошибся в своей догадке.

КРАСАВЧИК

Прошло несколько дней, а Владик все еще не появлялся на московском горизонте. Исчез. Куда? Почему? Директор треста, где работает Веселовский, беспомощно разводит руками: «Ума не приложу... Перед праздником он договаривался со мной о командировке в Новосибирск, уверял, что там можно получить солидный заказ... Но так и не оформил командировку».

Теперь, после доклада Михеева, заявление директора треста кое-что прояснило: Рита, о которой говорил Сергей, жила в Новосибирске.

Но искать Риту по новосибирским заводам дело не простое. А искать придется. Так же, как и молодого врача из-под Курска. Здесь еще сложнее — неизвестны ее имя, фамилия, известно только, что отдыхала в Сочи. Тогда же, когда и Владик...

Ежедневно Виктору Павловичу докладывают о ре-

зультатах поиска Веселовского. Где-то у Бутова теплится надежда, что он скрывается у одной из этих женщин. А может, и еще есть адреса? Кто тут поможет? Сергей? Все, что знал, сказал. Тогда Бутов вспомнил давнишних дружков Сергея и Владика, пребывавших ныне в местах не столь отдаленных. Разыскали Сашу-валютчика. У него оказалась прекрасная память. «Владик? Конечно, помню... Красавчик». И он охотно рассказал о том, как втайне от Сергея — так настаивал Владик — они частенько встречались: «Понимаете, общие дела, валюта, знакомые девочки». Нет, не московские. Эти Сашу-валютчика не интересовали. Ему нужны были верные люди на периферии. И Владик связал его с двумя своими надежными «подругами», что стоило Сашке-валютчику немалых денег. Платить надо было Веселовскому и подругам. Адреса их он не помнит. Но может дать примерные координаты. Вера из Баку, блондинка, одинокая, живет на Набережной. Работала официанткой в ресторане «Интурист». По словам Саши, «секс-бомба». Марго из Батуми. Домашняя хозяйка с золотыми руками дамской портнихи. Выступает в художественной самодеятельности. Муж ее часто бывает в дальних плаваниях, что позволяет Марго жить так, как ей кажется приятным.

...Так кто же он, Сократ? В который раз генерал ставит перед Бутовым и перед самим собой этот трудный вопрос? И в свойственной ему манере формулировать мысли по пунктам он так и помечает на белом листе бумаги — 1, 2, 3, 4...

— Что дает нам основание подозревать Сократа в нечестной игре? На месте приземления Рубина снаряжение не найдено. Раз. От органов КГБ доктор скрыл свою роль при допросе партизана. Два. Не пожелал рассказывать о случившемся на стамбульском базаре. Три. Контакт с Глебовым на почве антисоветских изданий. Четыре. Линия Глебов — Владик — Рубин. Пять. Появление Захара Романовича в приемной КГБ и исчезновение Владика — события одного дня. Есть ли связь между ними? Кто, кого и о чем информировал? Известно, что Рубин после КГБ из дому не выходил, ни с кем не встречался. А если он рано утром, до того как пошел в КГБ, звонил Владику?

— Мда-а-а... Гипотеза...

И генерал ставит рядом с цифрой шесть вопросительный знак. Минуты две в кабинете стоит напряженная тишина, и, стараясь сбросить ее оцепенение, Бутов неожиданно спрашивает:

— А на поисках прикажете крест поставить, товарищ генерал?

— Кого, Владика?

— Нет, снаряжения разведчика...

Генерал удивленно посмотрел на Бутова.

— Есть какие-то новые данные?

— Никаких. Есть желание самому отправиться на место. Я не уверен, что Тропинин исчерпал все возможности. Разрешите.

— Только после возвращения Михеева из Новосибирска. Должен же кто-то оставаться здесь и руководить операцией? Кстати, когда вы в последний раз видели Рубина?

— Вчера. Старик очень сдал, осунулся, дрожат руки... Сидит дома на бюллетене. А дома атмосфера гнетущая. Вернулась Ирина, с отчимом разговаривать не желает. Лежит и молчит. Тут, видимо, и Михеев причастен, припугнул ее: «Ни с кем ни слова. Ничего не знаете, кроме того, что уже известно,— автомобильная авария, в которой погиб ваш спутник инженер Глебов». А Рубин тоже предупрежден — никто знать не должен о его заявлении в КГБ. Вот и молчат оба. Но думаю, что дело тут не только в наших предупреждениях... Полоса отчуждения — она уже давно легла между ними, а сейчас стала еще шире.

— Ваша встреча с Рубиным состоялась по его инициативе?

— Да. Просил разрешения поехать на неделю в подмосковный дом отдыха. Говорит, нервы сдают. Я сразу ответа не дал, сказал, что хочу посоветоваться.

— Пожалуй, можно разрешить. Но понаблюдайте.

СТАЛЬ И ШЛАК

Бутов любил ходить по улицам Москвы рано утром, когда они еще безлюдны. Он утверждал, что улицы в такую пору помогают думать. Вероятно, потому он и вышел из дома раньше того условленного часа, когда должна прибыть машина с капитаном из стройбата: им вместе следовать на поиск снаряжения Сократа. В пути доктор

присоединится к ним: полковник звонил в дом отдыха, предупредил, что собирается ехать в Плетневку и Рубину придется отправиться с ним. С тех пор прошло четыре дня, отмеченных немаловажными событиями, вокруг которых и вертелись сейчас мысли Бутова, разгуливающего возле своего дома.

...Из Сибири приехали два Сергея. Строков поселился у Крымова — благо дядя в длительной командировке. То ли общее дело — битва за очистительные устройства, — то ли сходный настрой их душ, но они очень подружились. Их легко принять за отца и сына. И трудно сказать, кто к кому больше прикипел.

В кабинете генерала состоялась трогательная встреча Строкова с группой соратников по партизанскому отряду: вызванные Бутовым в столицу, они ждали приезда Сергея Николаевича. Не то чтобы у генерала возникли сомнения — тот ли этот Строков, но он предложил, для порядка, довести дело до конца: пусть повидаются.

Да, это тот самый Строков, что принял столько мук в фашистском застенке и никого не выдал, ни в чем не признался, тот самый, которого допрашивал завербованный абвером Захар Рубин. Судьбе угодно было более четверти века спустя скрестить их дороги. Генералу еще не совсем ясно, потребуется ли очная ставка или можно ограничиться свидетельствами всех, кто сидит сейчас за столом. Разве только сам Строков пожелает. И Клементьев пристально всматривается в глаза этого человека.

— Что скажете, Сергей Николаевич, как порешите: будете разговаривать с Рубиным или не станете нервы трепать? Сейчас Рубин находится в Подмоскovie, дней десять пробудет там. Но слово за вами — потребуется, немедленно вызовем...

Строков вздрогнул, но, быстро овладев собой, тихо спросил: «Надо ли?» Генерал ничего не ответил и переключил разговор на дела стройки, проявив живой интерес ко всем московским хлопотам представителя комитета народного контроля.

Когда все уже было сказано и рассказано, когда партизаны стали прощаться, Бутов попросил Строкова задержаться.

— У меня к вам ряд вопросов. Вы никуда не спешите? Вот и хорошо...

Полковника интересовало все, что может сказать Сергей Николаевич о Крымове, все, что тот поведал

Строкову уже после отъезда Михеева: о себе, о товарищах, об Ирине. Но Строков немного может добавить к тому, что уже известно Бутову. Немного, если речь идет о фактах. Много, если иметь в виду его мысли, наблюдения.

— Молодежь у нас хорошая, товарищ Бут. По таким, как Владик, судить о ней нельзя. Владик — это шлак. А сталь — это Игорь Крутов. Из Сергея тоже сталь варить можно будет. Поверьте слову партийного работника.

Он говорил взволнованно, страстно. Строков хотел глубже разобраться в сложных процессах бытия таких, как Сергей, запутавшихся, споткнувшихся. Для него, Строкова, важно знать: образумился человек, удержался или покатился под откос? И тут Сергей Николаевич непоколебим в своих выводах: «Удержался!»

На лице Строкова сквозь сетку морщин проглядывает нечто подобное усмешке: «Может, я зря распалился и все это не имеет никакого отношения к делу, которое интересует чекиста?» И, перехватив это невысказанное Строковым сомнение, полковник поближе пододвинулся к собеседнику:

— Это все очень важно и интересно... Вот вы сказали: «Удержался». Как по-вашему, сам или кто-то помог? Кто? Что думаете по этому поводу?

Строков отвечает не сразу. Сложные вопросы. В поисках ответа он вспоминает все, что рассказал ему Сергей.

— На эту тему у меня был с ним щекотливый разговор. Я ему откровенно сказал: «Вот ты, Сережа, говорил о последней стычке с Владиком. И о том, как ты бой ему давал. И на лопатки укладывал. С трудной, я бы сказал, позиции открыл огонь. Но ведь ты сам когда-то на той же, что и Владик, ниве пасся. Откуда же этот крутой поворот? Владик тебе не в бровь, а в глаз поддал, помнишь: «Давай, давай, перековавшийся Сережа». Кто перековывал?»

Строков помнит, как досадливо поморщился Сергей: «Не надо так грубо. Это все куда сложнее, чем вам видится...» И все же попытался ответить. Во-первых, студенческая комсомолия. К тому же экономический факультет. «Ведь чему-то меня учили там, эрудицию должен был обрести...» И тут же усмехнулся, стал вспоминать о перепалке с Владиком, как тот кричал на него: «Ты дальше своего носа ничего не видишь. Официозная пресса

плюс официозные учебники. Послушай «Голос Америки». Никакой пропаганды. Только факты. Зато какие — наповал убивают!» А Сергей выдал ему историю французского философа, учившего искусству агитировать за монархию: «Надо уметь преподносить публике факты. Надо, чтобы француз, прочитав сообщение о собачке, раздавленной экипажем, немедленно завопил бы: «Долой республику!»

— Сергей сказал: «Во-первых, студенческая комсомолия». А во-вторых, в-третьих? — допытывается Бутов.

Строков не отвечает. Он сам вдруг задает неожиданный для Бутова вопрос:

— Вы знавали Ключева, сотрудника вашего комитета?

Виктор Павлович удивленно посмотрел на Строкова.

— Знал... Правда, не очень близко. Но, собственно, в какой связи?

— В прямой. Ключев — это и есть «во-вторых». Так Сергей считает. А по-моему, Ключев — это «во-первых».

Бутову приятно слушать все, что говорит сейчас Строков о Ключеве. Полковник думает о том, как иногда человек открывается перед тобой во всей своей красе, увы, уже после того, как он умер. И всем этим он щедро одаривал своего подопечного. Сергей Николаевич рассказывает о Ключеве тепло, с подробностями. И как на первых порах заглаживал к Сергею, и как просил начальство Синицына отменить на время командировки профессора.

— Тяжко ему досталось с Сергеем. Но была у Ключева в том трудном деле отличная помощница — Ирина... Вот жаль только, что она...

Строков запнулся. Умолк.

— Продолжайте, продолжайте, Сергей Николаевич. Вы хотели что-то сказать об Ирине?

— Что говорить... Дай бог им счастья... — Потом нахмурился, видимо, нахлынули воспоминания о Рубине, и угрюмо пробурчал. — За отчима она не в ответе. А Сергей про него ничего не знает и знать не должен. Пусть для него в этой девушке все будет светлым. Тут и без отчима тени понабежали.

Полковнику ясно: телеграмма и последовавшие за ней события вызвали у Ирины бурную реакцию, и снова наметилась трещина в ее отношениях с Сергеем. Они еще не встречались. Сергей звонил ей, но она не пожелала разговаривать. А ему кажется, что его разлюбили.

— Совсем скис мой молодой друг и соратник... Надо меры принимать. Завтра я сам поеду к Ирине...

Строков говорит это таким тоном, будто извиняется перед Бутовым за не в меру активное вмешательство в личную жизнь молодых. Он не догадывается, что Бутову именно это вмешательство больше всего пришлось по душе.

«ПО ПРОСЬБЕ ДРУГА»

События развивались не лучшим для чекистов образом. Вернулся из Новосибирска Михеев. Риту удалось разыскать, она действительно знакома с Владиком, была у него в гостях, в Москве, но вот уже год как не видела его. Столь же безуспешно завершилась и поездка Тропинина в Курск.

«Секс-бомба» из Баку была обнаружена в Сумгаите. Теперь она замужем. И соблюдая деликатность — не обидеть бы женщину, не нарушить покой семьи, — местные контрразведчики узнали, что бывшая официантка в последний раз встречалась с Владиком несколько лет назад. Найдена была и Марго. Муж — в плавании, а сама она четвертого мая неожиданно куда-то уехала. Обычно, уезжая, Марго предупреждает соседей, просит поглядывать за квартирой, а на сей раз никому ничего не сказала. Куда, зачем уехала? Неизвестно. Опрос соседей, дворника, управдома, участкового ничего путного не дал. Фотография Владика никому ни о чем не говорила. «Нет, такого не видели. Гости у нее бывают... Марго не привыкла скучать... Муж?.. Они друг другу не мешают...»

Поиск Владика явно осложнялся. А отыскать его надо во что бы то ни стало. От Роны пришло еще одно сообщение, из которого следует, что Владiku поручено, в случае если у Глебова возникнут осложнения, самому сблизиться с доктором. В частности, хозяева Владика интересуются, как относится Рубин к развитию событий в Чехословакии, каковы его настроения.

Оперативный сотрудник Снегирев, наблюдавший за квартирой доктора, позавчера сообщил, что неизвестная женщина опустила в почтовый ящик Рубина какой-то пакет. Снегирев не успел проследить ее дальнейший маршрут — она вышла из подъезда и тут же нырнула в поджидавшую ее машину — такси. Удалось только записать номер машины. Судя по рассказу таксиста, жен-

щина эта или иностранка, или из Прибалтики: говорила с акцентом. Машину взяла на стоянке у Пушкинской площади и туда же вернулась.

С разрешения соответствующих органов пакет был изъят из почтового ящика. В пакете оказалась магнитофонная пленка и записка, напечатанная на машинке. Неизвестный сообщал, что по просьбе близкого друга Рубина он посылает ему пленку с интересовавшими его записями. Если доктор пожелает и впредь получать подобные же пленки, то он должен во дворе дома по Ленинскому проспекту повесить объявление о продаже холодильника ЗИЛ и указать такой-то номер телефона. Пакет к вечеру был водворен на место. На пленке были записаны песенки на английском и немецком языках вперемешку с текстами обращения Чехословацкого контрреволюционного подпольного комитета к советской интеллигенции. В обращении — призыв к активным действиям и антисоветские клеветнические измышления.

Для очистки совести Бутов приказал провести исследование фотокопии записки, конверта, познакомиться с телефонным абонентом. Как и следовало ожидать, неизвестный указал совершенно случайные адрес и телефон. Пакет, видимо, был опущен туристкой с Запада, выполнявшей чье-то задание. Впрочем, возможно, что пакет брошен в почтовый ящик Рубина действительно «по просьбе друга». Тогда кто этот друг? Глебов, Владик? Егенс? Если верить информации Роны — это Владик. А что дальше? Какова будет реакция после того, как прослушает пленку? Сообщит ли Бутову? Вывесит ли объявление?

Вот о чем сейчас раздумывает полковник, ожидая «газик». Ему известно, что вчера доктор был в Москве, экипировался для поездки в район поиска. Ирина, вероятно, передала ему пакет, и, возможно, что он уже успел прослушать пленки.

ПИСЬМО ИРИНЫ

Рубин ничего не сказал Бутову о пленках, и полковник терялся в догадках: опять скрывает, темнит, увиливает? Или пакет еще не попал в его руки? Или, получив пакет, не успел прослушать пленку?

Хмурый, чем-то сильно расстроенный, понурив голову, Рубин сидит в машине рядом с Бутовым и однослож-

но, неопределенно, междометиями отвечает на вопросы Виктора Павловича: как здоровье, самочувствие, хорошо ли в доме отдыха?.. И вдруг Рубин встрепенулся. Это когда Бутов поинтересовался здоровьем Ирины:

— Надеюсь, никаких серьезных последствий аварии медицина не обнаружила?

— Есть последствия. Но они вне компетенции медицины,— все так же понутив голову, обронил Рубин.

— Что-нибудь случилось?

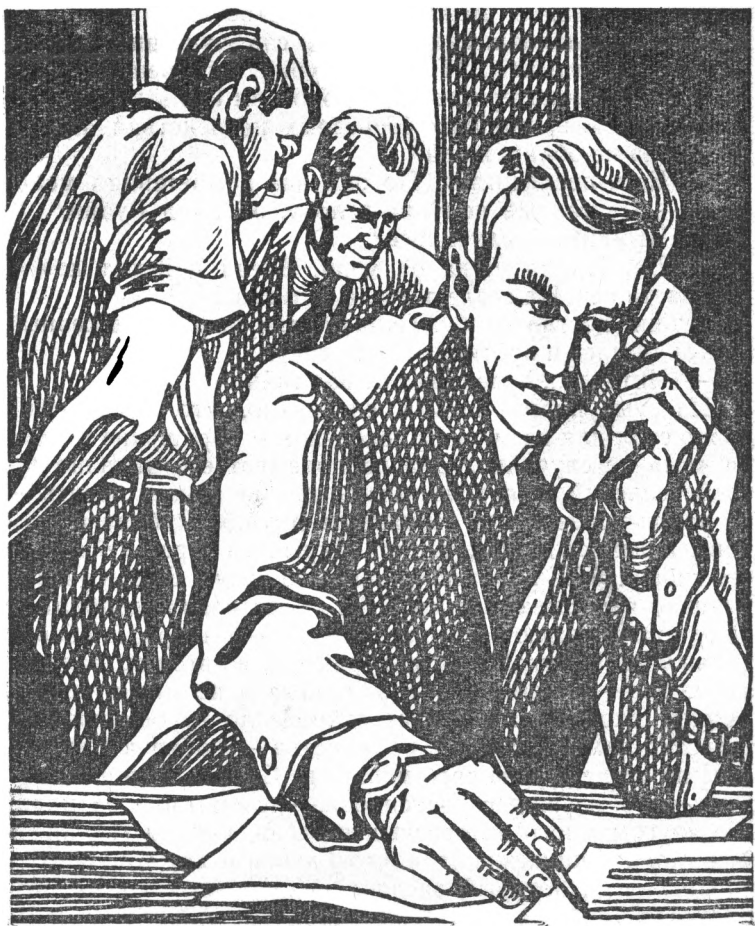
— Да. Ирина ушла от меня. Вчера приехал домой и не застал ее. На столе лежала записка...

Рубин достал из бумажника аккуратно сложенный листок бумаги и протянул его Бутову.

— Читайте... У меня нет от вас тайн...

Из сумбурного письма следовало, что отчим уже давно стал для нее чужим человеком и обращение к нему на «вы» не случайно. Она не приемлет его цинично-потребительский взгляд на жизнь; она не может понять — на какой почве могла возникнуть дружба Рубина и Глебова, истинное лицо которого открылось перед ней в день его гибели: «Не понимаю и знать не хочу... Боюсь узнать худшее, чем смею думать. Вы старательно долбили в одну точку, каплю за каплей: Сергей—бездарь, Глебов—талантлив. Чепуха! Это, во-первых. А во-вторых, талантливое зло — опаснее... Очень точные и не мною придуманные слова...» Ей претит откровенно грубое попирательство самого святого ее чувства — любви к Сергею. «Вы не устаете убеждать меня, что Сергей — нищий студент — это из вашего лексикона,— что он мне не пара, что кругом много интересных и очень, как вы выражаетесь, подходящих женихов, что Глебов — вот тот настоящий человек, который сделает меня счастливой. Я вам говорила и еще раз повторяю: «Подходящих кругом много, а таких, как Сергей, один». Какие бы бури не подстерегали нас, все равно мы будем рядом. Вы часто спрашивали меня — за что я полюбила Сергея? Я где-то читала, кажется в воспоминаниях Андреевой, что любят потому, что любят, а не за что-нибудь, за это ценят. Не знаю, поймете ли вы меня. У вас свой взгляд и на жизнь и на любовь».

Но самое страшное для Рубина — последние строки: «Р. С. Я не хотела писать вам об этом. Но все равно когда-нибудь вы должны будете узнать... Лучше — от меня... Я встретилась с родным отцом. Как это произо-

шло — не имеет значения... Пишу эти строки, раздираемая противоречивыми чувствами — чувством благодарности вам за все, что вы сделали для меня, и... Нет! Не надо! Не хочу писать обидные слова... Не хочу!.. Прощайте... Нет, до свидания... Не знаю... Полный сумбур чувств и мыслей... Нельзя перечеркнуть столько лет жизни с человеком, который заменил тебе отца... Я знаю... Это сложно...»

Бутов вернул Рубину письмо не проронив ни слова, не задав ни одного вопроса. Он ожидал — что еще скажет Захар Романович? Но доктор не склонен был разговаривать. Молчал, тяжело дышал и нервно перебирал пальцы.

Виктор Павлович рассеянно смотрел на влажный асфальт, убегавший под колеса машины, на поля, давно сбросившие белые зимние покрывала, на окутанные молочным туманом дома деревни и на старые высокие вязы, что несли свою вахту на обочинах. Мысленно он вновь перечитывал письмо и думал — почему Рубин не утаил от него этот вопль души Ирины? Он не мог не знать, что такие, как Бутов, умеют читать и между строк. И потом: «Боюсь узнать худшее, чем смею думать...» Ему, Бутову, известно, что имеет в виду Ирина. Но Рубин-то не знает, что есть сообщения Роны, Михеева, что Бутову уже многое известно. Зачем же показал письмо?

...В полдень они прибыли в район поиска. Моросил холодный мелкий дождь. Захар Романович, поеживаясь, кряхтя, вылез из машины и, поглощенный своими невеселыми думами, отошел в сторону, как бы подчеркивая: «Не хочу мешать вам, товарищ Бутов». Виктор Павлович что-то обсуждал с капитаном. Капитан направился в деревню искать саперов — они прибыли сюда раньше, а Бутов остался около машины, терпеливо ожидая, ког-

да же наконец заговорит Рубин. Ему казалось, что молчание явно тяготит доктора. За дни, что прошли после его появления в КГБ, он постарел на несколько лет. И щеки впали, и мешки под глазами увеличились, и бесследно исчезла былая осанка. Теперь во всем его облике чувствовалась какая-то пришибленность. Беспокойно бегавшими глазами Рубин оглядывал то опушку леса, то низкий берег реки за мостиком, то новенькие дома на окраине деревни. Вздыхал, вертел в руках шляпу и молчал.

Полковник подошел поближе к Рубину и спросил:

— Вы, кажется, что-то сказали, или я ослышался?

Доктор поднял голову, вопрошающе посмотрел на Виктора Павловича и нетвердым голосом ответил:

— Нет, я ничего не сказал...— А после небольшой паузы добавил, и при том несколько многозначительно: — Я только хотел сказать...

— Слушаю вас... Может, мы сядем в машину. Погода не очень приветлива...

— Да, что-то знобит...

Они уселись в машину, и Рубин все тем же нетвердым голосом промолвил:

— Я не знаю с чего начать... Прежде всего позвольте заверить вас, что я буду откровенен до конца. Я не могу больше... Недомолвки... Это как камни на шее... Я показал вам письмо Ирины, полагая, что вы тут же спросите меня...

— Зачем же спрашивать, когда нам и без того очевидно — вы не все сказали. Не всю правду. Неизвестны только побудительные причины. О них можно лишь догадываться. Итак, я слушаю...

Рубин говорил тихо, несвязно, понутив голову. Дружба с Глебовым... Как возможный и перспективный зять он сформировался позже. А начиналось с покупки картин, с участвовавших на этой почве встреч.

— Главным образом у меня дома, чаще с глазу на глаз, иногда в присутствии Ирины, а раза два в ресторане с участием Владика. И тогда мне показалось, что «парадом командует» он, Владик, тип весьма неприятный... Глебов оказался интересным собеседником, острым, наблюдательным, со своими взглядами на многие явления жизни. Впрочем, иногда я ловил его на том, что он говорил услышанное мною несколько дней назад по радио. Я имею в виду западное...

Рассуждая о жизни вообще, Глебов однажды переключился на злободневную в ту пору тему — события в Чехословакии. Он доверительно сообщил мне, что располагает на сей счет информацией куда более широкой и объективной нежели та, что дает наша печать. И тут же достал из кармана картонный пакет с нерусскими марками. Потом бережно извлек из пакета целлофановый мешочек с роликом магнитофонной пленки. И Рубин услышал на русском языке грубую антисоветскую проповедь деятеля контрреволюционного чехословацкого подполья. Я спросил его: «Откуда это у вас?» Он отшутился: «Есть на свете добрые люди... Добрые и отважные.— Потом спросил: — Что скажете по этому поводу, Захар Романович?» Я отмолчался.

Глебов принял молчание за знак согласия и более смело повел разговор на острые политические темы, разговор, после которого он не без оснований решил, что, видимо, имеет дело с единомышленником. И уж во всяком случае не с противником. В худшем для него, Глебова, варианте — нейтралитет. Во всяком случае, Рубин с интересом листал принесенный ему через несколько дней издававшийся на Западе русский журнал. Вместе с журналом он получил рукопись неизвестного ему автора, о котором Глебов сказал: «Талант, но, увы, у нас не признан. Причислен к касте очернителей. А здесь напечатает». И ткнул пальцем в журнал.

— Рукопись могу оставить на три дня... Но прошу учесть... Надеюсь, вы все понимаете, Захар Романович. Никому не показывать, даже Ирине. А вообще-то, если вас, Захар Романович, такая литература интересует, могу быть полезным.

Так постепенно укреплялись их контакты.

— Во время нашей последней встречи в ресторане «Арагви», — продолжал Рубин, — Глебов на улице, прощаясь, буквально на ходу шепнул мне: «Если вы получите пакет с такой же пленкой, какую мы с вами как-то прослушивали, не удивляйтесь. И не пугайтесь. Один наш общий знакомый по моей просьбе позаботился и о вас».

Только вернувшись домой, я стал осмысливать все, что сказал Глебов. Был у меня такой порыв — повидаться с ним до его отъезда и потребовать: «Увольте меня от забот нашего общего знакомого». Но сразу я его не разыскал, а через два дня он улетел. И я забыл об этой

нашей последней встрече и вдруг вчера, когда заглянул домой, увидел на столе рядом с письмом Ирины адресованный мне пакет. Такой же, какой в свое время доставал из кармана Глебов. И пленка из той же серии. Вот и все...

— Все? — переспросил Бутов. — Все, что вы хотели сообщить нам? Это и есть те камни на шее?

— Видите ли, Виктор Павлович...

Но в этот момент появился капитан, и разговор прервался.

...И вот снова идет поиск снаряжения разведчика. Новые шурфы, новые надежды. И новые неудачи. После долгих блужданий по неприветливому и топкому лесу Бутов спросил Рубина.

— Что будем делать, Захар Романович?

Доктор беспомощно развел руками.

— Право, не знаю. Могу только просить... Прошу вас верить...

— А доказательства? Вы хотите, чтобы мы вам верили. Согласитесь, что все как-то складывается не лучшим образом. И не в вашу пользу.

Сейчас можно было бы, конечно, продолжить прерванный разговор. Но Бутов не торопится и не торопит. Пусть Рубин еще на какое-то время останется один на один со своими тревожными мыслями. И пусть самая тревожная среди них — снаряжение-то до сих пор не найдено! — заставит его наконец сбросить с «шеи» все камни сразу. А не скидывать их по одиночке, да с оглядкой: «Может, уже достаточно?» Ему, Бутову, надо увидеть подлинное лицо этого человека. Виновен или нет? С открытой душой явился, или двойник, который снимает маску лишь в той мере, в какой принуждают его к этому обстоятельства? Вот о чем думает Бутов, поглядывая на сникшего Рубина.

— Так что же будем делать, Захар Романович? — повторяет он свой вопрос.

— Убейте меня, не могу припомнить, где зарыл...

Он еще ниже склонил голову, вобрал ее в плечи, потом нащупал в кармане сигареты, закурил и глубоко затянулся.

— Постарайтесь вспомнить хотя бы основное — местность, где вы приземлились, та самая? Или сомневаетесь?..

— Будто бы та самая, — не совсем, однако, уверенно

процедил Рубин.— Я запомнил ориентиры... Отсюда видна извилина дороги, мост... До них примерно километр.

— В котором часу вы вышли из леса? Помните?

— Примерно в шесть утра.

— Что вам бросилось в глаза, когда вы пересекали открытую местность?

— Мост и извилина дороги... Я очень обрадовался, когда вышел на дорогу.

— Вышли на дорогу... А дальше что?

— Остановил полуторку и сел в кузов.

— Номер машины не запомнили?— машинально, не надеясь на успех, спрашивал Бутов.

— Нет, конечно. Шофером был солдат. Рядом с ним сидел сержант. Везли на ремонт в Москву авиационные моторы. С ними я и добрался до КПП.

— Какое утро было тогда? Солнце, туман?

— Накрапывал мелкий дождик. Но было тепло.

— И вокруг никого не было?

Захар Романович помедлил с ответом, видимо напрягал память, пытался воссоздать обстановку того утра. Нет, ничего он вспомнить не может. Разве только такая деталь.

— Вот тут паслось стадо коров.

— Без пастуха?

Захар Романович уставился на Бутова глазами, полными отчаяния и смутных надежд.

— Пастух? Нет, пастуха не было, был мальчик.

— Что за мальчик? Чей? Что он делал тут?

— Коров пас. Мальчик лет двенадцати-тринадцати.

— Встретили мальчика... Это хорошо...— У Бутова свой, профессиональный ход мысли.— Очень хорошо. Теперь попытайтесь-ка вспомнить, что дальше было.

— Когда я вышел из леса, мальчонка заметил меня и пошел навстречу, а, поравнявшись, попросил закурить. Я пожурил его, сказал, что такому пареньку курить еще рано, но папироску тем не менее дал.

— Вы хоть спросили как его звать, мальчика?

— Да.

— И что он ответил?

— Дай бог памяти...— Захар Романович потер лоб ладонями, затем зажал ими лицо, кряхтел, стонал и вдруг звонко отчеканил:— Вспомнил — Макар! Да, да, Макар! Я его спросил, как тебя звать, и он ответил — «Макар».

— А фамилия?

— Фамилию не спросил.

— Ну, что же, будем искать Макара...

Бутов хотел спросить еще о чем-то, но, взглянув на обессиленного Рубина, понял, что сейчас этот человек уже не способен ни вспоминать, ни разговаривать и даже стоять на ногах. Еще минута, и он повалится на землю. Виктор Павлович взял его под руку и повел к машине.

Поздно вечером они подъехали к дому отдыха, и Бутов проводил Рубина до палаты.

— Как чувствуете себя, Захар Романович? Может, врача вызвать?..

Рубин мотнул головой.

— Спасибо, не надо, пройдет...

ДВЕ ФОТОГРАФИИ

С утра на Бутова обрушился ворох всякой информации. Больше всего потрясло сообщение Михеева, которое по сути своей для хода дела уже и не имело решающего значения: «Строков в больнице! Душевное потрясение!..»

...Ирина поначалу встретила гостя с распростертыми объятиями: прибыл от любимой тетки с поручением. Она любезно пригласила его к столу, предложила чай, пирожные. Но Строков решительно от всех угощений отказался и, не глядя на Ирину, тихо сказал:

— Вы уж простите меня. Я обманул вас...

Ирина вздрогнула.

— То есть как...

— Да вот так... Я к вам не от тетушки пожаловал, а от Сергея. Не хотел сразу раскрываться, боялся, что и разговаривать со мной не станете.

Ирина рассвирепела, и Строков потратил немало усилий, чтобы вернуть ей душевное равновесие.

— Вы не сердитесь на него. Поверьте, я лучше вас жизнь знаю, не спешите давать оценку людям. Парень он настоящий, а споткнуться и на паркете можно...

И Строков рассказал, как это все произошло с той злополучной телеграммой.

Она не без злости спрашивает: «Сколько же можно спотыкаться?» И, не ожидая ответа, рассказывает Строкову о том, что тот уже сам знает. И не потому Строков не слушает ее, что девушка говорит об известном ему. Он весь сейчас там, за стеклом книжной полки, где стоят две большие фотографии. Сергей Николаевич подходит по-

ближе, пристально рассматривает их, и, прервав Иринин монолог, спрашивает:

— Откуда у вас эти фотографии?

Она обернулась в его сторону и испуганно отшатнулась — руки Строкова дрожали, лицо побледнело.

— Что с вами? Дать вам воды?

— Не надо... Быстрее отвечайте. Откуда у вас эти фотографии?— Это уже была не просьба, а вопль.

Ирина подошла к Строкову, взяла его под руку, усадила в кресло и встревоженно спросила:

— Почему вас так заинтересовали фотографии? Это моя мама с отчимом сразу после войны... А это папа, которого я никогда не видела и не увижу, он погиб на войне.

...О всем, что произошло потом, Ирина уже рассказывать не могла, да и помнилось ей все это смутно. Строков откинулся на спинку кресла. И все же нашел в себе силы подняться, обнять ее и сказать: «Доченька!» А Ирина, ошеломленная, потрясенная, гладила его седые волосы и сквозь слезы восклицала: «Папа!» Потом звонила Сергею: «Скорей, скорей приезжай»,— это вместо того чтобы звонить в «неотложку». Ей кажется, что отцу стало лучше. Приняв валидол, он уже не так тяжело дышал. Сейчас она уложит его в постель, поставит горчичники. А он протестовал, не желал оставаться в доме человека, который сперва допрашивал его в фашистском застенке, а потом отнял у него — так Строков считал — жену и дочь. Он умолял Ирину уехать сейчас же, вместе с ним. И навсегда. Куда? Ну, хотя бы к Сергею... А Рубин? «Оставь ему письмо... Ты больше не вернешься сюда. Никогда».

Ошеломленная Ирина не совсем понимала, что стоит за этим категорическим требованием отца. В конце концов отчим ничего плохого ему лично не сделал. Более того, сберег дочь. Почему же не встретиться, не поговорить, не остаться в добрых отношениях? Ведь сколько таких же, казалось бы, историй случалось после войны! Другое дело — ее личные отношения с Рубиным. Вероятно, она все равно покинула бы этот дом. Все шло к тому. Но это уже другая сторона медали. А сейчас... В чем тут дело?

Не знает Ирина, что среди фотографий, взбудораживших отца, была и фотография человека, лицо которого он никогда не забудет: Захар Романович Рубин, предатель,

допрашивавший его в фашистской тюрьме. Не знает и никогда не узнает. Строков не скажет ей ни слова о том, кем был ее отчим.

— Не спрашивай меня ни о чем... И твоей, и моей ноги в этом доме не будет.

Такова его воля.

...Обо всем этом Михеев подробно рассказывал Бутову со слов Ирины. А она говорила бессвязно, говорила и плакала. Сергей был рядом с ней. Они теперь неразлучны. Никуда она отсюда уже не уедет, от своего Сергея. А ночью отцу опять стало плохо, и врач «неотложки» распорядился — немедленно в больницу.

Бутов слушает Михеева и вспоминает вчерашний разговор с Захаром Романовичем, письмо Ирины. Встает перед ним фигура обессиленного, поникшего, приниженного Рубина, который, кажется, не сегодня-завтра может оказаться там же, где и Строков. «Ничего не поделаешь, Захар Романович! Надо расплачиваться. И по самому крупному счету — счету совести».

Минуту-другую полковник сидит молча, раздумывая о запутанности житейских дорог, со всеми их замысловатыми коленцами, но размышления приходится прервать — дела не ждут.

...В тот же день группа чекистов и их помощников повела опрос жителей Плетневки и сел, примыкающих к району высадки парашютиста Рубина в 1942 году. Устанавливали всех Макаров, которым тогда было 10—15 лет. Набралось десять человек, но только пять из них по-прежнему жили и работали в том же районе. Опрошенные Макары заявили, что никогда пастухами не были, что в те места, о которых речь идет, в ту пору, которая интересует органы госбезопасности, не хаживали. Итак, осталось еще пять Макаров. Где они? Где тот Макар, которого более четверти века назад угостил папироской вышедший из леса военврач?

Застучали телетайпы, в комитете зашифровывались и расшифровывались сотни телеграмм с пометкой «Макар». В сотни адресов были переданы фотографии Рубина военных лет. Были опрошены почти все Макары, в разное время покинувшие район высадки парашютиста Рубина. Их искали в Новосибирске, Харькове, на строительстве Асуанской плотины, на Тихом океане. И отовсюду приходили неутешительные вести: «Нет, не знаю такого»; «нет, коров не пас»; «не встречал»...

В те дни Бутова все чаще одолевала тревожная мысль: может, и нет никакого пастуха Макара? Есть хитрая игра двойника, неплохо разыгрывающего свою роль раскаявшегося, страдающего, переживающего и порой «подбрасывающего» что-то новое о своих контактах. Но не более того, чем требуют обстоятельства. Ведь вот уже два дня, как Рубин вернулся домой из дома отдыха, а не дает знать о себе, не ищет продолжения разговора, начатого тогда, в машине.

НАШЛИ!

Можно отнести это на счет чего угодно — случая, удачи, энергии, профессионального мастерства чекистов, но факт остается фактом: в один и тот же час к Бутову поступило два сообщения от двух поисковых групп — от самой северной и самой южной, из Якутии и Аджарии. В Якутии отыскался след Макара Волкова, которому было тринадцать лет, когда он пас коров в Плетневке. Он тут же изъявил готовность, несмотря на «страдную пору» — инженер возглавлял большую геологическую экспедицию, — вылететь в Москву. Послезавтра его нужно встречать в аэропорту. А завтра утром доставят Владика, задержанного недалеко от Батуми, у границы, где он скрывался в доме любовницы.

В семь утра над Москвой поднялся вертолет, взяв курс на Плетневку. На борту вертолета — Бутов, Рубин и Волков. Саперы уже на месте, ждут их.

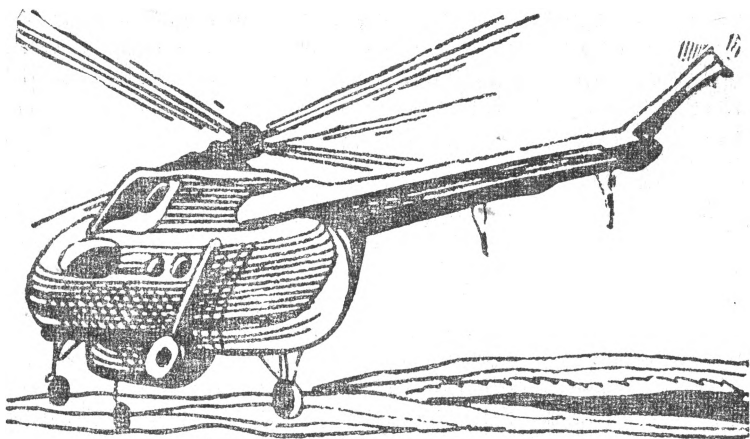
Сегодня вечером Бутов должен быть в Москве, чтобы продолжить допрос Владика. Первые его показания подтвердили все, что было известно о нем: о его связях с иностранной разведкой, о его попытках привлечь к своим темным делам Сергея, Ирину (через Глебова), а главное — Захара Романовича. Рубин — объект №1. Владик «обкладывал» его терпеливо, осторожно, обстоятельно. А сам старался все время оставаться в тени, выставляя на авансцену то Глебова, то Сергея. Линия Владик — Глебов — Рубин четко очерчена. Доктор клюнул было на глебовскую (точнее, владиковскую) наживку, но неожиданно развернувшиеся события привели его в приемную

КГБ. Теперь будущее Рубина во многом зависит от бывшего пастуха Макара, от его зрительной памяти. А она действительно сохранилась у него отличнейшим образом: «Вот здесь они и паслись, мои телята. Здесь я стоял, а вон оттуда вы, Захар Романович, показались...» — И Волков ткнул пальцем в сторону леса.

После двух часов поисков, на пятом шурфе старший команды саперов радостно воскликнул: «Нашли!»

...Рубин недвижимо сидит на сырой земле, забыв про

возраст, болезни, и внимательно разглядывает коробочки, рацию в сумке, пистолет, пачки денег старого образца. Ему хочется потрогать их своими руками, погладить шелк наполовину истлевшего парашюта, в котором было завернуто все это удивительно хорошо сохранившееся снаряжение, — оно и сейчас, четверть века спустя, выглядело новехоньким. Но он предупрежден — не имеет права даже пальцем прикоснуться к вещам.

Бутов и Волков склонились над ним.

— Может, помочь вам?

— Нет, нет... Не надо!.. Сейчас я сам поднимусь... — И Рубин, кряхтя, с большим трудом поднялся на ноги.

Бутов наблюдал, как двое сотрудников КГБ — они прибыли сюда вместе с саперами — в перчатках осторожно раскладывали на подстилке шпионские средства связи, нападения и обороны. Стрекотала кинокамера. Солнце светило ярко, и были основания надеяться, что кадры получатся добротными. Теперь последнее слово за экспертами. Им решать судьбу доктора Рубина, им отвечать на четко поставленный вопрос: было ли все это снаряжение в работе? Если да, то сохранились ли следы, свидетельствующие о причастности доктора Рубина к использованию снаряжения?

...К вечеру они вернулись в Москву. Всю дорогу Рубин молчал. Он сидел хмурый, бледный, опираясь головой на сплетенные руки. Бутов смотрел на него и думал:

так обычно сидят подсудимые, когда ждут приговора. А он чего ждет? Ему бы, кажется, ликовать сейчас — наконец-то нашли снаряжение! А доктор мрачнее тучи. Боятся, что скажут эксперты? Странно! Впрочем, почему странно? Разве Бутов уверен, что снаряжение это не было в работе? А Стамбул, о котором доктор ничего не рассказывал, а контакты с Глебовым, Владиком, а литература, магнитофонные записи, сообщение Роны...

Когда машина подъехала к дому Рубина, он растерянно спросил:

— Какие будут дальнейшие указания, Виктор Павлович?

— Никаких,— сухо ответил Бутов.— Если, конечно, у вас у самого не возникнет необходимость сообщить что-то в дополнение...

Рубин испуганно посмотрел на Бутова.

— В дополнение... Я хочу сказать...

На мгновение — нет, Бутову это не показалось, видимо, появилось желание что-то сообщить...

— Я хочу сказать,— продолжал Рубин после небольшой паузы,— что с нетерпением буду ждать заключения экспертов. Надеюсь, вы сразу же сообщите мне, Виктор Павлович...

— А разве вы не уверены в этом заключении?

И снова в глазах Рубина испуг.

— Уверен, конечно. Но у меня есть нервы...

— Да, да, я понимаю вас. Сообщу незамедлительно.

...О судьбе Владика Ирина и Сергей узнали в КГБ, куда их поочередно вызывали в качестве свидетелей, предупредив: никто не должен знать о том, что вас вызывали в комитет по делу Веселовского.

Первым свидетельствовал Сергей. Разговор был долгий, трудный. Крымову пришлось со всеми подробностями рассказывать о тех днях своей жизни, которые он хотел бы забыть. Забыть навсегда. Все, от первой до последней строчки, включая историю таинственной телеграммы. Тогда же состоялась его очная ставка с Владиком. Глядя в лицо своему бывшему другу, Сергей сказал все, что думал о нем. Слова были резкие, гневные, обличительные.

— Все сказанное мною в адрес Веселовского в ка-

кой-то мере относится и ко мне самому. И я готов нести ответственность.

...На улице его ждала Ирина. Она ни о чем не спрашивала Сергея. Лишь в глазах его прочла: «Было тяжело, а сейчас стало легче».

— Я буду ждать тебя. В сквере, у памятника первопечатнику. Договорились?

— Не надо. Никто не знает, сколько продлится беседа.

— Все равно я буду ждать...

Они разошлись в разные стороны.

...Ей не очень были понятны вопросы следователя, когда речь зашла о связях Глебова и Владика с Рубиным. Что стоит за этими вопросами, где главная нить, при чем тут Захар Романович? Она выжидающе смотрела на следователя — может, этот человек внесет ясность. Но он не вносил. Да и все эти вопросы задавал так, между прочим, — следователь явно не желал концентрировать внимание девушки на линии Глебов—Владик—Рубин. А что касается ее личных связей с Глебовым, Сергеем, с его друзьями — тут уж потребовалась напряженная работа памяти. Вопросы касались встреч, разговоров давно забытых и в свое время казавшихся малозначащими.

От следователя ее привели к Бутову. Она в нерешительности остановилась посреди кабинета — хмурая, встревоженная. О чем будет расспрашивать ее этот человек?

— Что же вы стоите? Присаживайтесь... Вот так...

Она беспомощно обвела взглядом небольшой кабинет Бутова и неловко села на краешек стула. А Бутова интересовали планы молодых: где собираются жить, не вернулся ли Сережин дядя из командировки за рубеж? Потом стал расспрашивать о дальнейших намерениях Сергея, о ее делах в институте: «Какие проблемы решаете, Ирина Захаровна?» Ирина отвечала бойко, даже несколько задиристо, она и не заметила, как исчезли скованность, растерянность, испуг.

— Пытаюсь предотвратить самоистребление человечества, разрушение нашей планеты... Занимаюсь экологией...

— Значит, со Строковым единым фронтом действуете? Он, так сказать, по общественной линии, а вы — по научной? Надеюсь, Строков рассказывал вам о своих битвах за очистители?

— Нет, не успел... Я от Сергея об этом слышала. Они ведь друзья.

— А как здоровье Строкова? Долго ли ему лежать в больнице?

— Первые невеселые прогнозы медиков начисто отпали. Теперь бунтует, не хочет в больнице оставаться. Мы его скоро заберем домой...

— Простите, куда вы сказали — домой?

Она сразу уловила суть вопроса:

— Дом Сергея теперь и мой дом. И дом моего отца...

— А к отчиму не хотите?.. Строков уже виделся с ним?

— Нет! А почему — не знаю, не могу объяснить...

— Не можете или не хотите?

— Не могу, потому что сама не знаю, в чем тут дело.

— И это вас огорчает?

— Да. Вам известно о наших сложных взаимоотношениях... Я имею в виду отчима. Но ведь Захар Романович на ноги поднял меня. От этого никуда не уйдешь. И я искренне огорчена, что все так нелепо получилось...

— Вы не огорчайтесь. В жизни, к сожалению, иногда нелепостей оказывается слишком много. Будем надеяться, что все образуется.

— Я надеюсь...

Ирина и не подозревает, что «образуется» быстрее, чем она надеется. Вчера Бутов навещал Строкова. Он застал его уже не в палате — старик сидел в холле и сражался в шахматы. Был у них разговор и о Рубине. Сергей Николаевич говорил о докторе уже не столь жестко, как прежде.

— Я о многом передумал, лежа в постели... Бессонница... Ночью всякие мысли лезут... А что, если, черт возьми, доктор по вашему заданию пробрался в абвер. Бывало ведь и такое? Что скажете? Молчите! Понимаю, профессия обязывает...

Он говорил громко.

— Не надо с таким жаром... — улыбнулся Бутов. — Вам это противопоказано, а то ведь меня отсюда и выставить могут, как носителя отрицательных эмоций.

— А вы не улыбайтесь. Когда о человеке хотят лучше думать — это значит, что действуют положительные эмоции. Медицину не ведаю, а партийную работу отлично знаю... Человековедение... Слыхали про такую науку? Так вот, вернемся к Рубину. В тот день, когда он меня допрашивал, я в сердцах проклинал его: фашистский ублюдок!

А спустя много лет мне кажется, что это не от души шло у него, у доктора... Полагаю, что не по доброй воле действовал. А может, и поручение было такое?

Строков вздохнул и умолк. Видимо, говорить ему на эту тему нелегко.

Пауза длилась недолго.

— Это все, конечно, эмоции, дорогой товарищ. Но факт остается фактом. Допрашивал он меня вместе с офицером абвера. А вы уж сами разберитесь. Однако думаю, если голос потерпевшего имеет значение, что не от души работал. Не то что иные полицаи. Учтите это.

Помолчал, потом обронил:

— Полагаю, что на свадьбе рядом сидеть будем. Дети ничего знать не должны. У нас и без того хватает любителей мутить молодые души, лбами сталкивать. Не одобряю. Что было, то было. Чего ворошить? Не согласны? Ну, почему не отвечаете? Простите, забыл. Профессия у вас такая — спрашивать и слушать...

Строков говорил глуховато, не повышая голоса и не глядя на собеседника. А тут вдруг окинул Бутова испытующим взглядом, осмотрел по сторонам и спросил:

— Вы не спешите? Вот и хорошо. Пришла мне в голову шальная мысль. Хочу поделиться. Только вы не сердитесь на старика. Говорю, что думаю. А у больного мысли, как блохи, скачут. И ассоциации все больше больничные. Так вот... Вы, чекисты, иногда напоминаете мне хирургов, которые имеют дело только с язвами, опухолями, искалеченными конечностями.

— А вы, однако...

— Это уж как вам угодно. Говорю, что думаю...

Бутов улыбнулся.

— Гм-м-м... Хирург и контрразведчик! Любопытная аналогия. Есть тут, кажется, сермяжная правда. Но я позволю себе взглянуть на нее, на эту правду, еще и с такой позиции. Хирург отсекает охваченную гангреной ногу, чтобы жил человек. Он отрезает три четверти пораженного язвой желудка, чтобы сохранить одну четвертую, чтобы жил человек. Это нам с вами только кажется, что хирург ничего не видит, кроме опухолей, гнойников, язв. Неправда! У него необычный глаз — впивается в одну точку, а обнимает пространство. Чуете? Смотрит на раковую опухоль, а видит все человеческое тело: спасти бы его, уберечь! И контрразведчик так... Он, как и хирург, действует по принципу — лучше отрезать три четверти не-

годного желудка, но чтобы легко дышалось человеку... Жестоко? Нет, гуманно... Если, подчеркиваю, он из одной точки, именуемой глазом, видит пространство, видит общество в целом, благородное, процветающее. Общество, которому мешает гнойник... На такую аналогию чекиста с хирургом согласен... А вы?

Строков не сразу ответил.

— И все же... Вот вы сказали — видеть пространство... За гнойником разглядеть весь живой организм. Это все не так просто. И, увы, не всем дано. К сожалению... Может быть, я ошибаюсь?

— Нет, не ошибаетесь. Это действительно не так просто...

Бутов встал.

— Вы — партийный работник... Вам в последние годы не приходилось заниматься подбором молодых кадров для органов госбезопасности?

— Нет, не доводилось...

— Жаль. Вы бы сейчас лучше поняли меня... Вы и не представляете, сколь высоки ныне требования партии к людям, которых она направила к нам в последние годы. И может, одно из самых главных среди этих требований — уметь видеть за гнойником, опухолью весь организм... Все общество. Правильно оценить, отграничить, взвесить, не потерять перспективы. Это дано только человеку крепких нервов, здоровой психики, если выражаться языком медиков. Короче говоря, требуется трезвый, ясный ум коммуниста, глубоко понимающего суть политики партии...

Строков слушал полковника, глядя куда-то в сторону, а когда Бутов умолк, медленно повернулся к нему и покачал головой.

— Здорово это у вас получилось. И насчет опухолей, и насчет подбора кадров. Слушал вас и вспоминал Дзержинского. При нем, замечу я вам, семья чекистов пополнилась преимущественно за счет рабочих. Забывать этого не следует. Ныне среди рабочей молодежи много умниц, образованных людей. И со всякими дипломами — от десятилетки до университета. Да, да... Отличнейший резерв.

Строков умолк. И непонятно было — то ли он решил передохнуть, то ли собирался с мыслями. Но пауза длилась недолго. Строков положил Бутову на колено руку и проникновенно сказал:

— А вообще-то, замечу я вам, Виктор Павлович, что вы сегодня раскрылись передо мной совсем в неожиданном качестве...

— Да что вы...

— Вы, оказывается, трибун...

— Вот видите. А вы говорили, что наше дело только спрашивать и слушать... Ну, будет, точка. Вон, как укоризненно сестра поглядывает на меня. Дескать, пора и честь знать...

...Бутов ничего не рассказал Ирине об этом разговоре со Строковым. Но, уже прощаясь, успокаивал ее: «Вы не огорчайтесь, все будет хорошо... Привет папе передавайте. И Сергею тоже...» Он хотел добавить: «Мы с ним еще повидаемся». Но удержался.

«ЗА» И «ПРОТИВ»

Бутов и Михеев докладывали генералу о ходе операции «Сократ», о найденном шпионском снаряжении, о первых показаниях Владика, свидетельствах Сергея, Ирины. И о самом последнем сообщении Роны по поводу одного важного факта, остававшегося невыясненным. Егенс при встрече с Рубиным сказал ему: «В вашем досье на 50 страницах 15 сообщений Сократа». Доктор тогда негодовал, возмущался, кричал: «Это шантаж». Так Рубин рассказывал Бутову. А что, если в досье Рубина действительно хранятся 15 сообщений? Сколько раз, перечитывая заявление Рубина в КГБ, Бутов задерживался на этих строчках, подчеркнутых красным карандашом. И вот теперь все ясно. Рона, сообщая о докладе Егенса шефу, приводит его слова: «Я пытался прошупать Сократа, заявив, что в его деле 15 доносов, переданных им Квальману. Но, кажется, ничего не вышло. Мне показалось, что доктор Рубин искренне негодовал по этому поводу: «Шантаж, провокация». Я полагаю, что он в качестве разведчика не был практически использован абвером...»

Генерал любит точно препарировать все факты: это — «за», это — «против». В графе «за» появились значимая запись: 15 сообщений Квальману — шантаж; снаряжение обнаружено. Правда, нет еще заключения экспертов. И тем не менее найденное снаряжение шпиона весомо ложится в графу «за». Но и в графе «против» еще не все перечеркнуто. На первом месте — Стамбул. Генерал расценивает эту историю как второе по значимости грехопа-

дение Сократа. Рубин не может не знать: Нандор со стамбульского базара по роду своей деятельности родной брат господина Брайткопфа из гитлеровского абвера.

У Бутова своя особая манера докладывать о ходе операции: полковник докладывает так, будто никого в комнате нет и он сам с собой ведет разговор.

— Кто же есть Рубин? Вопрос номер один. Имеются ли основания считать, что он нас водит за нос? Таких оснований стало меньше, но они еще имеются. По каким-то причинам доктор пока не выкладывает всей правды — не хочет или не может? Или боится? Начал рассказывать о контактах с Глебовым, показал письмо Ирины и замкнулся. Да, были обстоятельства, прервавшие нашу беседу в Плетневке. Ну, а потом? Сколько было поводов вновь вернуться к прерванному разговору? Не вернулся. Отмалчивается. Что это — трусость, страх? Или подсадная утка? Тогда зачем приезжал Егенс? Тактический маневр? А сообщения Роны?

Генералу нравится эта бутовская манера думать вслух. Но вот Бутов уже перестал задавать себе вопросы, и теперь генерал задает их:

— Что предлагаете, Виктор Павлович? Выводы? Соображения?

— Склонен думать, что имеем дело с человеком нечестным. Заявление в КГБ и дополнение к нему — не от души, от расчетливого ума. Но даже и сейчас, охваченный смертельным страхом, кое-что недоговаривает, на что-то еще надеется. Ведь могло случиться и так, что первый разговор с Рубиным пришлось бы вести не в приемной КГБ, а в кабинете следователя. Напоминаю линию Рубин—Глебов—Веселовский. Линия эта запросто могла привести Сократа в камеру. Даже если бы Егенс не пожаловал.

— Согласен. Железная логика событий. Я много думал над тем, кто есть Рубин? Да-а-а. Человек он ничтожный. И в то же время... Мы с вами свидетели трагедии человека со слабой волей в гигантской битве двух миров. Ведь замысел его был нацелен на то, чтобы обмануть абвер. Задумано-то было хорошо, а силы воли не хватило. Это человек мелких чувств, среди которых первое место занимает животный страх. Вы точно подметили: смертельный страх. Но я думаю, что не сегодня-завтра вы услышите от него и про Глебова и про Стамбул... Попрошу вас, Виктор Павлович, предусмотреть варианты даль-

нейшей работы с Сократом. Если, конечно, результаты экспертизы будут благоприятными. Варианты должны быть рассчитаны на различный поворот событий. Вы меня поняли?

— Да, товарищ генерал. Варианты будут подготовлены. Разрешите идти?

— Нет... Задержитесь... Я говорил вам о трагедии... Вот тут, кажется, ее последний акт.

И генерал развернул лежавшую на столе зеленую папку.

— Вчера вечером мне доложили материалы суда над предателем Родины. Двадцать пять лет Аким Климов скрывался под чужой фамилией в разных краях страны. До войны жил в Москве, учился с Рубиным в одной группе. Вместе с ним уехал на практику. В одну и ту же область, но в разные города. Когда пришли немцы, явился в гестапо с доносом на главного врача больницы, не успевшего эвакуироваться: «Скрывает комиссаров». Был завербован, и гестапо внедрило его в местную подпольную организацию. Аким Климов показал:

«Я впервые увидел ее на рынке и сразу же узнал. В Москве меня познакомил с ней Захар Рубин. Мы вместе провели вечер в кафе «Националь». Позже Захар посвятил меня в свои отношения с этой женщиной... В городе, оккупированном немцами, она появилась под чужой фамилией, с паспортом на имя Генриетты Миллер и с легендой: отец — из немцев, крупный инженер, был арестован в 1937 году, и больше она его не видела. Вскоре забрали и мать. Гостила у одинокой тетушки, работавшей на границе с Латвией. Когда началась война, вместе с тетушкой стала пробираться на Восток. Эшелон их бомбили. Тетушка погибла, а она попала к немцам. Вскоре я стал догадываться — кто она и зачем пожаловала в этот город. Миллер выдавала себя за учительницу немецкого языка и после проверки ее взяли на работу в качестве переводчицы. Однажды я застал ее на квартире у электромонтера Куркина — руководителя пятерки. Он познакомил нас, сказав, что эта женщина просит его починить электроплитку. Я пользовался доверием Куркина, так как оказал большую услугу подпольщикам: достал две очень нужные им справки. Постепенно я сблизился с Миллер и сообщил о своих наблюдениях в гестапо. Мне было сказано: «Ваш объект № 1 — фрау Миллер». Контакты наши участились. Я выполнил одно ее поручение —

как ни старалась она облечь его в безобидную форму, не трудно было понять: поручение разведчицы! Однажды, когда мы остались вдвоем и немного выпили, я, по совету гестапо, сказал ей прямо: «Зачем вы скрываетесь от меня, фрау Миллер? Не доверяете? Ведь мы с вами в Москве встречались. Помните, в «Национале», вместе с Захаром? Тогда вы не были Генриеттой...» Только на секунду в глазах ее метнулся испуг. «Ну и что же... Тогда я должна была скрывать от многих свою немецкую фамилию, имя... Мой отец, немец, был расстрелян в тридцать седьмом...» Но уже при следующей встрече она раскрылась. Очевидно, «монтер» безоговорочно верил мне. Она далеко не все рассказала о себе, хотя теперь уже и не скрывала, что связана с подпольщиками».

...Генерал прервал чтение и отложил папку в сторону.

— Климов выдал разведчицу в тот день, когда она должна была передать нашему командованию по радиции сведения чрезвычайной важности. После недолгих допросов и пыток ее повесили.

В кабинете воцарилась тишина, нарушаемая лишь мерным тиканьем стоявших в углу старинных часов с длинным маятником.

— Вы не назвали подлинное имя фрау Миллер, товарищ генерал...

— Елена... Та самая Елена, о которой рассказывал вам Рубин, та самая Елена, от которой он трусливо и подло шарахнулся в сторону, как только почуял, что над ней сгущаются тучи. Даже повидаться побоялся. А она вон какой оказалась! Вот так... Трусость всегда была сродни подлости.

— Я могу рассказать Рубину о судьбе Елены?

Генерал не сразу ответил. Ему известно состояние здоровья Захара Романовича: врачи настаивали на госпитализации, а он, не объясняя причин, категорически возражал, отлеживался дома и пичкал себя всякими таблетками. Ежедневно к нему приходила медсестра и делала уколы.

— Не спешите. Это же еще один удар... Пока не получим заключение экспертизы, не рассказывайте. Да и когда получим... Надо еще подумать. Отрицательными эмоциями этот человек сыт. С лихвой. Да вот что еще скажут эксперты. Когда обещают дать заключение?

— Завтра.

На следующий день Бутов докладывал генералу: ра-
ция, пистолет не были в деле. Таково заключение экспер-
тов.

— Ну, что же, можно порадовать доктора.

— Когда намерены встретиться с ним?

Бутов посмотрел на часы.

— Если разрешите, завтра...

Он смущенно улыбнулся и добавил:

— Дочка в восьмой перешла. Круглая отличница. Се-
годня семейный культпоход на «Пиковую даму». А завтра
утром я буду у Рубина. Но мы с вами так и не решили:
сообщать ли доктору о Елене?

Генерал провел ладонью по волосам.

— Трудный вопрос! А вы как считаете, Виктор Пав-
лович? Тяжко будет ему?

— Думаю, что тяжело будет. Я вспоминаю, как дрожал
у него голос, когда он рассказывал про свой отъезд на
практику. А сейчас узнает...

— Что предлагаете?

— И все же предлагаю сказать. Сказать все, что зна-
ем про Елену. Раньше, конечно, про экспертизу. Сперва
обрадуется, а потом... Пусть выпьет всю чашу до дна. Это
плата за трусость. А вы справедливо заметили, товарищ
генерал,— трусость сродни подлости.

ЭХО СТАМБУЛЬСКОГО БАЗАРА

Позже Рубин точно укажет Бутову время, когда раз-
дался телефонный звонок: двадцать один пятнадцать.
«Я уже лег в постель, сердце прищемило... Лежал и
смотрел телевизор. Началась передача концерта».

— Захар Романович?

— Да.

— Мне надо вас увидеть... Всего лишь на несколько
минут. Да, да, не больше. В двадцать два ноль пять буду
ждать вас на Самотечной площади. При входе в сквер.
Вам знакомо это место?

Наступило минутное замешательство, после чего Ру-
бин тревожно спросил:

— Позвольте, кто это говорит?

— Ваш старый знакомый. Воронцов просил меня по-
видаться с вами и передать вам сувенир. Я звоню из

автомата, тут очередь, торопят. Кончаю разговор. В двадцать два ноль пять буду ждать...

Неизвестный повесил трубку. Наступила пауза. А через несколько минут в квартире доктора вновь раздался телефонный звонок.

— Захар Романович?

— Да, слушаю.

— Это опять я. Прошу извинить, но в двадцать два ноль пять мне не успеть. Мы встретимся в двадцать два десять. На том же месте. Вы меня слышите, Захар Романович?

— Да, слышу...

— Вот и хорошо. Жду вас в двадцать два десять.

Охваченный сумятицей мыслей доктор подумал: зачем потребовалось неизвестному второй раз звонить? Проверить — свободен ли телефон, не тороплюсь ли я позвонить куда-то, кого-то предупредить? Удостовериться — приду ли на встречу? Что делать? Что предпринять? Взял платок, стал обтирать потное лицо, поднял телефонную трубку, снова положил. Подошел к секретеру, достал из ящика записную книжку и лихорадочно быстро стал листать ее.

Рубин позвонил Бутову на службу. Никто не ответил. На квартиру — молчанье. Тогда он позвонил по третьему телефону, против которого было помечено — «пожарный случай». Бутов должен быть немедленно поставлен в известность о его, Рубина, телефонном разговоре с загадочным субъектом.

...Виктор Павлович с женой и дочерью были в это время в театре. Уже Германн прокрался в дом графини, уже явилась в свою спальню «сиятельная» старуха, знающая тайну трех карт, когда над креслом Бутова кто-то склонился и шепнул: «Срочно к телефону». Вызвал дежурный по управлению.

— Только что звонил Рубин... Неизвестный требует встречи с ним в двадцать два ноль десять в сквере на Самотечной площади.

Бутов посмотрел на часы — двадцать один тридцать — и усмехнулся: «Знакомый почерк — минимум времени в распоряжении того, с кем встретишься». Ну, что же, попытаемся не опоздать!

В двадцать два часа он был в комитете. От дежурного сразу прошел к себе в кабинет. Через пять минут позвонил Рубин. Из автомата.

— Я нахожусь на пути к месту встречи...— Доктор говорил так невнятно, сбивчиво, что поначалу трудно было понять, о чем идет речь. И тем не менее Рубин довольно точно передал содержание двух своих телефонных разговоров с неизвестным.

— Не волнуйтесь, Захар Романович. Максимум собранности, внимания, наблюдательности.— Полковник говорит ровным, спокойным голосом, будто речь идет о пустяках.— Выполняйте указания. Действуйте так, как мы с вами однажды условились. Помните? Не забыли? Желаю успеха.— И тут же проверил: выехали ли на место оперативные сотрудники.

Нандор — это был он — встретил Захара Романовича на пяточке, при входе в сквер. Гость издали узнал Рубина, двинулся ему навстречу, приблизился и отрекомендовался: «Федор Федорович!..»

— Вот видите, пророк прав: гора с горой не сходится...

Он повел себя как добрый, мягкий, но требовательный хозяин, которому Захар Романович уже не первый год служит верой и правдой. Они вышли на безлюдную аллею, и Нандор сразу же перешел к делу.

— У вас есть возможность в ближайшее время выехать на Запад?

— Пока не предвидится,— сквозь зубы процедил Рубин.

— Ищите такую возможность и, если она представится, непременно воспользуйтесь.

— Зачем? — машинально переспросил Рубин, хотя ему все ясно и без того.

— Там мы сможем более обстоятельно обсудить наши отношения, разработать методику выполнения наших просьб, вооружить вас материалами, инструкциями, которые обеспечат вашу личную безопасность.

— А сейчас что же... Ведь и вы, и я, мы оба — вне опасности? Или я заблуждаюсь?

— Нет, вы точно оценили обстановку. Ни вам, ни мне власти этой страны, в которой мы с вами находимся, ничего криминального предъявить не могут. Даже если бы они захотели это сделать. Мы с вами ничего противозаконного не совершили. Встретились, как добрые, старые знакомые. Не так ли, господин Рубин? В свое время вы оказали мне честь, посетив мой магазин. И я был рад этому. Теперь...

— Что вы хотите от меня? — раздраженно прервал его Рубин.

— О, совсем немного. Дружбы и лояльности. И притом во имя наших общих интересов. Подчеркиваю, общих. Не будем сейчас уточнять детали, они носят преимущественно технический характер. Поговорим о главном. Если вам представится возможность, приезжайте к нам на Запад. Само собой разумеется, что только на время. Центр нуждается в услугах господина Рубина, когда он в Москве. В какую страну? Это практически не имеет значения. Разумеется, в страну западного содружества. Нас не надо заранее уведомлять о вашем выезде. Поверьте, у нас достаточно возможностей с абсолютной точностью знать день и час вашего приезда в любой город любой страны Запада. Мы сами позаботимся о нашей встрече. Если вы приедете к нам с группой туристов, то от вас потребуются минимум находчивости: ненадолго избавиться от общества соотечественников. Выберите подходящее время... Обо всем остальном мы позаботимся сами. Вам ясно? — И, не ожидая ответа, сделав лишь небольшую передышку, Нандор продолжал: — Если у вас ничего не получится с выездом на Запад, тогда мы предпримем другие меры... Кто-нибудь из ваших западных коллег пригласит вас персонально на симпозиум, конгресс. В крайнем случае — для выступления с лекцией перед студенческой аудиторией. Если вы получите такое приглашение, не отказывайтесь, немедленно начинайте оформлять выезд. О средствах на поездку можете не беспокоиться. Денег у вас будет достаточно. Это наша забота...

Рубин пытался заглушить душившую его злость:

— Позвольте. О чем вы говорите? Вы представляете, что это сулит...

Нандор прервал его с легкой снисходительностью:

— Я много лет провел на Востоке, господин Рубин, и хорошо знаю коран. В нем записано: «Вчерашний день прошел, завтрашний еще не наступил, у тебя есть только сегодня». Вам все ясно?

И вдруг рядом с ними, словно он из-под земли, вырос высокий, элегантно одетый, худощавый молодой человек.

— Простите, как отсюда проехать до Киевского вокзала?

Рубин стал объяснять. Незнакомец внимательно слушал и — может, это показалось доктору — пристально

рассматривал его. Молодой человек поблагодарил и неторопливо зашагал к троллейбусной остановке. И тут Захар Романович обратил внимание на неожиданное совпадение — в руках незнакомца был точно такой же портфель, как у «Федора Федоровича». Два совершенно одинаковых, стандартных, темно-коричневых портфеля: что это, случайное совпадение?

Нандор, видимо, перехватил полный любопытства и недоумения взгляд Захара Романовича.

— О, вы есть очень любопытный и наблюдательный джентльмен.

— О чем вы?

— О вашей наблюдательности, господин Рубин. Похвально. Я буду докладывать шефу, что вы есть очень наблюдательный и отлично ориентируетесь в обстановке. Я буду отмечать, что вы всегда быстро принимаете единственно правильное решение. Я заметил это еще тогда, на базаре, в Стамбуле...

Рубин вздрогнул, побледнел. Ему ясно: сети подняли и груз его давних преступных деяний. Агенты иностранной разведки нашли досье, заведенное на него гитлеровцами. «Привет от Воронцова...» Так, так... Значит, он из рук в руки передан. От одного разведчика другому. Извольте теперь расплачиваться, Захар Романович!

Тяжкие его раздумья прервал приглушенный голос Нандора.

— Нам пора расстаться, Захар Романович. В Москве мы, вероятно, уже не увидимся. А на Западе я буду рад приветствовать вас...

СТРАХ

...Направляясь к выходу из сквера, Рубин облегченно вздохнул. «И это все?» Нет, не все! Он слышит торопливые шаги Нандора. «Федор Федорович» догоняет его, берет под руку и все так же ласково говорит:

— Возьмите мой портфель. Здесь русские книги по биологии. Больше в нем ничего нет. Теперь запоминайте: завтра утром, в восемь сорок, с этим портфелем вам надлежит быть у Рижского вокзала на остановке автобуса номер девяносто восемь, идущего к центру. У вас в Москве в этот час люди едут на работу и автобусы всегда переполнены. Вы займете очередь. За вами пристроится тот самый молодой человек, которому вы только что

объясняли, как проехать до Киевского вокзала. Вы будете держать портфель в правой руке, ваш спутник — в левой. В автобусе вы обменяетесь портфелями. Других контактов между вами не должно быть. Вы не знаете друг друга и не должны знать. Получив портфель, можете сходить на любой остановке. И тут же, немедленно отправитесь домой. Запомните, домой! Портфель вы откроете дома. Только дома! И, конечно, без свидетелей. В портфеле вы найдете все необходимое для вас.

И, попрощавшись, Нандор широким, энергичным шагом направился к площади.

...Идут минуты, долгие как годы. Захар Романович ждет Бутова. Только что они договорились по телефону о встрече. Как объяснит он Бутову — почему до сих пор молчал о Стамбуле, Нандоре? Почему до конца не рассказал о последних контактах с Глебовым? Поверит ли? Поймет ли? И словно в калейдоскопе проносятся перед ним страшные картины прошлого, о котором он так мучительно старался забыть.

...Бутов весело приветствовал хозяина дома, участливо поинтересовался здоровьем, настроением. Доктор с трудом поднимается навстречу гостю, и полковник безуспешно уговаривает его прилечь на кушетку.

— Вам нездоровится, Захар Романович? Может, отложим наш разговор?

— Нет, нет. Категорически возражаю. Нельзя. И обстоятельства требуют. И потом... Нам надо о многом переговорить. Я не могу больше... Я устал...

Он умоляюще посмотрел на Бутова и уже не сказал, а, задыхаясь, прохрипел:

— Я устал от страха! Сейчас вы все поймете, Виктор Павлович. Начнем вот с этого.— И он достал из кармана пиджака какую-то крохотную штучку.

— Вот ваш милифон. Тут запись моей сегодняшней беседы с иностранцем. Но прежде чем вы прослушаете ее, я должен сообщить вам нечто такое...

Рубин потер руками лицо, нервно встал из-за стола. Наконец он решился и тихим, но твердым голосом произнес:

— Помните, тогда, в машине, вы сказали: «Нам известно, что вы еще не выложили всей правды...» Это так. Даже после всего того, что я рассказал вам о Глебове. Беседа наша прервалась. Я не решился продолжить ее. А вы не настаивали. Теперь я понял почему: «Пусть Ру-

бин примет все муки человека с нечистой совестью. Пусть... Придет время, и признается». Так, да? И камни остались на шее. Увы, сегодня не по доброй воле я сбрасываю их. Вы услышите записанные милифоном слова «Федора Федоровича»: «В свое время вы оказали мне честь, посетив мой магазин». Будь он проклят!

Перед Виктором Павловичем лежит на столе милифон, но полковник не спешит включать его. Пусть говорит сам Захар Романович.

...Виктор Павлович слушал Рубина молча и, только когда был упомянут Владик, спросил:

— Когда вы его видели в последний раз, в какой связи?

— В тот день, когда пришел к вам, в КГБ. Утром я отправился на работу и недалеко от дома, лицом к лицу, столкнулся с ним. Мне показалось, что он подстерегал меня. Он был очень встревожен.

Накануне вечером в аэропорту Владик встретил только что прилетевшего в Москву соседа Глебова по квартире, инженера Глухова — они были знакомы. Глухов сообщил об автомобильной катастрофе в Карпатах. Глебов погиб, а его спутница, москвичка — жива. Ходят слухи, что катастрофой, Глебовым, москвичкой интересовались органы милиции, КГБ. Ходят слухи о какой-то таинственной телеграмме, полученной москвичкой в канун катастрофы. На квартире у Глебова был обыск, забрали какие-то письма, книги, пленки...

Владик выпалил все это скороговоркой и тут же спросил Рубина:

— Как отдыхает Ирина, она, кажется, в тех же краях?

Рубин принял этот вопрос за чистую монету. Охая и ахая, доктор стал рассказывать, что сегодня в шесть утра звонила тетка и сообщила о катастрофе. Владик стал бурно выражать сочувствие, успокаивать, а потом торопливо потащил Рубина в тихий, безлюдный переулок и, боязливо оглянувшись по сторонам, пробурчал: «Захар Романович! Советую не афишировать ваши встречи. И со мной тоже. Кстати, вы не посылали Глебову письмо? Когда отправили? До востребования? А что писали, если не секрет?»

Рубин ответил: «Поблагодарил за книгу, сообщил, что вы мне звонили и обещанных Глебовым пластинок не передавали». Содержание письма явно расстроило

Владика, хотя он старался держаться бодро — ему ведь известно, о каких пластинках шла речь: так условно назывались магнитофонные записи.

«Это все чепуха, Захар Романович! Туфта! Ничего предосудительного тут нет, но, как говорится, береженого бог бережет... Глебов, кажется, помогал вам в приобретении кое-каких картин и книг. Так вот запомните: ничего этого не было. С Глебовым вы встречались один-два раза. Мимолетное знакомство. Со мной тем более. Ясно-понятно?..» И Владик быстро скрылся.

— Я вернулся домой,— продолжал свой рассказ Рубин,— растерянный, насмерть перепуганный. Встреча с иностранцем, напомнимшем о прошлом, и с Владиком, взбудоражившем настоящее,— все это сплелось в моем сознании. В голове был полный сумбур. А тут еще в памяти всплыл стамбульский базар. Согласитесь, было от чего и растеряться, перепугаться. В тот час страх окончательно и утвердил меня в решении поехать в КГБ, чтобы сообщить о Егенсе. Пока только о Егенсе. А дальше видно будет. Это была главная моя ошибка. Но в те минуты я ни над чем не задумывался — мне важно было сбросить с себя груз тайны сорок второго года. Он тяготил меня более двадцати пяти лет. Все остальное — так мерещилось мне — производное от сорок второго. Я позвонил на работу, сказал, что плохо чувствую себя, и направился к вам. О далеком прошлом вы знаете все. У вас нет оснований не верить. Осталось только получить заключение экспертизы.

— Мы его получили.— И ни один мускул не дрогнул на лице Бутова.

— И что же? — задыхаясь от волнения, спросил Рубин.— Почему вы молчите? Я ведь сна лишился, ожидая...

— Теперь можете спать...— Он хотел сказать — спокойно, но воздержался.— Экспертиза установила, что снаряжение не было в работе...

— Виктор Павлович! Мне трудно сейчас сказать нужные слова...

Взволнованную его речь прервал телефонный звонок. Рубин взял трубку.

— Нет, нет, я не сплю еще... У меня сейчас отличное настроение... Да, да, есть основания. Спасибо, родная, чувствую себя лучше. Недостает тебя. В доме пусто. А папины как дела? Моя помощь не требуется?

И вдруг снова помрачнел, насупился, и две глубокие морщины прорезали переносицу.

— Не расстраивайся. Это все сложно... До свиданья. Я терпеливо буду ждать.

Он положил телефонную трубку и тяжело зашагал по комнате.

— Сядьте, пожалуйста. Вам покой требуется, доктор. К тому же я не терплю, когда передо мной расхаживают. Скажите, пожалуйста, после того письма Ирины — это первый ее звонок?

— Нет, не первый. Она приходила сюда. Встретила на улице моего аспиранта и узнала от него, что я болен. У нас было бурное объяснение. Она призналась, что поступила тогда как взбалмошная девчонка, но это был взрыв давно накапливавшегося негодования. Детонатором явился отец. Она сказала мне много правдивых и обидных слов. Нервы не выдержали, и я расплакался. Потом я рассказал ей все... Все, кроме сорок второго года... Бог ты мой, как страшно, когда вдруг узнаешь, что человек, который жил рядом двадцать пять лет, вовсе не близок тебе!

— А вы не подумали о том, что Ирина, вероятно, испытывает сейчас точное такое же чувство? И возможно, в еще более острой форме.

— Но она теперь рядом с отцом, а вокруг меня пустота... И страх...

— Кстати, об отце. Она вам что-нибудь рассказывала о нем?

— Я о нем почти ничего не знаю. Строков с какой-то исступленностью твердит, что не хочет меня видеть. Того же требует и от Ирины... Странно, дико... Ирина объясняет все это его крайне болезненным состоянием и не хочет тревожить отца. Он не знает, что Ирина приходила ко мне. Но я надеюсь, что мы станем друзьями. Обычная послевоенная ситуация...

— Вы уверены в этом?

— В чем?

— В том, что ситуация обычная. И в том, что вы станете друзьями?

— Позвольте, нет же никаких оснований...

— А может, и имеются такие основания.

Бутов сказал это, как всегда, спокойно, не повышая голоса. И так же спокойно спросил:

— Вы смогли бы восстановить в памяти все детали

допроса партизана в фашистском застенке?.. Я имею в виду допрос, который абвер в порядке проверки Рубина поручил ему вести.

Захар Романович привык к самым неожиданным вопросам Бутова, к его самым резким переходам от одной темы к другой. Но сейчас он потрясен.

— Не терзайте мою душу, Виктор Павлович! Я не могу больше...— Рубин запнулся, а потом твердым голосом сказал: — Хорошо, я постараюсь восстановить в памяти все, что было... Я имею в виду допрос...

И он со всеми подробностями рассказал, как, выполняя приказ офицера абвера, допрашивал партизана.

— ...Это последний камень, который я сбрасываю со своей шеи. Я виноват перед вами. Не за прошлое. Это само собой. За настоящее, за то, что сразу не раскрылся. Полностью. Во всем. Вы можете судить, карать меня. Но поймите, я уже пытался вам объяснить... Страх!

Бутов почему-то вспомнил сейчас любимого Цвейга. Неожиданно для Рубина он подошел к тянувшейся почти вдоль всей стены книжной полке и, окинув ее беглым взглядом, достал томик Стефана Цвейга — он еще в прошлый раз заприметил его в рубинской библиотеке. Захар Романович с недоумением смотрит на Бутова, ничего не понимает, а Виктор Павлович продолжает листать книгу.

— Послушайте, Захар Романович, что написал о вас большой знаток всех сложностей человеческой психики... Послушайте. «Больше всего обвиняемый страдает от утаивания правды, от угрозы ее раскрытия... Малодушный страх перед решительным словом, на мой взгляд, постыднее всякого преступления». Великолепно сказано! Не так ли?

— Вы прочли мне строчки из Цвейга. Я подписываюсь под ними... Не оправдываю себя... Но мне кажется, что в какой-то мере я уже расплатился...

— Как вам сказать... Судьбе угодно было освободить вас, Захар Романович, от очень тяжелого, на мой взгляд, наказания. От встречи с человеком, чья кровь так или иначе, по причинам, быть может, от вас и не зависящим, осталась если не на ваших руках, то на вашей душе. Человек этот не пожелал вас видеть. А мы не настаивали... Пока не настаивали...

И Бутов рассказал ему все, что знал про Строкова.

— Он не захотел видеть вас, Захар Романович. И до-

чери своей не сказал, кто ее отчим. И Сергею ничего не сказал. Что же, пожалуй, он прав. Но нас все же интересует: почему вы при первой нашей встрече так уклончиво, избежательно, скороговоркой говорили об этом вашем деянии?

— Я понимал, что гитлеровцы втянули меня в гнусное дело... Даже несмотря на то, что мои руки не оказались обгаженными кровью Строкова... Я не пытал, не бил. Но вы только что произнесли страшные слова: капли крови на моей душе... Гитлеровцев, видимо, устраивал сам факт моего участия в допросе, и я догадываюсь, для чего это им нужно было. Но ведь вы могли думать обо мне что угодно. А если бы Строков не нашелся? Могли допустить и более страшное — а не расстреливал ли он своих соотечественников? Поймите же состояние человека, которому приходит на ум такая ужасная мысль.

Рубин тоскливо смотрит на Бутова и после долгой паузы спрашивает:

— Строков все знает про меня: как я оказался в абвере, почему вел допрос? И что пришел к вам?

— Нет, не знает.

— Вот видите...

— Но я вам еще не все сказал, Захар Романович. Вы помните Елену?

Рубин вздрогнул и испуганно посмотрел на Бутова.

— «Помню» — это не то слово, Виктор Павлович. Я обожал, боготворил ее и никогда не прошу себе, что уехал не повидавшись с ней. Это тоже было малодушие...

— Возьмите себя в руки, доктор. Елену казнили гитлеровцы. Она была отважной разведчицей.

...Захар Романович сидел поникший, готовый выслушать любые, самые резкие, самые суровые слова осуждения. Но Бутов продолжал говорить все тем же ровным, тихим голосом. Он понимал — за каких-нибудь три часа одного дня на человека обрушился каскад ошеломляющих событий. А что делать? Нерушим суровый житейский закон — за все надо платить! Полной мерой. Даже если ты уже стар и болен...

— А сейчас, Захар Романович, нам с вами надлежит обсудить некоторые весьма важные вопросы. Они касаются беседы с господином Нандором... И еще прошу вас не забыть: рассказ о вашей последней встрече с Владиком надо изложить письменно.

В Москву Нандор прибыл в качестве представителя посреднической фирмы химического концерна, имеющего свои заводы в ряде стран. Когда он звонил Рубину, у него уже был билет на самолет в Софию — отлет сегодня в восемь двадцать.

Прогуливаясь с Рубиным по скверу, Нандор все время держал в правой руке портфель. Потом взял его левой, и именно в этот момент к ним подошел какой-то человек, что-то спросил и удалился. Он держал в руке точно такой же портфель.

Неизвестный вышел из сквера, обогнул площадь и вернулся уже с другой стороны. Есть основание полагать, что он вел наблюдение не столько за Нандором — Рубиным, сколько за теми, кто находился в сквере: нет ли «хвоста»? В словесном портрете незнакомца нет ничего примечательного — высокий, худощавый, спортивно сложенный человек средних лет в сером костюме без головного убора, с длинными, гладко зачесанными назад волосами цвета спелой соломы. На площади он сел в троллейбус и долго плутал по Москве, пользуясь всеми видами транспорта — метро, автобус, такси, снова троллейбус. После полутора часов такого путешествия ему все же удалось уйти из-под наблюдения.

Бутову ничего не оставалось, как выразить по этому поводу свое недовольство.

— Ну что же, подождем до утра. А сейчас — по домам. Напоминаю, в восемь десять быть на месте. Рижский вокзал. Остановка автобуса девяносто восемь.

...В восемь сорок к остановке у Рижского вокзала подошли двое — Рубин и тот самый молодой человек, который вчера спрашивал, как проехать на Киевский вокзал. Бутов сразу узнал «незнакомца»: Рейган, сотрудник посольства. Как же, встречались — этот «дипломат» уже давно находился в поле зрения контрразведки. Было известно, что его деятельность в Москве не имела ничего общего со службой дипломата.

У Рубина и Рейгана в руках — портфели-близнецы. Ожидать автобуса пришлось недолго. Битком набитый, он подкатил в восемь сорок две. Рейган и Рубин протиснулись в машину и, прижатые друг к другу, обменялись портфелями.

Михеев проследовал за Рейганом. «Дипломат» сошел

в центре. Пересел на троллейбус. Потом спустился в метро. Куда-то позвонил по телефону-автомату. Сел на такси и помчался в международный аэропорт Шереметьево. Там его ждала молоденькая девушка с чемоданом и портфелем. Рейган взял портфель, чемодан, нежно поцеловал девушку и направился к пункту регистрации улетающих. Через час он вылетел в Вену.

А Бутов уже был на квартире у Рубина и вместе с ним рассматривал нандоровские сувениры. В портфеле лежала портативная быстродействующая радиостанция, конверт с советскими деньгами и конверт с инструкциями: в эфир выходить два раза в месяц, не чаще. Каждая передача должна содержать не более двух страниц машинописного текста. В этом случае сеанс передачи будет длиться в пределах нескольких секунд. В конце инструкции напоминание: «Действуйте, как вас учили. Прилагаемую открытку бросьте в любой почтовый ящик через пять дней. Когда мы ее получим, это будет означать, что у вас все в порядке и что между нами установилось взаимопонимание». На открытке адрес дома в Вене и всего лишь несколько слов: «Я здорова, чувствую себя хорошо. Путешествуем без приключений. Целую. Герта». Бутов читает инструкцию вслух и улыбается.

— Так как же, Захар Романович, помните еще, чему вас учили?

— Не надо так зло шутить, Виктор Павлович...

— Я не шучу... События могут повернуться по-разному...

— Не понимаю...

— Со временем поймете. А пока... Я не прочь кофе с коньячком выпить.

— Всегда к вашим услугам.

— А самочувствие, настроение? Как спали ночью?

— Не спал. Настроение и самочувствие соответственны событиям... Рано утром звонила Ирина. Вечером она придет ко мне с отцом... И с Сергеем...

Рубин уперся локтями в колени и, закрыв лицо ладонями, стал усиленно тереть пальцами глаза. Так, не проронив ни слова, они сидели друг против друга несколько минут — не состоявшийся разведчик Сократ и контрразведчик Бутов.

Виктор Павлович узнал его голос — звонил Сергей. Взволнованный, встревоженный. Ему надо срочно сооб-

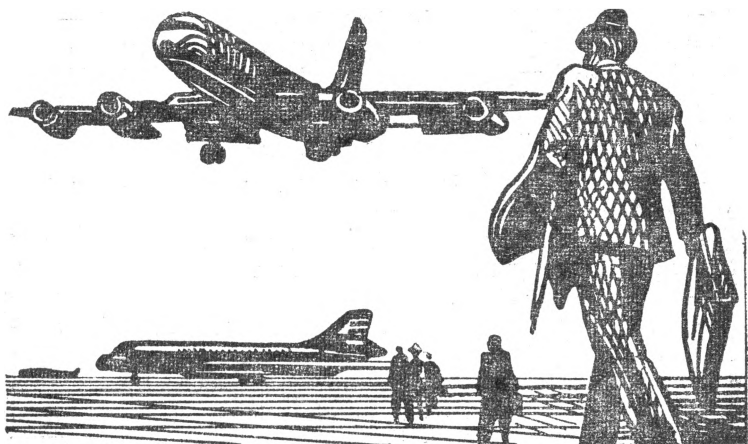
шить полковнику нечто важное. Как быть? Однако полковник не спешит с приглашением.

— Вы откуда звоните?

— Из дома. В квартире я один, но...

— Рассказывайте, что случилось. Ну и что же? Да, да, по телефону.

...Сегодня утром Сергей встретил на Сретенке своего бывшего однокашника Толю, того самого, который когда-то просил помочь «организовать» дубленку, который раза

два бывал у него дома на шумных застольях с участием Веселовского. С тех пор они и подружились, два «деятели» — Толя и Владик. Захлебываясь от восторга, Толя рассказывал Сергею, что вчера получил письмо от Владика. («Вот дает, вот дает! Силен, бродяга!») Веселовский писал откуда-то из Заполярья, из Оймякона. («Пишет, что живет припеваючи, решил рвануть на Север, золотую жилу разрабатывать. Взял да и сорвался, никого не спросил, даже на работе никому ничего не сказал. Сила!»)

— Вы меня слушаете, Виктор Павлович? — Бутов не подает голоса, а Сергею кажется, что их разъединили. — Можно продолжать? Так вот, поначалу я решил, что это бред сумасшедшего, что у Толика не все дома. Я стал его допытывать: «Ты уверен, что это писал Владик?» Но он посмотрел на меня так, будто я сбежал из психиатрической больницы. «Сергей, ты соображаешь, что говоришь — писал ли это Владик? А был ли мальчик? Смешно. — И Толик многозначительно стал крутить пальцем у своего виска: — А что, собственно, так поразило твое воображение: Владик вдруг появился в Заполярье? А что, разве он не мог там появиться?» Я, Виктор Павлович, чуть было не проболтался, но вспомнил о вашем предупреждении. Однако понять не могу — что это: наваждение, мираж? Или я действительно того... Как мог Владик оказаться...

— А почему бы ему и не поехать в Заполярье? — Бутов впервые за время этого долгого телефонного разговора подал голос. — Насколько мне известно, Веселовский последние две-три недели путешествовал по Кавказу, вернулся в Москву...

Сергей ошеломлен.

— Виктор Павлович, я, кажется, действительно того... А встреча с Владиком в вашем доме?

— Я не знаю, о какой встрече вы говорите. Никакой встречи не было. Вам это показалось. Вы меня поняли?

— Нет, не совсем...

— Я еще раз повторяю: Вам это показалось. Никакой встречи не было. Вы меня поняли?

Наступила пауза. Сергей продолжал прижимать к уху телефонную трубку. Прошло несколько секунд, и он вновь услышал теперь уже настойчивый вопрос Бутова:

— Вы меня поняли, Сергей?

— Да, пожалуй...

Крымов ответил еще нерешительно, но теперь он, кажется, начинал догадываться, что раз Бутов говорит: «Не было никакой встречи», — значит, ее не должно существовать — ни в его сознании, ни в его памяти...

Полковник неторопливо положил трубку на место и долго рассматривал ее, будто надеялся услышать еще что-то. Ему надо идти к генералу, докладывать и о звонке Крымова. А как комментировать? Что ответить на естественный вопрос Клементьева: «Вы уверены в Крымове и Рубиной? Не разболтают?» В общем-то он, пожалуй, уверен. Но слишком многое зависит от того, сохранится ли в тайне арест Веселовского, чтобы вновь и вновь не беспокоиться мыслью: «Понял ли его Сергей? Сумеет ли дать понять Ирине?» Хочется верить, что он все понял.

А если не поняли, если проболтаются, — увы, бывают и такие случаи, — если поползет от одного к другому пикантный рассказ о загадочном появлении Владика в суровом Заполярье? «Слыхали, Сергея Крымова вызывали в КГБ по делу Веселовского, а через несколько месяцев Владик присылает письмо и сообщает, что весело живет в Заполярье, «разрабатывает золотую жилу». Тут что-то туманное...»

Виктор Павлович вспоминает обстоятельный разговор с генералом, что был у них сравнительно недавно.

— ...Ну, вот, кажется, и все, товарищ генерал. Первая

часть операции завершается. Теперь вырисовывается ситуация, при которой Сократ может оказаться полезным для нас человеком.

— Полезным или надежным? По велению обстоятельств или души? Это ведь разные понятия.

— Разные, товарищ генерал. Понимаю... В том, что он может оказаться полезным человеком, не сомневаюсь. А насчет надежности... Я не склонен верить в чудеса, в ошеломляющие своей быстротой «перековки». Да еще таких, как Рубин. Не уверен: можно ли, нужно ли вводить его в игру? Если подвести черту итога, то...

И Бутов резко чеканит слова:

— Состава преступления нет. Вот разве только — недонесение. А между тем человек этот вызывает...

Бутов ищет подходящего слова, а генерал, угадав его мысль, продолжает:

— Есть еще кодекс не уголовный, а нравственный. В нем тоже статьи имеются. И тем не менее...

Генерал запнулся и стал осторожно стряхивать пепел сигареты в маленькую изящную пепельницу. Ему надо собраться с мыслями. Генерал иногда ловил себя на том, что вынужден оставлять без прямого ответа, казалось бы, самый простой вопрос. И радовался, когда позже становилось очевидным, что вопрос был не так уж прост. Вот и тогда...

О том, что случилось в его жизни тогда, много лет назад, сегодня ему напомнил Указ, опубликованный в газете: крупному ученому, в связи с восьмидесятилетием со дня рождения и за большие заслуги перед наукой, присваивалось звание Героя Социалистического Труда. Газета лежала на столе, и Указ был обведен жирным красным кругом. Бутов сразу обратил на него внимание, а генерал, перехватив вопрошающий взгляд полковника, нахмурился и негромко, тяжело роняя слова, сказал:

— Когда-нибудь, Бутов, я расскажу вам историю этого человека. Поучительная история и глубокий след в моей жизни оставила...

И не стал распространяться. Ему тяжело говорить. Время не стерло в памяти ни одной детали, будто все это стряслось вчера, а не в первые послевоенные годы.

...Клементьеву, начальнику одного из ведущих отделов, в тот день присвоили звание полковника. В кабинет заходили коллеги, поздравляли, в шутку требовали сегодня же «обмыть звездочку», иначе «отлетит». И в шутку

говорили: «Смотри, Клементьев, нос не задирай. Эка, тебя сейчас вознесут по должности. Готовься...» Шутка шуткой, но в общем-то все поздравляли полковника всерьез и прочили ему быстрый скачок на новую ответственную работу. За плечами у него большой опыт. Человек он приметный — поразительная энергия, трудолюбие, аналитический склад ума, кристальная честность, партийность, принципиальность. Памятный день уже близился к концу, когда на стол полковника легло письмо с резолюцией: «Срочно. Разберитесь, доложите».

Клементьев бегло пробежал письмо и сразу же обратил внимание на подпись: «Преданный вам А.» И все. Анонимка. В ту трудную пору, увы, анонимки имели силу, знали, что все равно письму дадут ход.

Начальник главка союзного министерства, профессор, доктор технических наук, в недавнем прошлом директор большого научно-исследовательского института, обвинялся в тяжком преступлении. Некий «А.» с поразительным знанием всех тончайших штрихов биографии профессора, обстоятельств его жизни сообщал, что начальник главка, отправившись за границу, в одну из капиталистических стран, на конгресс, прихватил с собой пол-листа машинописного текста с секретными данными — параметрами вновь сконструированной машины. «Преданный вам А.» требовал арестовать шпиона.

Под непосредственным руководством Клементьева его ближайший помощник занялся тщательной проверкой анонимки. На первый взгляд все было ясно: да, факты, сообщенные в анонимке, и были местом. Да, выезжал за границу на конгресс. Да, взял листок бумаги с упомянутыми параметрами. Да, когда-то отец его был кустарем. Да, его не принимали в вуз, пока он сам не поступил на завод рабочим. Но было одно важное обстоятельство, которое автор анонимки обошел молчанием. Когда профессор уезжал за границу, данные о новых машинах уже не представляли собою секрета — они были опубликованы в открытой советской специальной печати. Более того. На профессорском листке бумаги они были записаны в весьма туманной, мало о чем говорящей форме. А что касается поведения самого профессора в заграничной командировке, то оно было безупречным. Он даже, в порядке перестраховки, принял все меры для охраны взятых им бумаг, хотя среди них и не было секретных. Так и зафиксировали в справке, подписанной Клементьевым: дан-

ных для привлечения к уголовной ответственности не имеется. Обвинение в шпионаже лишено всяких оснований.

Справку доложили Берия, и через день она вернулась к Клементьеву с резолюцией: «Шпиона арестовать».

Что делать? Слепо выполнять приказ Берия или... Полковник хорошо знал, что может последовать за этим «или». Оставшись один на один со своей совестью, после бессонной ночи, мучительно тревожных раздумий, полковник принял решение: «Попытаюсь добиться приема и убедить...» Приема он добился и постарался максимально коротко доложить свои личные впечатления от встреч и бесед с профессором, личные выводы из тщательного анализа фактов. Клементьева грубо оборвали.

— Все! Можете идти.

Клементьев отказался писать и подписывать постановление на арест профессора. Нетрудно оценить мужество и принципиальность человека, решившегося в ту пору на такой шаг. То был приговор самому себе. Клементьев это знал. Он имел долгий, трудный разговор с одним своим сослуживцем и другом, который вскоре перестал быть другом и даже доказывал на партбюро, что никогда в друзьях Клементьева не числился. Хотя сам себе этот «друг» говорил: «Я же сделал все, что мог. Целый вечер уговаривал его не лезть на рожон — времена дон-кихотов канули в прошлое».

Клементьева сняли с работы. Пять месяцев, по выражению того же «друга», Клементьев находился в подвешенном состоянии. С большим понижением в должности его послали на Север...

Пройдет несколько лет, и Клементьева — он остался все таким же честным, принципиальным, высоко партийным человеком — вернут в Москву, и «друг» будет лобызать его, будет доказывать товарищам, что Клементьев кристально честный человек. «Друга» давно уже нет в семье чекистов, а Клементьев нет-нет да и вспомнит о нем, и сразу же охватывает его ощущение какой-то гадливости, брезгливости, желание руки вымыть...

И вот сегодня он прочел в газете Указ. Тот самый профессор! Выжил, не погиб. Правда восторжествовала! Сегодня вечером генерал позвонит ему и поздравит. А пока надо решать дело другого ученого. Аналогичное? Нет, нет, не то! Другое, особенное, куда более сложное, при всей кажущейся простоте. Состав уголовного преступления нет, но человек этот был в двух шагах от него. Уже

почти барахтался в сетях, заброшенных издалека с помощью Владика и Глебова. Ключнул на их приманку.

...Вон сколько тревожных мыслей может пронестись за какие-то мгновения! А Бутов терпеливо ждет, уловив в последней реплике генерала «тем не менее» какое-то неполное согласие с его позицией. Однако, кажется, пора подать голос.

— Итак, какие будут указания, товарищ генерал?

— Я полагаю, что следует использовать сложившуюся ситуацию и взять под контроль действия противника. Все обстоятельства — за...

— Использовать? В какой мере? И как тут совместить?.. Мы привлечем Рубина к игре... Значит, он уже не ответствен за все свои прошлые деяния? Значит, мы оказываем ему доверие? Как он это истолкует? Есть ли у нас основание и право на такое доверие ему?

Полковник несколько запальчиво выплеснул все эти вопросы и теперь выжидающе смотрел на генерала. А тот улыбнулся:

— Эх, Бутов, Бутов!.. Хотите генерала в угол загнать? Ишь сколько сомнений сразу: «Есть ли основание, право?..» Да поймите же вы, что у нас практически нет выбора. Кем вы замените Рубина в игре? А она обязательно должна состояться. Этого требуют интересы государства. Противник, продолжая начатую операцию, вступил в непосредственный контакт с Рубиным, и мы обязаны вклиниться в эту операцию. Да, Рубин человек ничтожный. Вы правы. Он заслуживает наказания. Ему надо искупать свою вину...

— Он меньше всего сейчас думает о том, как будет искупать свою вину,— сказал Бутов.— Его сегодня интересует лишь собственная персона. Если бы он мог, то сегодня же скрылся... Поймут ли нас, товарищ генерал. Уж больно грязен этот Рубин...

— Когда речь идет о безопасности государства, нельзя пугаться — а что скажут, поймут ли? Не бойтесь — поймут! Мы не отпускаем Рубину его грехи. Но он вместе со всеми своими грехами нужен нам сейчас для контрдействий против противника. В интересах тех, кто, может, не сразу и не совсем поймет нас. Практически Рубин останется вне игры. Подчеркиваю — вне игры! Да и не требуется его непосредственное участие в игре. Эту работу возьмете на себя. Но Рубин приманка для шакалов. Мы заинтересованы в том, чтобы он пребывал в здравии и да-

же вел прежний образ жизни. Его хозяева несомненно будут интересоваться им, проверять. Значит, и нам нельзя быть в стороне...

Генерал поднялся с места и чуть резковато, твердо объявил:

— Действуйте, Бутов! Как условились...

И в той же тональности последовал ответ — короткий, четкий: «Будет сделано». Только где-то про себя Бутов продолжал диалог, подумывая о том, что у Клементьева всегда вот так — его мало интересует: «Что скажут, поймут ли?» Его надежные ориентиры — закон, безопасность государства, долг коммуниста. По этим ориентирам он и находит единственно правильное решение. Бутов не знал, что так было и тогда, когда Клементьев держал труднейший в жизни экзамен, и обведенная красным кругом заметка в газете имеет к тому экзамену прямое отношение.

...Итак, с Сократом все ясно. Теперь надо решать последний и, учитывая предстоящую игру, не менее сложный вопрос: Веселовский. Следствие закончено. Веселовский во всем сознался и дал исчерпывающие показания. Состав преступления налицо, и дело надо передавать в суд. Однако после суда хозяева Владика могут получить сигнал тревоги: советская контрразведка начинает ворошить гнездо, к которому и Сократ в какой-то мере причастен был. Значит, операция может сорваться? Если арестовали Веселовского, то и до Рубина доберутся...

— Что же будем делать, товарищ генерал?.. Может, и Владика на волю выпустим?.. Пусть живет, как прежде жил. — И Бутов хитро улыбнулся.

Но генерал не склонен принимать этот шутливый настрой полковника. С Веселовским не до шуток. Дело трудное, надо что-то придумать.

Веселовского арестовали на пути в Батуми, вечером, в вагоне пригородного поезда. Ирина и Сергей предупреждены: «Никто не должен знать о том, что вас вызывали в КГБ». Все это во имя далеко идущего замысла. И вот настала пора ставить все точки над «и».

— Действуйте, Бутов, как условились... Веселовский не из тех, которые спешат оповестить друзей о случившемся: «Присел, братцы, я крепко...» Нет, это не в его правилах. Фанфарон! Король не захочет признать себя голым. И охотно ухватится за нашу подсказку: «Рванул, братцы, на Север, разрабатывать золотую жилу... Вернусь кре-

зом, но, вероятно, не очень скоро». Он ведь не дурак и сразу поймет — что к чему... Близких родственников нет, а дружки... «Пишите, буду рад...» Помните, Виктор Павлович, как на одном из первых допросов Веселовский просил следователя: нельзя ли сделать так, чтобы о его аресте и о суде не сообщалось в прессе, чтобы в общем-то не афишировалось его грехопадение, хочет скрыть от дружков... Пожалуй, есть смысл пойти ему навстречу... Как считаете, Бутов? Вариант, как говорится, в унисон с нашими намерениями. А детали... Вы их отличнейшим образом отработаете сами? Так?

И, не ожидая ответа, приказал:

— Дальнейшее оформление возьмете на себя.

...Ровно через пять дней после отъезда Нандора в почтовый ящик была опущена открытка с венским адресом и с видом Красной площади. Бутов вступил в игру.

54 коп.

• СОВЕТСКАЯ РОССИЯ •

А.Зубов, Л.Лерер • ВНЕ ИГРЫ •